

ОЛЬГА АРТЕМОВА**1**

Я не стала бы говорить о кризисе в изучении родства, скорее можно было бы говорить о кардинальном изменении тематики социоантропологических штудий в целом. Ослаб интерес к классической проблематике, связанной с бесписьменными культурами, а именно в них родство является структурообразующим началом всей социальной жизни. Это можно считать закономерным следствием развития и переориентации научных интересов, которые в свою очередь следуют за движением социальной реальности.

Можно, конечно, высказать сожаление по этому поводу, так как понимание основ социального взаимодействия в так называемых простых обществах, я бы сказала, в обществах, сформировавшихся спонтанным, естественным путем, путем эмпирически найденных и тысячелетиями проверявшихся решений всевозможных задач социального взаимодействия, представляется мне залогом понимания любых проблем современной социальной жизни, а равно и успеха в поиске способов преодоления глубоких ее кризисов. В наш век близорукого прагматизма это мало кто понимает даже среди

Ольга Юрьевна Артемова
Институт этнологии
и антропологии РАН /
Российский государственный
гуманитарный университет,
Москва

специалистов, получивших неплохое образование. Но все же есть люди, которые готовы продолжать заниматься немодными, непопулярными, трудными, но увлекательными фундаментальными исследованиями, в том числе и связанными с изучением родства. А науку движут вперед всегда лишь талантливые одиночки, которые несколько «не от мира сего».

Кроме того, важно помнить, что в первой половине прошлого века и в его середине был сделан рывок в теоретическом осмыслении структурных основ наиболее непонятных, экзотических, «странных» систем родства (Рэдклифф-Браун, Леви-Строс, Фокс и др.). Ключи для проникновения в пространство «странностей» были подобраны, оставалось только умело ими пользоваться и уточнять конкретные особенности, варианты локальных систем родства, чем многие этнологи (социальные антропологи) продолжали заниматься вплоть до начала нашего столетия, и мне известны весьма ценные труды по системам родства коренных австралийцев и их трансформации под влиянием европейской культуры. Еще в большей мере это, очевидно, относится к этнологическому изучению традиционных культур Индии и ряда других стран третьего мира.

2 Наверное, можно было бы указать на некоторую головомолость и в то же время сухость самого предмета, по крайней мере при том концептуальном и терминологическом аппарате, которым принято пользоваться в международной этнологии. Не могу удержаться от упрека корифеям в этой области, мне кажется, что они сознательно или бессознательно усложняют свой язык и научный аппарат, превращая сферу изучения родства в какую-то эзотерику, что вовсе не оправданно.

3 Я бы не стала говорить о разногласиях, скорее речь могла бы идти об отсутствии настоящего, пристального внимания и подлинного интереса к достижениям друг друга и — как следствие — о взаимном непонимании. Но это ведь не только беда тех, кто изучает терминологию родства, даже в пределах одной области знания мы плохо осведомлены о том, что делают наши коллеги, даже книг близких друзей порой не читаем... А постоянно возрастающий поток информации, невероятное множество публикаций нас в этом как бы оправдывают: мол, все равно не утонишься, свое бы сделать: написать и опубликовать.

4 Мое отношение немного насмешливое, ироничное. «Алгебра родства» мне представляется всего лишь удачной и броской метафорой, подчеркивающей сложность, порой искусственно усиленную узкими специалистами, предмета изучения. «Геометрия» же родства не может претендовать даже на роль хошой метафоры, так как в ней нет уже свежести, оригинальности.

Что же касается собственно движения научной мысли, то в лучших примерах структурно-функционального анализа реальных систем родства, как в эгоцентрической (номенклатуры родства), так и в социоцентрической (родственные группы, десцент) перспективах, нет ничего ни от алгебры, ни от геометрии. На мой взгляд, те из наших коллег, кто претендует на «алгебраизацию» или «геометризацию», несколько «модничают» и рисуются, забывая, быть может, что их роль в изучении предмета куда менее важное обстоятельство, нежели постижение его сути.

5

Абсолютно все проблемы, которые ставит перед нами конкретный этнографический материал. Если же потребовалось бы выделить наиболее интересные и трудно постижимые, то это были бы следующие. Почему в одних обществах превалировало матрилинейное преемство прав, а в других патрилинейное? А можно и иначе сформулировать вопрос. Почему вообще сформировались и до сих пор существуют общества с преобладанием матрилинейного преемства прав? Как практически функционируют общества с матрилинейным преемством прав и матриликальностью брачного поселения, коль скоро принято считать, что в них все равно все ведущие роли играли и играют лица мужского пола?

Теоретически последнее я могу представить себе лишь при дислокальности брачного поселения или отсутствии брака вообще, как это когда-то вроде бы было у касты наяров Малабарского берега Индии. Из известных мне этнографических описаний реальный жизненный процесс при матрилинейности и матриликальности не явствует, по крайней мере не укладывается в мое воображение. Было бы крайне интересно самой посмотреть в поле, как живут и действуют люди при такой нормативной системе.

Еще одна проблема: почему и как конкретно формируются и функционируют квазиродственные структуры (как бы новые кланы, линиджи, номенклатуры) в условиях замкнутых группировок, существующих в современных индустриальных обществах — криминальных, эмигрантских, конфессиональных и любых иных.

Хотелось бы также побольше описаний того, как конкретно функционируют классифицирующие номенклатуры родства в этнографической реальности, а то они скорее констатируются как статичные системы, нежели представляются как динамичные инструменты, использующиеся в социальном пространстве. Хотелось бы написать об этом по собственным полевым материалам, собранным в Австралии, где мне по-

счастливилось быть включенной в родственные круги двух современных поселений, все еще пользующихся классифицирующими номенклатурами родства. «Работа есть работа, работа есть всегда, хватило б только пота на все мои года».

ЮЛИЯ АРТЕМОВА

2 Родство — социальный феномен, а моделью для его системы терминологии служат биологические или квазибиологические отношения. Разнообразие форм, которые принимает этот институт в разных уголках земного шара, также составляет препятствие на пути его изучения.

4 Считаю, что в этом отношении сделано пока недостаточно. Геометризация предполагает в дальнейшем разграничение планиметризации и стереометризации родства, и шаги в этом направлении еще только предстоит сделать. Помимо этого подход будет оставаться формальным, коль скоро не будет грамотно сочетаться с процессами химизации и алхимизации родства, а также рассмотрением физических и метафизических аспектов родства.

5 Проблемы квазиродства. Проекция различных форм родственных отношений на неродственные.

Юлия Александровна Артемова
Российский государственный
гуманитарный университет,
Москва

Изучение квазиродства в субкультурах, характеризующихся дефицитом подлинного родства.

ПАВЕЛ БЕЛКОВ

**Вопросы метаязыка:
этнография, антропология, топология**

1 По-видимому, нельзя говорить о кризисе только в исследованиях по системам родства, не затрагивая вопрос о кризисе, который во второй половине XX в. захватил антропологию в целом. Если говорить об антропологии как одном из направлений этнологии (этнографии), его представители исходят из того, что этнология не способна создать собственную теорию (если угодно, парадигму или единый язык описания), следовательно, обречена на копирование методов других наук. В качестве кандидатуры на роль метаязыка этнографии антропология ничем не отличается от исторического материализма, запрещавшего этнологии собственные теоретические построения (см. материалы совещания этнографов 1929 г.). В XX в. проводились различные эксперименты по скрещиванию этнологии с биологией, социологией, психологией, лингвистикой (в советской России — с политической экономией). В качестве своего рода теоретического достижения было признано, что антропология не имеет (единого) предмета исследования. Само по себе это утверждение верно, неверно, что его автоматически стали переносить на этнологию, т.е. науку, имеющую своим суверенным предметом традиционную (бесписьменную) культуру.

Приведем одну из цитат последнего времени: «Социальная антропология — весьма странная дисциплина. Странная сразу в трех смыслах. Во-первых, сложно сказать, что же она изучает. Во-вторых, совершенно неясно, что конкретно надо делать, чтобы это изучать. Наконец, в-третьих — похоже, никто толком не знает, как сформулировать различие между изучением антропологии и работой антрополога» [Инголд 2009: 10]. Таким образом, ни собственного предмета,

ни собственных теоретических объектов. Следует заметить, что эти строки взяты из предисловия к довольно известной книге Алана Барнарда, которая позиционируется как учебник по социальной антропологии.

Можно сказать, что в первой половине XX в. ученые, называющие себя антропологами (социальными или культурными), еще помнили себя как этнологов; во второй половине XX в. ситуация постепенно изменилась по мере стирания памяти об этнологии, или этнографии, как «прародине» нефизической антропологии.

Такой исход событий можно было предвидеть. В 1958 г. в своем письме на страницах журнала “Science” Лесли Уайт пытался напомнить коллегам о том, что антропология (в его понимании объединяющая этнологию и археологию) по своему происхождению является «наукой о культуре». Напомнить, поскольку «многие “культурные” антропологи обратились к некультурологическим, психологическим, психоаналитическим и социологическим (фокусирующимся на социальных отношениях между человеческими существами) проблемам» [White 1958: 1246]. По своему содержанию это и другие высказывания Л. Уайта на заданную тему представляют собой констатацию кризиса.

Объяснение этого кризиса позже было дано в статье В.Н. Басилова, опубликованной в «Этнографическом обозрении» в четвертом номере за 1992 г. По его наблюдениям, при Ю.В. Бромлее идея развития гибридных дисциплин — этносоциологии, этнолингвистики, этнопсихологии, этноэкономики, этноботаники и т.п. — возникла из убеждения, что этнография сама по себе «неспособна дать солидные научные результаты» [Басилов 1992: 8]. Таким образом, кризисная ситуация сложилась практически одновременно (примерно в 1950–1960-е гг.) как в отечественной, так и в западной науке, и связано это с отсутствием видимых результатов. Впрочем, и в последующие годы определенные результаты, по-видимому, все-таки достигались (по принципу «“антропология” пишем, “этнология” — в уме»), но не фиксировались как общезначимые.

В связи с этим можно отметить, что работы Тайлора, Моргана, Гребнера, Малиновского, Рэдклифф-Брауна приносили *результаты* — эволюционную теорию, теорию культурных кругов или теорию функциональной связи элементов культуры — именно благодаря тому, что их авторы не подвергали сомнению существование традиционной культуры как особого предмета исследования. Отбрасывание этих теорий произошло не потому, что в каждой из них отсутствует рациональное зерно, а потому, что представители нового поколения, вероятно,

не сумели верно понять эти теории. В сущности, понимание — задача топологическая, связанная с «геометрией размещения» терминов данной теории. Объектную теорию вообще невозможно описать посредством другой объектной теории, для этого необходимо обращение к метатеории. На практике же критикующие ученые (по аналогии с понятием «работающие ученые») в качестве метатеории гораздо чаще принимают собственную объектную теорию. В этом случае чужая теория неизбежно приобретает вид по меньшей мере анахронизма.

Однако отсутствие действительного продвижения в области теории всегда можно компенсировать за счет «дискурса», т.е. именно путем создания собственного объектного языка, выдавая его за метаязык. Труд К. Леви-Строса «Элементарные структуры родства» (1949) иногда называют «великолепной неудачей». На самом деле, как показало время, его опыт был вполне успешным. О теории А.Р. Рэдклифф-Брауна, впервые выделившего идеальные типы классификационного родства на основе предпочтительных форм брака (т.е. обмена женщинами между локальными группами), ныне почти не принято упоминать. В то же время соответствующие им понятия генерализованного и ограниченного обмена женщинами весьма охотно цитируются в учебной литературе по системам родства. Отклик А.Р. Рэдклифф-Брауна на статью Л. Дюмона [Dumont 1953] как выражение недоумения по поводу ненужных обобщений и искусственных реинтерпретаций в исследованиях по родству, не имеющих никаких теоретических последствий, был гласом вопиющего в пустыне, хотя он опирался на реальные факты, а его оппонент не смог даже внятно объяснить, в чем заключается преимущество идеи, в обязательном порядке предписывающей считать брата матери не родственником, а свойственником («родственником по альянсу») [Radcliffe-Brown 1953: 112].

В настоящее время существует неизвестным образом возникшая договоренность, согласно которой антропологи, специализирующиеся на изучении родства, по направлению «интереса», или по «акценту», якобы должны делиться на «теоретиков десцента» и «теоретиков альянса». Теория десцента связывается с именем А.Р. Рэдклифф-Брауна, теория альянса — с именем К. Леви-Строса. И то и другое неверно. К тому же непонятно, как проводить исследования на основе такого разделения. Хорошо известно, что в классификационных системах родства работает принцип эквивалентности отношений родства и свойства, т.е. термины свойства отсутствуют как таковые. Именно на факты такого рода указывал А.Р. Рэдклифф-Браун. Самое забавное в том, что авторы, считающие разумным противопоставление теории десцента и теории альянса, при опи-

сании последней приводят схемы родства («элементарные структуры родства»), которые являются всего лишь модификацией идеи А.Р. Рэдклифф-Брауна [Барнард 2009: 160–165].

2

Итак, содержанием кризиса в «антропологии родства» является отсутствие видимых результатов (или незнание путей их достижения). Отвечая на другие вопросы, можно попытаться определить причины этого кризиса. Основным препятствием в изучении систем родства, объективным и субъективным, является тот факт, что системы родства не преподаются как предмет исследования (с фольклором дела обстоят едва ли не хуже). О каком преподавании может идти речь, если профессор не в состоянии отличить уровень собственных знаний от уровня знаний своих студентов? Возможно, Т. Инголд не это имел в виду, но именно это он сказал (см. выше).

Кроме того, в силу обозначенных обстоятельств происходит стирание границ между профессионалами и дилетантами, их слияние в массу «интересующихся». Наука — вещь жестокая. Далеко не всем удастся внести свое имя в историю без инициалов. Теперь все равны, нет ни предшественников, ни последователей. Если к всеобщему удовольствию договориться, что общей парадигмы по определению быть не может, каждый волен создать свою персональную «парадигму» наряду со сколь угодно большим числом других, из которых можно создавать очень красивые мозаики, т.е. новые «парадигмы».

Преподавать «этнографию родства» — это значит обучать студентов методам построения схем родства на основе данных по терминологиям родства и их практическому использованию носителями культуры при контактах с различными индивидами или группами индивидов. Аналогичным образом преподавать «этнографию фольклора» можно только одним способом — передачей навыков табулирования фольклорного материала. В известном смысле этнография и есть *объединение* элементов двух упомянутых множеств.

В российских университетах такие курсы отсутствуют ввиду запретов, налагаемых той или иной господствующей методикой или тем или иным экстранаучным предубеждением. В западных университетах подобных запретов, вероятно, существует меньше, поэтому, например, умение строить («читать и рисовать») диаграммы родства все-таки рассматривается как ключ к профессиональному овладению материалом [Барнард 2009: 144, 147].

3

Как кажется, нельзя прямо ставить вопрос о разногласиях «лингвистов» и «социальных антропологов» по поводу изучения номенклатур родства, или систем терминов родства. Изу-

чение терминов родства — это чисто лингвистическая задача, которая сводится прежде всего к этимологии, семантике и фонетическому развитию терминов родства как явлений языка. Разумеется, это не имеет никакого отношения к предмету исследования этнографии.

Предметом исследования этнографии являются системы родства. На языке математики систему родства можно определить как упорядоченную тройку, или кортеж, объектов, где терминологию родства (точнее, семантику родства) можно уподобить области определения, локальную (семейную) организацию — области значений, а диаграммы родства — множеству упорядоченных пар элементов из двух упомянутых областей (множеств), т.е. функции, или графику функции. В данном случае диаграмма (формула) родства — это закон, который ставит в соответствие тому или иному элементу терминологии родства тот или иной элемент этнографической реальности (социальной организации) при условии, что отображение одного множества на другое стремится к взаимнооднозначности. Другими словами, речь идет об отображении множества образов действий на множество их реализаций в повседневном поведении людей. Эту зависимость опять-таки можно изобразить средствами графики (рис. 1).

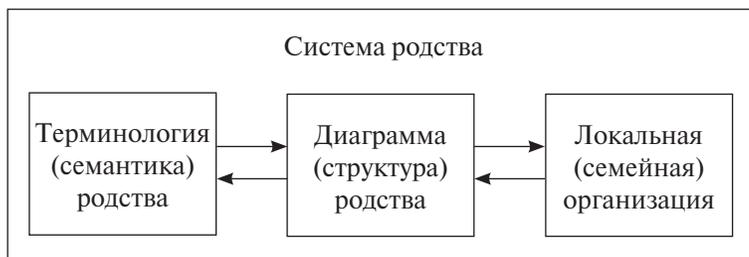

Рис. 1

Конечно, цель построения диаграмм родства состоит не в том, чтобы только показать, что система родства M отличается от системы родства N , а в том, чтобы посредством анализа полученных диаграмм выяснить, как они работают в реальности, трансформируясь друг в друга «без разрывов и склеиваний».

4

Выражая свое отношение к алгебраизации и геометризации исследований по системам родства, надо иметь в виду условность этих обозначений. «Алгебра родства» как научное направление представляет собой псевдолингвистический подход (по крайней мере со стороны этнографов). Так называемый компонентный анализ терминологий родства не имеет ничего общего с научным анализом в узком смысле слова, являясь неосознанной, следовательно, дилетантской попыткой осу-

ществления реляционного подхода к организации баз данных, который опять-таки требует владения специальной теорией. В настоящее время создана (создается) такая база данных по австралийским терминологиям родства, насчитывающая десятки тысяч терминов (245 диалектов, 345 источников) [Doussset et al. 2010: 42–56]. Однако ничего не известно о подобных проектах в рамках «алгебры родства», если не считать таковым несколько выпусков одноименного альманаха.

Понятие геометрического кода в указанном контексте также нуждается в некоторых оговорках в том плане, что к геометрии оно имеет опосредствованное отношение. Модификации диаграмм родства А.Р. Рэдклифф-Брауна, опубликованные в последних номерах «Антропологического форума», представляют скорее вылазку в область топологии или теории графов. Данные диаграммы не являются геометрическими фигурами в узком смысле слова. Это скорее топологии, или графы (топология как дисциплина является обобщением геометрии). Если алгебраизация изучения систем родства возможна, то, вероятно, средствами алгебраической топологии, в то время как на повестке дня усвоение основных понятий общей топологии.

Следует также подчеркнуть, что рассматриваемые диаграммы относятся к семейству графов «утолщенное дерево» с элементами графа «решетка». На этом основании можно ввести понятие графа «решетчатое утолщенное дерево» или даже выделить особый вид графа «классификационное родство».

Интересно, что изобретение топологии (графа) «утолщенное дерево», в которой в отличие от классической топологии «дерево» связи между узлами на разных уровнях различаются по «толщине», обычно приписывается Ч. Лейзерсону: знак «утолщенное дерево» лучше отвечает идее реального дерева в отношении естественного изменения сечения ветвей от листьев к стволу [Leiserson 1985: 982]. Данное свойство увеличения / уменьшения «толщины» ветвей графа коррелирует с реальными межпоколенными изменениями в «толщине» линий родства. Диаграммы систем родства карьера и аранда, опубликованные А.Р. Рэдклифф-Брауном еще в 1913 г., являют собой как раз первые из известных вариантов графа «утолщенное дерево» (как представляется, с элементами графа «шина»). Отличие состоит в том, что диаграммы родства представляют собой ориентированный граф, в котором отличны по своим свойствам не только дуги (генеалогические связи), но и соединяемые ими вершины (ячейки родства).

5

Вопрос о значимых и перспективных проблемах в области изучения систем родства следовало бы переформулировать с точки зрения вопроса о соотношении понятий «задача» и «пробле-

ма». В этом плане наиболее привлекательно выглядит научно-философская концепция, согласно которой теории являются результатом решения не проблем, а конкретных задач (т.е. реальных научных загадок), когда проблема возникает как следствие теории, как способ ее интерпретации: «Наука занята решением не проблем, а задач. Решить проблему — это значит оказаться умным задним числом» [Грязнов 1982: 118]. Можно сказать и так: решение проблемы — это бесконечное хождение по кругу. Поэтому в дальнейшем следовало бы сосредоточить внимание на решении отдельных задач, которых в этнографии накопилось немало, например что такое бвелем меланезийцев острова Амбрим, к какому типу относится система родства народа унгариньин в Австралии, как возникают системы родства кроу / омаха, чем вызвано внешнее сходство систем родства бушменов с линейными системами родства и т.п.

Зная историю исследования систем родства, трудно рассчитывать, что бесконечные дискуссии на отвлеченные темы по поводу «патрилинейности и матрилинейности», «линейности и латеральности», «лингвистического и этнографического подхода» хоть в какой-то мере могут приблизить науку к решению упомянутых задач, т.е. к самой себе. Если же мы сосредоточимся на решении задач, которые ставит перед нами сама этнографическая реальность, мы по крайней мере сможем понять, что так называемое мифологическое мышление («народное знание») сугубо топологично не только в сфере родства, но и в сфере мифа как такового, ибо в основе и того и другого лежит идея непрерывности. С этой точки зрения «миф» и «социум» представляют собой топологически эквивалентные пространства. При так называемом сужении функции картина меняется. Неудачи, связанные с попытками переключить внимание с изучения родства как терминологической системы на изучение родства как социальных отношений (принцип «от систем терминов к системам родства». — П.Б.) [Read 2009: 42], объясняются, вероятно, тем, что отображение множества «социальные отношения» на множество «терминология родства» не является гомеоморфным отображением, т.е. будучи взаимно однозначным, оно, как кажется, не выступает взаимно непрерывным.

Библиография

- Барнард А. Социальная антропология: исследуя социальную жизнь людей. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2009.
- Басилов В.Н. Этнография: есть ли у нее будущее? // Этнографическое обозрение. 1992. № 4. С. 3–17.
- Грязнов Б.С. Логика, рациональность, творчество. М.: Наука, 1982.

- Инголд Т.* Предисловие // Барнард А. Социальная антропология: исследуя социальную жизнь людей. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2009. С. 10–15.
- Dousset L., Hendery R., Bowern C., Koch H., McConvell P.* Developing a Database for Australian Indigenous Kinship Terminology: the AustKin project // Australian Aboriginal Studies. 2010. No. 1. P. 42–56.
- Dumont L.* The Dravidian Kinship Terminology as an Expression of Marriage // Man. 1953. Vol. 53. No. 53–71. P. 34–39.
- Leiserson Ch.E.* Fat-Trees: Universal Networks for Hardware-Efficient Supercomputing // IEEE Transactions on computers. 1985. Vol. C-34. No. 10. P. 892–901.
- Radcliffe-Brown A.R.* Dravidian Kinship Terminology // Man. 1953. Vol. 53. No. 169–171. P. 112.
- Read D.W.* Another Look at Kinship: Reasons Why a Paradigm Shift is Needed // Алгебра родства. 2009. Вып. 12. С. 42–69.
- White L.A.* Culturology // Science. 1958. Vol. 128. No. 3334. P. 1246.

АЛЕКСЕЙ БУРЫКИН

Номенклатура родства и позиции, или функции родства

А от вас только и слышу: «Дурак, дурак». Видно только профессорам разрешается ругаться в Ресефесере.

М.А. Булгаков

Дискуссия вокруг статьи П.Л. Белкова, посвященной даже не проблематике изучения систем родства и систем терминов родства, а вопросу формального представления отношений между позициями или функциями родства и терминами, т.е. номенклатурой родства, приняла нешуточный характер. Как можно понять из высказываний автора, она затрагивает фундаментальные проблемы этнографии, социологии, языкознания и их истории, философии с ее собственной историей, а также касается самих оснований фундаментальных наук о человеке.

Алексей Алексеевич Бурыкин

Институт лингвистических исследований РАН,
Санкт-Петербург
albury@rambler.ru

П.Л. Белков обращается ко мне, как к одному из участников дискуссии, в качестве специалиста по лингвистике. Я не буду возражать против этого и начну с аксиом.

Система лексических единиц, наименований объектов — безразлично, как она устроена и о каком языке идет речь, — во-первых, никогда не будет полностью отражать системные отношения объектов, во-вторых, ее единицы будут так или иначе задействованы в других номинационных системах. Так устроен человеческий язык, т.е. любой естественный язык отвечает этим условиям. Это значит, что в любой системе родства будут существовать такие отношения, которые средствами языка не номинируются и в систему номинаций не входят, и в любой системе терминов родства будут присутствовать такие свойства, которые не распространяются на номинируемую ими актуальную систему родства, неважно, будут ли термины родства связываться с определенными социальными отношениями и структурами, этикетом и т.д.

В первом приближении сказанное здесь означает катастрофический для геометрии родства факт — за квадратиками со словами и линиями кроется лишь малая часть смысловых отношений между вписанными в квадратики словами, поскольку отношения родства как социокультурный феномен подобным образом формализоваться вообще не могут. Попробуйте-ка изобразить отношения между «Мать» и «Сын» единообразно на весь жизненный цикл, и вас поднимут на смех и этнографы, и социологи. Для лингвистов следствие из сказанного заключено в том, что слова языка неоднозначны, полисемия слов — лингвистическая универсалия, такая же, как противопоставление гласных и согласных. Не существует — ни в Австралии, ни в Океании, ни в Африке, ни где-либо еще — языков, в которых слово имело бы только одно значение.

Язык и общество — самостоятельные сущности, они развиваются по своим законам, и вряд ли кто-то станет спорить, что язык и общество изменяются несинхронно во времени и в разных направлениях. Система номинаций предметов материальной культуры, объектов духовной культуры, компонентов социальной организации, в том числе отношений родства, изменяется медленнее, нежели система социальных отношений и система родства в частности. Это тоже аксиома языкознания, но уже исторического. По большому счету это означает, что между системами терминов родства и актуальными для языка пользователей отношениями родства, по существу, нет корреляций или эти корреляции носят в лучшем случае систематизирующий, упорядочивающий характер.

Это утверждение должно было бы нанести сокрушительный удар по тем, кто видит за отношениями родства отношения терминов родства, но такого не происходит, авторы статей альманаха «Алгебра родства», занимающиеся описанием систем терминов родства и извлекающие из них особенности выстраивания систем родства, отдают себе отчет в специфике своего объекта и стоящих за ним реальностей.

Странно, что П.Л. Белков не осознает специфику лингвистического феномена системы терминов родства как системы единиц языка в синхронии и диахронии. П.Л. Белков пытается связать свое изложение с иными лингвистическими аксиомами и пишет: «На языке семиотики для лингвиста содержанием является семантика и / или сигматика, а для этнографа — прагматика» [Белков 2011: 368]. Замечательно. Но, похоже, пишущему не вполне известно, что прагматика давно стала лингвистической категорией и лингвисты отличают реальную прагматику от гипотетической, наподобие той прагматики, что изображена в романе Ильфа и Петрова: «Это яйца. Раз яйца существуют, то должен же кто-нибудь их есть?»

П.Л. Белков, ссылаясь на отдельные пассажи моей статьи, пытается убедить своих читателей в том, что А.А. Бурькин отрицает научный статус этнографии. Он пишет: «В университете меня учили: этнография и лингвистика — разные науки» [Белков 2011: 367], а далее: «целый ряд высказываний, из которых видно прежде всего то, что А.А. Бурькин вообще не считает этнографию наукой, во всяком случае наукой, имеющей развитый понятийный аппарат» [Белков 2011: 374]. Я позволю себе с этим не согласиться. Пафос многих сентенций моей статьи обращен к П.Л. Белкову как этнографу: Павел Людвигович, сделайте любезность, покажите мне, что именно стоит за словами, выкрашенными в разные цвета и связанными друг с другом линиями, какая именно общественная реальность стоит за ними в полном объеме — об отношениях, вытекающих из разницы по признакам пола и поколения, мы сами как-нибудь догадаемся, а вот что касается всех остальных связей — тут ответа нет. Чтобы связать предмет дискуссии с этнографической реальностью, хочется задать П.Л. Белкову ряд конкретных вопросов.

Вопрос первый: если в США рядом живут две семьи, одна из которых имеет английские, а другая ирландские корни, то может ли быть прослежен контраст между германской и кельтской системами родства? Этнография родства, как можно понять П.Л. Белкова, в состоянии это сделать, это две разные имманентные сущности.

Вопрос второй: чем будут отличаться отношения родства в чилийской и венесуэльской семьях, если в обеих говорят по-испански? Допустим и поверим, что системы родства среди испаноговорящих старожилів Нового Света еще не сложились. Или: что можно сказать о системах родства якутов и долган или системах родства верхнеколымских и нижнеколымских юкагиров, если в них состав терминов родства различен, а семейная организация одинакова?

Вопрос третий: в узбекской и таджикской семьях, а равно в лакской и аварской используются разные языки и разные термины родства, так почему же в этих семьях и этих социумах интерперсональные отношения внутри семьи, т.е. те же системы родства, так похожи при колоссальном различии языков и терминосистем? Или нас этнографы вводят в заблуждение, или здесь что-то не так в отношении объекта этнографии к его языковой манифестации.

Вопрос четвертый: у чукчей одни и те же термины родства используются и в отношениях внутри семьи, и в отношениях «товарищества по жене», как тут быть с явно двойным счетом родства и единством терминов?

Вопрос пятый: есть этносы и этнические сообщества, вообще не имеющие собственного языка. Как формализовать, например, систему терминов родства евреев середины XX в., не владеющих ни идиш, ни ивритом? Вот он, случай из анекдота про Вовочку — предмет есть, а слова нет...

Наконец, вопрос шестой: как соотносятся отношения родства и термины родства в смешанных семьях, языком общения в которых выступает язык, не являющийся родным ни для одного из супругов — русский, английский, какой угодно. Можно, конечно, сказать, что отношения родства тут определяются языком, и этому очень порадовались бы Э. Сепир и Б. Уорф, авторы известной гипотезы об обусловленности фактов культуры языком. Но вот согласится ли с этим широкая научная общественность? Не уверен.

Пытаясь дать ответ на вопрос, что же такое система родства, П.Л. Белков пишет: «Систему родства отражает подробное описание связанных с использованием терминов родства норм поведения людей, как говорили в старину, “нравов и обычаев”» [Белков 2011: 368]. Ах это нравы и обычаи, сопровождающиеся употреблением терминов родства. Как это мило и как это похоже на современный Интернет, где повторяются штампы о зловках-колотовках и о том, что «зеть любит взеть», т.е. социальные отношения позапрошлого века вносятся в новую реальность, потому что любители старины извлекли соот-

ветствующие слова и выражения из покрытого плесенью словаря...

А теперь перейдем к ответам на предложенные вопросы.

1

Налицо конфликты — прежде всего между классиками, вписавшими родственные отношения в философию истории (для этнографии — это Морган, для философии — Энгельс), и той разнообразной реальностью, которая повсеместно наблюдается и проявляется в наши дни. Выяснилось, что уровень представлений о формах родства и системах родства середины XIX в., на котором многое выстраивалось, не соответствует нынешним представлениям о социальных явлениях. Например, таково соотношение между референтивными и вокативными терминами родства, ведь Л.Г. Морган понятия не имел о вокативных формах, в его описании систем родства такой категории не предусматривалось. Я бы сейчас к этому добавил и систему социальных вокативов, которая лишь исторически и не везде произрастает из ресурсов терминологии родства, — систему обращений к человеку определенного пола, возраста и социального положения: такие формы обращений, как «дядя», «тетя», «дедушка» и т.п., — обращения, дифференцированные по полу и возрасту адресата и представляющие собой проекцию родственных отношений на социальные.

Еще одна проблема — это отход от корреляции форм и норм родства, описанных в Ветхом Завете и понимаемых учеными нескольких поколений как эталонная модель родства и социальная реальность, с теми нормами, которые представляют собой их противоположность, а равно с положениями и построениями науки о родстве в ее структурно-антропологическом и социальном аспектах. То же характерно для религиоведения: в описаниях разнообразных религиозных систем закладывается аналогия между Верховным существом описываемой культуры и Богом священных книг. Причем это происходит повсеместно. Исследователям, с одной стороны, трудно разобраться в традиционных верованиях (например, народов Сибири), с другой — понять, что представления о верховном божестве Тенгри у тюрков стали проекцией социальных институтов и представлений о божестве и культовых практиках позднейшего времени на общество, религия которого находилась в качественно ином состоянии — так, Небо древних тюрков персонифицировалось в верховное божество, а правитель, исполнявший обряд, о котором осталась запись в памятниках, стал выглядеть верховным жрецом.

2

Слишком прямолинейное понимание позиций системы родства и социальных ролей. И этнографы, и социологи пытаются рассмотреть вопрос, *зачем* может быть нужна та или иная позиция в системе терминов родства и в системе родства, вместо

того чтобы выяснить, *почему*, по какой причине данная позиция получила особую языковую маркировку. Исследователи, пытающиеся найти корреляции между семантикой терминов и отношениями родства, забывают о произвольности языкового знака, из которой имеется множество следствий, не все из которых осмыслены теоретиками семиотики и лингвистами, в частности о гетерогенности (принципиальной негомогенности) любой подсистемы знаков. Динамическая маркированность системы родства как культурного феномена, осознание системы родства как средства этнической идентичности, культурной ценности этноса, и особенно понимание возможности управления ценностными режимами этого явления приводят к тому, что русская система родства начинает иллюстрировать правоту Сепира и Уорфа в том, что язык определяет сознание. Раз *золовка* — враг, а *теща* — предмет анекдотов, то и отношения между невесткой — женой брата и золовкой — сестрой мужа, а равно и между зятем и тещей должны быть соответственными, т.е. отвечающими данной установке.

До недавнего времени никто не задумывался над тем, что современная система родства русских — это крестьянская или мещанская система родства середины XIX в., того времени, когда В.И. Даль собирал материалы для своего словаря. И здесь надо отметить, что система терминов родства и социальная система — по крайней мере применительно к русским — в равной мере сдерживается в развитии, хотя и при помощи разных механизмов. Еще пример: распространение сказок о злой мачехе явно формирует паранормальные отношения между родителями и приемными детьми, причем этот образ не только является пугающим для детей, но и выступает как прецедент для самой мачехи. Показательно, что там, где не имеют распространения подобные сюжеты (например, у чукчей), отношения между родителями и приемными детьми строятся совсем иначе.

3

Я бы рискнул сказать, что социальные антропологи плохо знают свойства языка и преувеличивают его роль в культуре. Они находят проблемы там, где для лингвистов их нет. При этом описания систем терминов родства, сделанные лингвистами, а также этнографами и антропологами, блестяще владеющими изучаемым языком, не обнаруживают противоречий в построениях социальных антропологов.

Один любопытный пример: описание терминологии родства азиатских (русских) эскимосов, сделанное в 1930-е гг. Е.С. Рубцовой, показывает те позиции, о которых позже не говорили ни отечественные этнографы, ни отечественные лингвисты, составлявшие эскимосские словари. Например, различие мужа и жены «на короткое время» и «на длительное время».

Аналогии к таким языковым и социальным фактам можно усматривать только в книгах Р. Кента о гренландских эскимосах, где отмечено понятие *кифак* ‘женщина-эскимоска, исполняющая обязанности домохозяйки и временной супруги мужчины, в течение непродолжительного времени проживающего в социуме эскимосов’. Между тем в таких ситуациях наблюдается любопытный и еще не понятый до конца конфликт менталитетов: в регионах Крайнего Севера, когда у приезжего мужчины — русского, украинца, коми и т.д., который явно не планирует прожить среди ненцев или чукчей всю жизнь, появляется такая домохозяйка — ненка, долганка, чукчанка, кто угодно, для такого мужчины она является гражданской женой в относительно редких случаях (в понятие жены вкладывается другое содержание), но для женщины — представительницы коренных народов Сибири — в такой ситуации мужчина — это муж, хотя и «на короткое время», но со всеми вытекающими из ее семейного статуса обязанностями. Досадно, что этот вопрос еще не был предметом изучения этносоциологов-сибиреведов.

Если говорить о русской системе родства и системе терминов родства, то тут надо указать несколько факторов, о которых по каким-то причинам не задумываются ни лингвисты, ни антропологи.

Фактор первый — особое понимание семьи как элемента обычного права, отражающее едва ли не времена монголо-татарского нашествия. Кажется, никто не обратил внимания на то, что объектом последней переписи населения 2010 г. было домохозяйство (как будто целью переписывания был сбор подушной дани с назначением ответственного по хозяйству).

Фактор второй — особые отношения, прежде всего имущественные, между поколениями, когда недвижимая собственность, гарантирующая статусный минимум, чаще всего наследуется младшим поколением от старших, и соответственно младшие члены «семьи» пребывают в нестатусном состоянии до ухода субъектов собственности из жизни. Это же во многом определяет отношения между собственниками и в одном, и в разных поколениях. В.В. Розанов заметил: «В России вся собственность выросла из “выпросил”, или “подарил”, или кого-нибудь “обобрал”. Труды собственности очень мало. И от этого она не крепка и не уважается» («Уединенное»). Причем, следуя за выдающимся философом и литератором, она не уважается у равных и тем более не уважается у младших. «Право первой зарплаты», изымающее жалкие крохи собственности у детей в пользу родителей, есть чисто русское национальное явление.

Фактор третий — чисто «русские» демографические проблемы, когда число детей у родителей, проживающих совместно со

старшими родственниками, в социальном отношении определяется возможностями, справедливее сказать — желаниями дедушек и бабушек, которые никоим образом не планируют иметь дома детский сад, а в структурном отношении — площадью жилья, той самой собственностью, перспективы на изменение которой в соответствии с культурными реалиями по умолчанию отсутствуют. Здесь, в этой самой сфере, заключено непаханое поле для исследований социологов и социальных антропологов, не говоря уже о демографах. Но почему-то на эти вопросы почти никто не обращает внимания, и они решаются в рамках марксистско-ленинского учения, где закладывается перманентный рост населения этноса и государства, уподобленный производству тракторов и телевизоров.

Хочется вспомнить наблюдения М. Мид почти столетней давности над социумом в Полинезии. Она отмечала, что девочки старшего возраста, на которых матери перекладывают ответственность и заботу о младших детях, подвержены психическим расстройствам¹. Что тогда говорить о «русских» семьях, где такое положение вещей было нормой для старших и судьбой для младших? Получается, что такого типа расстройства являются социальной болезнью части этноса на протяжении нескольких поколений.

Складывается странная ситуация, когда изучение феномена родства в России (в современной России в частности) как научная междисциплинарная проблема в многообразии задач и объектов преобразуется в соответствии с социокультурным и политическим заказом и распространяется на очень ограниченный сегмент, куда входит даже не историческая ретроспектива системы родства и архаическая система терминов родства, а хронологически и сословно ограниченный ее фрагмент, соотносящийся с крестьянской или мещанской семьей и не имеющий перспективы развития в эволюционирующем обществе. За пределами этого поля находятся семейные отношения высших сословий².

¹ Автор этих заметок имел возможность 20 лет назад сделать небезынтересное наблюдение в одной мужской компании с возрастом 25–35 лет, собравшейся по случаю рождения сына у одного из членов этой компании. Оказалось, что по двое детей имеется у тех, кто был единственным ребенком в семье, и у тех, кто был младшим из двоих детей в семье. У тех, кто был в семье старшим, либо не было детей, либо был один ребенок. Любопытно и ожидания тех женщин, которые были единственными дочерьми у родителей: до реальных перспектив на брак в будущем они желали иметь двух детей, а будучи замужем, они ограничивались одним ребенком, правомерно усматривая во втором ребенке угрозу своему имущественному положению, к которому привыкли с рождения.

² Нам неоднократно доводилось слышать, с каким возмущением и негодованием было встречено в конце 1940-х гг. намерение К.П. Тихомоловой, в будущем профессора химического факультета ЛГУ — СПбГУ, выйти замуж за своего двоюродного брата, скульптора Вс. Тихомолова, среди их родных и близких. Подобный брак не запрещался Кодексом о браке и семье РСФСР и был своего рода нормой в высших сословиях дореволюционной России, но в указанные годы он рассматривался как вызов обществу и потрясение устоев морали.

Все правовые отношения, которые не связаны с потестарно мотивированными воспитательными действиями старших в отношении младших, все особенности поведения членов «большой русской семьи», зависящие от старших поколений (куда входит и актуальнейшая проблема планирования семьи), полностью выпадают из поля зрения исследователей.

Еще один комментарий. Лингвисты хорошо знают, что система терминов родства в любом языке обычно на 400–500 лет (а может быть, и на больший временной интервал) архаичнее той реальности, к которой она прилагается, поскольку язык меняется медленнее, чем общество. Чем объяснить, что английские слова “Husband” и “Wife” выглядят (по крайней мере на фоне немецкого языка) оригинальными терминами. Они лучше соотносятся с германской языковой реальностью, чем немецкие “Mann” — “Frau”, изоморфные славянским «мужь» — «жена» или частично изоморфные французским “mar” — “femme”. Это дает основания думать о возможных заменах, хотя бы и в известном диапазоне источников для таких замен. Вот вам вполне реальные связи и различия между системами родства и системами терминов родства в системных отношениях внутри двух сущностей и в той хронологии, какой они соответствуют.

4

Алгебраизация и геометризация антропологии родства — это техника, которую может реализовать человек, испытывающий тяготение к формулам и схемам. Еще в начале 1980-х гг. использование кода Ю.И. Левина в противоположность русским переводам терминов родства при описании систем родства каких-то экзотических народов среди тех, кто был занят описанием систем родства, обуславливалось либо многозначностью русских, английских или немецких терминов, либо невозможностью передать то или иное значение в силу того, что аналогичные термины в русском языке отсутствовали. Известно, что определенные описания систем родства и терминов родства народов Сибири, выполненные на немецком языке, не дают однозначного понимания приведенных в них терминов родства с немецкими переводами. Другая проблема — не всегда авторы двуязычных словарей учитывают специфику систем терминов родства при составлении национально-русских и русско-национальных словарей.

5

Наиболее значимыми и перспективными для изучения проблемами антропологии родства мне представляются следующие.

1. Историческая ретроспектива отношений родства в контексте истории форм семьи и смыкающихся с ней отношений мужчины и женщины. Думается, настало время покончить с мифами — с понятиями промискуитета как стартовой точки эволюции семьи, материнского рода как исторической основы

семейных отношений и матриархата как исторической формы социальной и семейной организации (любопытно, что мифы о матриархате присутствуют в фольклоре даже на исламском Востоке, например у казахов). Иначе некоторые особо продвинутые исследователи еще долго будут писать о пережитках материнского рода у современных эвенков, не замечая, что куда более явным его пережитком является высокий процент неполных семей.

Актуальной задачей становится изучение альтернативных семейных отношений при де-факто существующей полигамии, изучение статуса женщин, вовлеченных в круг семьи мужчины, и потомства от них (кстати, такой материал в изобилии присутствует и в Ветхом Завете, но о нем задумывался только Дж. Фрэзер), зависимости отношений родства от того, жив или умер коннектор отношений родства (здесь возможны три варианта, влияющих на систему родства: не изменяющиеся, утрачивающиеся или появляющиеся со смертью коннектора отношения). По материалам вологодских имущественных описей конца XVIII в. племянник считался родственником своего дяди с таким названием только после смерти своего отца, т.е. брата главы хозяйства. Сделанные наблюдения требуют тщательно проверить родственные отношения, известные нам по летописям: какие действовали при жизни коннекторов и какие вступали в действие только после смерти коннекторов.

2. Источниковедческая основа для изучения отношений родства конкретных этносов. Уже невозможно проецировать общие закономерности (а иногда и мнимые закономерности) на эволюцию системы родства и системы терминов родства отдельных народов. В частности, из нее категорически должен быть исключен сказочный фольклор. Если в сказке дурак женится на царской дочке и становится царем, это не означает, что у русских власть или что-либо иное передавалось по линии от тестя к зятю. Несказочный фольклор может служить источником для изучения отношений родства и брака только при наличии массового материала на определенных территориях.

3. Происхождение экзогамии и понимание инцеста. Как известно, генезис экзогамии и появление запрета на разные типы родственных брачных союзов — проблемы нерешенные и практически нерешаемые. Накапливание материала, по крайней мере по Сибири и Центральной Азии, показывает, что единственный запрещенный союз, который трактуется как наказуемый инцест, — это союз старшей сестры и младшего брата. При этом дозволенным считался брак старшего брата с младшей сестрой (якуты, В. Серошевский) и даже брак отца с дочерью (тувинцы, Ф. Кон). (То, что Ф.Я. Кон, издававший

свои этнографические наблюдения и заметки в 1930-е гг., говорил, что, по его данным, существование таких браков напрямую не подтверждается, относится скорее к этнографической этике. Иначе тема подобных браков не могла бы обозначиться.)

Отсутствие указаний на близкородственные связи других типов в этнографических источниках или несказочном фольклоре скорее говорит об их дозволенности. Факт фиксации того, что у калмыков еще в XVIII в. второй женой становилась мачеха (М.М. Батмаев), — редкий пример отражения таких явлений, связанных с конфликтом представлений у наблюдаемых и наблюдателей о дозволенном и желательном.

4. Оформление отношений родства в неполных семьях в историко-этнографической перспективе. Почему-то по инерции такие наблюдения почти всегда попадают в этнографию детства, в континууме публикаций по этой проблематике найти их трудно. Между тем этот материал имеет исключительную ценность для этнографических реконструкций. Так, есть основания полагать, что в известном мифе Эдип был младшим братом Иокасты, а не сыном или считался ее младшим братом, если он не был сыном Лая, — в точном соответствии со счетом родства в неполных семьях, известным по этнографическим параллелям, когда внебрачные дети считались младшими братьями и сестрами родившей их женщины.

5. Социально-демографические исследования отношений, сопровождающих родство: реальные социальные функции тех лиц, за которыми закреплены определенные позиции в системе терминов родства. Только наличие специфических социальных ролей может показать, что между системами родства и системами терминов родства существует этнологически значимая связь. Прежде всего такая связь, если она проявляется, должна наблюдаться в рамках большой многопоколенной семьи или какой-то социальной структуры, объединяющей лиц, находящихся в разных степенях родства, принадлежащих к одному или двум поколениям. Однако более чем вероятно — и на русской большой семье это хорошо заметно, особенно в современных условиях, — что количество терминов родства намного больше ожидаемых социальных функций.

6. Исследование хронологических корреляций социальных реалий и норм морали, оценивающих эти самые реалии. Одна из христианских заповедей гласит: «Не желай дома ближнего твоего; не желай жены ближнего твоего, [ни поля его,] ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, [ни всякого скота его,] ничего, что у ближнего твоего» (Исх. 20:17). Кому адресованы слова «Не желай жены ближнего твоего»? Они адресуются тому члену общества, который является совершеннолетним и имеет

статус полноправного гражданина, при том что возраст совершеннолетия во времена Ветхого Завета составлял 13–14 лет, члену общества, у которого в этом возрасте есть дом и есть одна жена, а может быть и две, и у каждой жены имеется по служанке, на которых он имеет такие же права, как и на жен. Абсолютный возраст этих объектов права соответствует возрасту нынешних учащихся 7–8 класса школы. Остается только спросить, знают ли об этом историческом парадоксе, связывающем время и конфессиональную идентичность, нынешние педагоги и специалисты по возрастной психологии?

Библиография

Белков П.Л. Этнография родства и проблема рациональности научного открытия // Антропологический форум. 2011. № 14 Online. С. 365–445. <<http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/014online/belkov.pdf>>.

ГЕРМАН ДЗИБЕЛЬ

К дискуссии по проблемам изучения систем родства

1

Феномен родства занимает ключевое положение в структуре общественных наук. Наиболее разработанная в этнологии / антропологии, эта тема привлекала и привлекает внимание представителей других наук — лингвистики, генетики, экономики, социологии, психологии, юриспруденции, логики. Всеобщность и универсальность феномена родства представляет сложность для систематического описания в рамках той или иной отдельной дисциплины. Неизбежен процесс дробления школ, подходов и взглядов на феномен родства как в разных этнических культурах, так и в разных отраслях знания. Быстрые описания новых систем родства опережают темпы осмысления материала. Известны даже случаи «изобретения велосипеда», когда исследователи натываются на проблему родственных отношений в процессе работы над другими темами и начинают развивать ее, не подозревая, что она уже разработана.

Герман Валентинович Дзитель
Публисис США, Нью Йорк /
Большая Российская
энциклопедия,
Москва
dziebelg@gmail.com

В то же время избыток разнообразия в плане выражения научного интереса к проблемам родства сопровождается рассеянным вниманием к плану содержания феномена родства. Как следствие, наблюдается недостаток синтетических подходов, которые бы обеспечивали взаимопроверяемость и взаимообогащение теорий и усовершенствование фиксации первичного материала.

В последние 40 лет в некоторых западных научных традициях (в первую очередь в американской антропологии) исследование феномена родства подверглось капитальному пересмотру, в результате чего традиционные подходы к построению моделей систем родства как форм социального воспроизводства (эволюционизм, функционализм, структурализм, формализм) и традиционные объекты изучения (доиндустриальные неевропейские общества и их ячейки) уступили место символической, конструктивистской или интерпретативной антропологии, нацеленной на описание различных способов репрезентации и манипуляции языком и символами родства племенными, национальными и общемировыми социополитическими институтами, гендерными, сексуальными, молодежными субкультурами, медицинскими учреждениями (например, в контексте трансплантации органов, геной инженерии и пр.) и правовыми организациями (например, в контексте международной адаптации).

Традиционные подходы к феномену родства в рамках самой антропологии были переосмыслены как конкретно-исторический способ бытия западного антропологического истеблишмента XIX–XX вв. по отношению к его «вассалам» — аборигенным обществам Африки, Азии, Океании и Америки. В то же время западным антропологам-конструктивистам оказалось проще воспринять «точку зрения туземца» [Geertz 1973], чем точку зрения предшествующего им поколения западных же антропологов. Последователи более традиционных позитивистских, количественных и формальных методов изучения феномена родства отошли в сторону и заняли озлобленно-выжидательную позицию, иногда прерываемую критическими репликами, раздающимися в периферийных антропологических изданиях (см., например: [Shapiro 2008]).

5

Былая самозабвенная страсть к изучению феномена родства («изучение систем родства лучше секса», по шутливому выражению Дж.П. Мердока), сменившаяся в американской антропологии «ледниковым периодом» скептицизма и эпистемологического самокопания, неожиданно обрела второе дыхание в трудах физических антропологов и популяционных генетиков. С начала 1990-х гг. у генетиков постепенно появился

доступ, с одной стороны, к миллионам пар оснований митохондриальной, аутозосомной, у-хромосомной, х-хромосомной и прочих ДНК, собираемых у народов всего мира, а с другой — к новейшему программному обеспечению по анализу этой колоссальной информации.

Нарастает количество научных публикаций, моделирующих древние этнические, расовые и популяционные процессы на основе частотностей генов и генеалогических древ гаплотипов. Если основатель антропологической традиции изучения феномена родства Л.Г. Морган стремился к познанию «систем родства и свойства человеческой семьи» [Morgan 1871] через выявленные им закономерности кодирования этих систем в языках мира и тем самым к углублению существовавших в XIX в. генеалогических классификаций языков мира (а позже, уже в «Древнем обществе», под влиянием новой долгой, геологической, хронологии мира также и стадийных классификаций человеческих обществ), то современные популяционные генетики решают похожие вопросы путем количественного анализа и картографирования молекулярных «кирпичиков» родства и наследственности с последующей интерпретацией происхождения, демографического роста и расселения человеческих популяций из Африки начиная с эпохи среднего плейстоцена.

Выясняется, что структуры генетического (аллельного) разнообразия отражают помимо демографии и филогенеза еще и традиционную этнологию, а именно — локальность послебрачного поселения, линейность счета родства и формы брака. Например, матриликальные общества демонстрируют редуцированное разнообразие вариантов мтДНК, а патрилокальные общества — редуцированное разнообразие вариантов у-хромосомы [Oota et al. 2001; Wilkins, Marlowe 2006]. Полигиния приводит к сокращению аллельного разнообразия в генетических системах, передающихся по отцу, и повышению разнообразия в системах, передающихся по матери [Kutanan et al. 2011]. В качестве конкретного примера: длительная матриликальность океанийских обществ, говорящих на австронезийских языках, закономерно привела к избытку у них папуасских, доавстронезийских вариантов у-хромосомы [Hage, Marck 2003].

Зачатки современной теории происхождения человека современного вида из Африки присутствовали уже у Ч. Дарвина, который писал в «Происхождении человека»: «Можно считать вероятным, что в прошлом Африку населяли вымершие ныне обезьяны, родственные (*allied*) горилле и шимпанзе. Ввиду того что эти два вида являются ближайшими родственниками (*allies*) человека, вероятнее, что наши предки жили в Африке, чем на каком-нибудь другом континенте» [Darwin 1871: 191].

В историографии взглядов на феномен родства Ч. Дарвину принадлежит особое место. Именно он отчетливо сформулировал мысль о том, что за всем разнообразием видов живой природы стоит не божественный план, а простые генеалогические отношения по родству: «Естественный отбор, который проистекает из борьбы за существование и который неминуемо приводит либо к исчезновению, либо к видоизменению признака в видах, произошедших от общего предка, объясняет важнейшее и универсальное свойство, связывающее всех живых существ, а именно — подчинение одной их группы другой. Мы пользуемся понятием общего происхождения (*descent*) ради объединения особей независимо от пола и возраста в один вид, хотя между ними может быть мало общих черт; мы пользуемся понятием общего происхождения для классификации известных разновидностей, независимо от того, как непохожи они могут быть на своих родителей. И, по моему мнению, общее происхождение и есть то самое скрытое единство (*bond of connection*), которое натуралисты пытались описать как Систему Природы» [Darwin 1900: 230].

Полезно сравнить дарвиновские взгляды на феномен родства и единство живой природы со взглядами Л.Г. Моргана. Л.Г. Морган в своем зоологическом труде «Американский бобр и его творения» [Morgan 1868] в качестве принципа, лежащего в основе единства живой природы, выдвинул не общее происхождение, а общую умственную способность, присущую в разной степени как человеку, так и низшим животным и выражающуюся в активной адаптации к природной среде, обучении на собственном опыте и передаче этого опыта от одной особи к другой. В четкой организации бобровых хаток и поселений Л.Г. Морган видел действие того же принципа, что и в «системах родства и свойства» человека. Все виды, включая человека, не просто эволюционируют друг в друга, а проходят через свои внутривидовые стадии эволюции, используя опыт предшествующих поколений.

Эта малоизвестная сторона наследия Л.Г. Моргана не только закономерно вписывается в его более поздние исследования в области социальной эволюции и эволюции систем родства, но и предвосхищает элементы структуралистского и конструктивистского подходов к изучению систем родства второй половины XX в. Если мы сравним моргановское понимание феномена родства, изложенное им в «Американском бобре», с классическими утверждениями А. Кребера («термины родства отражают психологию, а не социологию» [Kroeber 1909: 84]), К. Леви-Строса («система родства не состоит из объективных связей по общему происхождению или кровному родству между индивидами; это произвольная система пред-

ставлений, а не спонтанное развитие реальной ситуации» [Lévi-Strauss 1963: 50]) и Д. Шнайдера («Я взялся рассмотреть системы родства с той же глобальной позиции, что вы [К. Леви-Строс. — Г.Д.] заняли в изучении мифов» [Dziebel 2007: 137, п. 2]), то станет очевидной их общность.

Становится также понятным, что Л.Г. Морган и Ч. Дарвин смотрели на единство живой материи с разных точек зрения. Если Ч. Дарвин и его последователи полагают, что развитие живого мира и в конечном итоге дивергенция популяций человека современного вида протекали на манер плавного, ритмичного и кратчайшего генеалогического почкования, то Л.Г. Морган заложил основы понимания эволюции как сложного процесса, в котором «опыт предков» или «культура» посредством накопления и трансмиссии создает предпосылки для регулярного и систематического отклонения от линейной генеалогической модели и усиления тенденции к эволюционной конвергенции. (Кажется не случайным, что Л.Г. Морган выработал свои представления на основании наблюдений за дикими животными, тогда как на Ч. Дарвина сильно повлияла европейская традиция искусственного разведения животных и птиц [Dziebel 2007: 56].)

В русле неодарвинистского синтеза популяционные генетики воссоздают историю гомо сапиенса как последовательное ответвление человеческих популяций от древних африканских групп, генетические следы которых, согласно генетикам, наиболее явственно просматриваются у современных палеоафриканцев (бушменов и пигмеев). Генеалогические древа митохондриальной ДНК и у-хромосомы базируются на идее идентичности по происхождению участков ДНК палеоафриканцев, с одной стороны, и шимпанзе — с другой. Остальные континентальные группы возникли, по мысли генетиков, путем последовательного накопления мутаций, не присущих ни шимпанзе, ни палеоафриканцам. Наиболее отдаленными от палеоафриканцев и шимпанзе — генетически и географически — признаются американские индейцы. При этом считается, что определенные фенотипические и генетические признаки (цвет кожи, текстура волос, высокое внутригрупповое аллельное разнообразие и относительно малый объем мозга у африканцев по сравнению с объемом мозга европеоидов, монголоидов и индейцев) являются общечеловеческим наследием, в основном утраченным популяциями за пределами Африки в результате действия так называемого серийного «эффекта основателя» (*founder effect*).

Нельзя не заметить, что наблюдаемые черты преемственности между современными африканцами и предковыми антропоид-

ными формами могут представлять собой гомоплазию, а не общее происхождение. Например, повлиял ли на формирование характерной пигментации у африканцев южнее Сахары и у северных европеоидов в дополнение к ультрафиолетовому излучению еще и половой отбор, связанный с высокой частотностью и относительной древностью полигинных браков в Африке и высокой частотностью и относительной древностью моногамии в Европе? В полигинных популяциях происходит избыток пренатального содержания тестостерона и недостаток эстрогена, а в моногамных популяциях — наоборот [Manning et al. 2004]. Действительно, у африканских охотников-собираателей, у которых полигиния встречается редко, кожа светлее, чем у африканских земледельцев, хотя первые, очевидно, архаичнее последних. Точно так же цвет кожи индейцев, населяющих тропики, светлее кожи африканцев, и у них тоже полигинные браки редки, а полигинные семьи немногочисленны. Чистая моногамия у них тоже редкость [Frost 1994]. В то же время в Азии, Австралии, Океании и Америке частота прескрипционных браков (кросскузенных, сороратных, левиратных, браков с дочерью сестры, с вдовой брата отца, с приемной дочерью и т.п.), которые находятся как бы посередине между полигамными и моногамными нормами, гораздо выше, чем в Африке южнее Сахары и Европе. Нельзя ли эволюционно первичной формой пигментации у гомо сапиенса считать более умеренную, в то время как отклонения от нее в сторону более радикально светлых (у европейцев и северных азиатов) и более радикально темных (у африканцев и меланезийцев) вариантов объяснять конвергенцией?

Оторванность популяционных генетиков от традиции изучения систем родства в (социальной) антропологии приводит к явному противоречию между богатством эволюционно первичных простых, прескрипционных (по К. Леви-Стросу и Р. Нидему) и классификационных (по Л.Г. Моргану), систем родства и брака в Австралии, Океании и Америке и теорией происхождения человека из Африки, где доминируют эволюционно вторичные, «описательные» (по Л.Г. Моргану) и «сложные» (по К. Леви-Стросу), системы [Dziebel 2007].

Высокое внутрigrупповое разнообразие, отмеченное в генах африканцев, может свидетельствовать не об их древности, а о более высокой степени гибридизации и большем эффективном размере африканских популяций. С этим согласуется факт господства в Африке южнее Сахары «сложных» форм брачного альянса, которые способствуют включению более обширных географических территорий в зону брачного обмена. Соответственно, сниженное лингвистическое разнообразие, сниженное межгрупповое генетическое разнообразие и отсут-

ствии эволюционно первичных форм брака и систем родства у африканцев закономерно свидетельствуют об их более позднем происхождении по сравнению с популяциями Америки, Азии и Океании [Dziebel 2007].

Богатство и разнообразие форм кодирования таких негенеалогических элементов, как относительный пол, относительный возраст и слияние альтернативных поколений (и их связь с симметрично-прескрипционными браками), в системах терминов родства за пределами Африки и Европы и поступательный распад структур, базирующихся на их основе, на мириады конвергентных типов систем терминов родства в разных регионах мира [Dziebel 2007] свидетельствуют о том, что биокультурная дифференциация не вписывается в дарвиновскую модель эволюции¹.

В последнее время эволюционные биологи стали более внимательно относиться к наследию К. Леви-Строса в области изучения систем родства и брака [Charais 2008]. Причиной этого интереса является своеобразие симметрично-прескрипционных (или «эпигамных», в российской традиции) систем родства и брака на фоне известных биологам способов регулирования биологических связей по родству и воспроизводству в других обществах приматов. Если у приматов фиксируются либо только брачные правила (ср. полигинию у павианов), либо только осознание общего происхождения групп родичей по мужской или женской линии (у многих видов мартышек Старого и Нового Света, среди которых царит промискуитет), то у человека присутствует и то и другое.

Павианы, согласно [Rodseth, Wrangham, Harrigan, Smuts 1991], — единственное нечеловеческое общество, в котором брачные правила и родственные структуры тоже сосуществуют и самки по достижении зрелости переселяются из родительской группы, т.е. налицо экзогамия. Но и здесь присутствует существенное различие между павианами и людьми. Если у павианов самка, ушедшая жить к самцу, признает его родителей за родственников, то самец в ответ не признает ее родителей за родственников. У человека не только сосуществуют брачные нормы и нормы счета родства, но еще и наблюдается эпигамное взаимодействие между различными ячейками общества.

Если рассматривать системы родства и свойства у человека с точки зрения составляющих их компонентов, то в дополнение к поведенческим моделям, известным по обществам при-

¹ О роли конвергенции в исторической фонологии индоевропейских языков см.: [Garrett 2006].

матов (сосуществование групп самцов и самок в пределах одной территориальной ячейки, спаривание за пределами группы родственников, счет родства по матери), у человека присутствуют и такие элементы, как счет родства по отцу, нормы брачного поселения, родовые группировки, связи между братьями и сестрами, брачный обмен и пр. В результате сравнительного изучения систем воспроизводства обществ человека и антропоидных обезьян появляется возможность построения моделей ступенчатой эволюции от систем родства и свойства шимпанзе (сосуществование групп самцов и самок в пределах одной территориальной ячейки, филопатрия самцов, промискуитет) к базовой системе родства и свойства человеческой семьи (“exogamy configuration” у Б. Чапайса) через гипотетические системы, приписываемые вымершим видам гоминидов (австралопитекам, гомо габилису, гомо эректусу, неандертальцам). Прогресс в области извлечения и анализа ископаемой ДНК уже привел к обнаружению свидетельств патрилокальности, не свойственной обществам приматов, — у западноевропейских неандертальцев [Lalueza-Fox et al. 2010].

По мысли Б. Чапайса, система родства гомо сапиенса сложилась до возникновения языка. В этом нет ничего удивительного, т.к. Чапайс — биолог, а не лингвист и не культурный антрополог. С одной стороны, такой вывод открывает перспективную область поиска истоков языка в специфике социальных взаимоотношений и коллективного характера воспроизводства у непосредственных предков человека. С другой стороны, он заставляет недоумевать, почему системы родства и свойства у человека, если они достигли своей законченной формы до возникновения языка, выражаются в огромном количестве неповторимых систем терминов родства.

С моей точки зрения, высказанной в «Феномене родства» [Дзибель 2001] (см. также: [Dziebel 2010]), система терминов родства представляет собой своего рода ископаемую (или эмбриональную) форму языка, т.е. языка, который еще не дифференцировался на формально выраженные подсистемы (глагольная, именная, местоименная и пр.), но уже выражал принципы взаимности, реляционности и эгоцентричности. Я отказываюсь от рассмотрения систем терминов родства как отражающих заранее заданные факты биологического воспроизводства индивидуальных особей (в русле конструктивистского мышления Д. Шнайдера или алгебраических моделей Д. Рида) и предлагаю рассматривать эволюцию систем терминов родства как наглядный пример эволюции символизма — основной характеристики поведения гомо сапиенса в процессе демографической и социальной эволюции от охотничье-

собираетельских микропопуляций эпохи среднего и позднего плейстоцена к современным макропопуляциям.

Революционный переход от экзогамии к эпигамии (в понимании Б. Чапайса) и консолидация разрозненных и экспериментальных форм брачно-родственных отношений, фиксируемых у приматов, в базовую систему родства и свойства гомо сапиенса могли иметь место только в контексте функционирования ранних форм «праязыка». По данным генетики, неандертальцы, по всей вероятности, уже являлись носителями языка (или по крайней мере способности к языку) [Krause et al. 2007], следовательно, можно предполагать, что формирование языка относится к эпохе, непосредственно предшествовавшей выделению неандертальцев в самостоятельный вид, т.е. около 300 000 лет назад.

2

В отечественной этнологии кризис изучения феномена родства наметился в начале 1990-х гг., когда снятие эпистемологических барьеров, восходящих к историческому материализму, привело к попыткам выработать новые подходы к построению общих теорий систем родства и структур первичной формации [Гиренко 1991; Дзибель 2001]. В 1995 г. В.А. Попов начал издавать специализированный альманах «Алгебра родства», продолжающий служить форумом для полидисциплинарных, междисциплинарных и субдисциплинарных исследований в области систем родства и систем терминов родства.

Недавний протест П.Л. Белкова [Белков 2011] против гегемонии текстового (терминологического, кодового) формализма (в противоположность графическому формализму самого Белкова), якобы царящего на страницах альманаха, не соответствует действительности. Белков решил вынести проблему, понятную только узкому кругу специалистов по системам родства, на страницы общеэтнологического издания «Антропологический форум», вместо того чтобы напечатать ее на страницах «Алгебры родства». Если бы П.Л. Белков выбрал последнее, он бы опроверг самого себя и потерял возможность выдать рядовую техническую задачу (выработку более совершенного способа описания определенных систем родства) за теоретическую и даже общенаучную проблему.

В то же время сам факт того, что две крупные дискуссии, связанные с методологией изучения систем родства (сначала между А.В. Дыбо и С.В. Кулландой и мною, а недавно между П.Л. Белковым и В.А. Поповым и другими регулярными авторами «Алгебры родства»), развернулись вокруг одной и той же темы, а именно — темы соотношения плана выражения и плана содержания в системах (терминах) родства, свидетельствует

о слабости существующего метаязыка науки как в пределах, так и за пределами антропологии / этнологии.

Парадоксальность проблемы заключается в том, что если я критикую А.В. Дыбо и С.В. Кулланду за косный узкофонологический формализм при подходе к этимологии индоевропейских терминов родства, который при переходе на «ностратический уровень» порождает абсолютно пустые протоформы, то П.Л. Белков поддерживает А.В. Дыбо и С.В. Кулланду, а меня, вслед за В.А. Поповым, критикует за междисциплинарный формализм при подходе к системам терминов родства как объекту социальной антропологии / этнологии / этнолингвистики, а к системам родства как объекту социальной антропологии / этнологии / демографии / эволюционной биологии / популяционной генетики. Приверженец бинарной картины научного мира, П.Л. Белков с удивлением обнаруживает, что лингвист А.А. Бурыкин может поддерживать позицию этнографа Г.В. Дзибеля по поводу взаимоотношения лингвистического и этнографического в терминах родства, но не задумывается, почему он сам, будучи этнографом, поддерживает А.В. Дыбо и С.В. Кулланду, а не Г.В. Дзибеля.

Еще более удивлен будет П.Л. Белков, когда прочтет у С.В. Кулланды (настоящая дискуссия), что тот отказывается принять поощрения П.Л. Белкова, ибо, как и я, считает, что при реконструкции систем (терминов) родства «взаимодействие методов смежных наук совершенно необходимо». Дело здесь не в конкретике понимания предмета (П.Л. Белков даже не знает, что С.В. Кулланда не лингвист-индоевропеист, а историк-индонезист, а А.В. Дыбо индоевропеисткой является только по отцу), а в попытке разбить науку на априорные бинарные ячейки (этнология / неэтнология, лингвистика / нелингвистика, формализм / неформализм), заселенные самодостаточными «экспертами».

Между тем междисциплинарность школ и разносторонняя образованность индивидуальных ученых — один из важнейших залогов прогресса науки. В «Феномене родства» [Дзибель 2001] я обосновал радикальную междисциплинарность с точки зрения лумановской [Luhmann 1984] системной теории: «система» (скажем, этнология) может себя познать только через отсылку к своему «окружению» (*Umwelt*) (например, лингвистика). П.Л. Белков не понимает, что без междисциплинарного подхода невозможно глубокое понимание самих вовлеченных в синтез дисциплин.

При этом необходимо ограничивать органическую междисциплинарность от механической полидисциплинарности. В случае последней материал одной дисциплины интерпрети-

руется в свете некоторых общих (чаще всего усредненных, мейнстримных) теорий, выросших в контексте другой дисциплины (например, подстраивание сравнительной мифологии под археологию в исследовании проблемы происхождения индейцев у Ю.Е. Березкина [Березкин 2007] или сравнительного музыковедения под популяционную генетику в исследовании гипотезы о происхождении человека из Африки у В. Грауера [Grauer 2006]). Как Березкин в случае фольклора, так и Грауер в случае музыковедения имеют тенденцию категорически отвергать целые школы в социальных науках (например, структурализм К. Леви-Строса и его применение к мифам индейцев) как бесполезные абстракции, но при этом слепо верить в постулаты якобы более «незыблемых» дисциплин. При этом сам Ю.Е. Березкин никогда не занимался ни палеолитической, ни палеоиндейской, ни более недавней археологией Нового Света, а Грауер признает свою полную необразованность в генетике. Иными словами, происхождение этой уверенности в правоте археологии и популяционной генетики носит у этих исследователей иррациональный характер.

Вера П.Л. Белкова в правоту А.В. Дыбо и С.В. Кулланды носит такой же иррациональный характер. Иррациональность П.Л. Белкова — автора статьи о «рациональности научного знания» — проявляется также в вере, что у лингвистов историческая семантика и этимология индоевропейских терминов родства прекрасно разработаны. Если бы П.Л. Белков был знаком с проблематикой, ему было бы известно, что последнее крупномасштабное исследование в области этимологии индоевропейских терминов родства, предпринятое крупным лингвистом [Szemerényi 1977], подверглось резкой критике со стороны этнолингвиста [Friedrich 1980] именно за наивные этимологии и неправдоподобную семантику, которые преследуют индоевропеистику со времен ее основания. Никаких альтернатив с тех пор не было представлено.

П.Л. Белков также полагает, что у лингвистов припасена в «заднем кармане» модель типологии и эволюции языка, которая может объяснить эволюцию систем терминов родства лучше, чем это делается в этнологии. Откуда такая уверенность, непонятно. Нет ни ссылок, ни имен, ни примеров [Белков 2011: 376]. При этом П.Л. Белков убежден, что системы родства распадаются на два эволюционных типа («классификационные» и «линейные»), тогда как системы терминов родства на них не распадаются [Белков 2011: 374]. Если системы терминов родства являются предметом лингвистики, а лингвистикой П.Л. Белков не занимается, то откуда ему известно, что системы терминов родства на глобальные типы, соответствующие типам систем родства, не распадаются?

В “The Genius of Kinship” [Dziebel 2007], которую П.Л. Белков, видимо, читал, я привожу пример того, как географический контраст, проведенный Дж. Николс [Nichols 1992] между кластерами грамматических черт в Австралии, Океании и Америке, с одной стороны, и в Европе и Африке — с другой, сходен с моргановским противопоставлением между «классификационными» и «описательными» системами (терминов) родства. Эти макрорегионы также радикально отличаются друг от друга по количеству «языковых семей», или таксономических единиц, связанных «языковым родством»: в Америке языковых семей 140, на Новой Гвинее 50, в Африке от силы 20, а в Европе 3. Таким образом, в зоне, где господствуют *классификационные* системы родства, языковая картина очень дробная; в то же время в зоне описательных систем родства языки более или менее «легко» *классифицируются* в минимальное количество генетических единиц.

По мысли Дж. Николс, генетическая классифицируемость языков, возможно, отражает их синхронную структуру (ср. также замечание Дж. Блевинс относительно стабильности моносиллабических слов и их роли в доказательстве родства между андаманскими и австронезийскими языками [Blevins 2007]). В то же время популяционные генетики неоднократно отмечали радикальный контраст между формами генетического разнообразия в Африке и Америке, что, видимо, в конечном итоге отражает демографические различия между крупными агломерированными популяциями Африки и Европы и мелкими разрозненными популяциями Нового Света, Австралии и Океании¹. Демография в свою очередь может диктовать языковую структуру [Luryan, Dale 2010].

Противопоставление «классификационных» и «линейных» систем родства находит продолжение не только в лингвистике, но и в генетике. П.Л. Белков, конечно, прав, что лингвисты и этнографы смотрят на вещи под разным углом зрения, но, когда дело идет о феномене родства, изобретение классификационного родства Л.Г. Морганом коррелирует не с полным отсутствием идеи такового у лингвистов XIX в., а с появлением у них уникальной традиции использования понятия родства как принципа классификации языков. П.А. Лавровский, используемый П.Л. Белковым в качестве примера незапятнанного «системами родства» филолога-современника Л.Г. Моргана [Белков 2011: 374], рассматривал славянские термины индивидуального родства как отражающие их групповое *родство*

¹ Например: «Пропорция генетического разнообразия между всеми исследованными африканскими популяциями составила 1,71 %. Для сравнения: популяции коренных американцев и океанийцев продемонстрировали наибольшую пропорцию межпопуляционного генетического разнообразия (8,36 % и 4,59 %)» [Tishkoff 2009: 1035].

с санскритскими. Параллельно, но независимо от Л.Г. Моргана ирокезскими терминами родства занимался католический миссионер и филолог Ж.-А. Кок, который не преминул отметить, что «у ирокезов есть много терминов для описания степеней родства и свойства. В нашем языке не всегда есть слова, эквивалентные этим терминам. Например, найдется ли во французском языке слово, выражающее свойство между родителями супругов, аналогичное ирокезскому слову *atennoron*? Но и наоборот, в нашем языке есть имена родства, отсутствующие в их языке. Одним из таких слов является слово *tante*, которому у них нет параллели, по крайней мере в нынешнем состоянии их языка» [Суоq 1866: 141–142].

Таким образом, Ж.-А. Кок, как и Л.Г. Морган, признавал как качественные отличия между семантической структурой ирокезских и французских терминов родства, так и возможность их изменения во времени. Ни числительные, ни названия частей тела у него подобных мыслей не вызвали. Ж.-А. Кок посвятил алгонкинским и ирокезским терминам родства и свойства 14 страниц и разбил свое описание на термины восходящих поколений, термины нисходящих поколений, термины с аномальной грамматикой, возвратные термины и пр. Подход Ж.-А. Кока был, в отличие от моргановского, синхронный, описательный, оторванный от социальной организации, ограниченный в своем сравнительном аспекте, однако богатый формальными деталями, и в целом один прекрасно дополняет другой. П.Л. Белкову нужен некий идеальный образ лингвистики для того, чтобы определить, чем должна заниматься этнология. Проблема в том, что этот образ — плод воображения ученого, равно как и построенная им на этом контрасте модель этнологии.

В случае органической междисциплинарности, напротив, данные, методы и теории одной дисциплины (или школы) систематически и критически сверяются со своими аналогами в другой дисциплине (школе) ради достижения максимального познавательного эффекта и повышения эффективности производства научного знания. При этом исследователь, практикующий органическую междисциплинарность, безусловно, должен обладать определенной теоретической и практической подготовкой в обеих отраслях знания (школах). Недавним примером органической междисциплинарности является гипотеза Э. Вайды о родстве между кетскими языками и языками на-дене. Открытие Э. Вайды является первым прорывом в деле установления родства между языками Старого и Нового Света¹. По свидетель-

¹ Это не означает, что гипотеза Э. Вайды существует вне критики. Несколько именитых лингвистов ее поддержали, но завязтый скептик Л. Кемпбелл обозначил круг проблем, связанных с этой гипотезой, и призвал исследователей соблюдать осторожность.

ству самого исследователя, это стало возможным благодаря применению им как классического сравнительного метода, так и методов дальнего сравнения [Vajda 2010].

Органическая междисциплинарность превращает науку из социцентрической в эгоцентрическую систему: вместо замкнутых монолитных культурных категорий научного знания, или «научных дисциплин», появляется эпистемологическая диа-спора, состоящая из объективных точек отсчета и целевых задач (например, происхождение человека современного вида, реконструкция индоевропейских систем терминов родства, феномен этнической транскulturации [Dziebel 2006a]), ради решения которых подтягиваются ресурсы из сопредельных областей знания, *но только те ресурсы, которые имеют прямое отношение к решаемой задаче*. П.Л. Белков не понимает «экономической» основы иденетического (гигнетического, от Greek *gigno* ‘рождаю’; см.: <www.kinshipstudies.org>) проекта, а именно — «эпигамного обмена» между этнологией и лингвистикой (или потенциально между этнологией и биологией / генетикой и т.п.).

Например, я обращаюсь к первичному индоевропейскому лексическому материалу и тем самым применяю метод полевой этнографии к проблеме реконструкции индоевропейских терминов родства. В результате сравнительно-историческое языкознание, становление которого пришлось на период, предшествовавший появлению этнологии, основывается на этнолингвистическом фундаменте в этой конкретной области. В ответ П.Л. Белков обращается к мифу о «дилетантизме» Г.В. Дзибеля [Белков 2011: 374]. Когда же я импортирую лучшие элементы лингвистического формализма в практику изучения систем родства (я не строю спекулятивные модели прачеловеческой системы родства в стиле «тетраидной теории» этнолога Н. Аллена, а ее реконструирую в духе раннего Л.Г. Моргана, вдохновленного успехами сравнительного языкознания) на основе выявленных в базе данных по 2500 языкам мира структурных закономерностей, П.Л. Белков видит в этом «предательство» интересов этнологии [Белков 2011: 399]. П.Л. Белков не осознает закономерности моего мышления и теряет из виду мое стремление подобрать логическое место в общей теории родства подходам (как в пределах, так и за пределами собственно этнологии), которые обычно рассматриваются как взаимоисключающие и взаимоопровергающие. Без такого понимания возражения П.Л. Белкова звучат не как научная полемика, а как бытовая драма.

В своем отрицании междисциплинарности П.Л. Белков доходит до абсурда: ссылаясь на неосторожное высказывание

Н.А. Добронравина, он считает излишним создание иденетики / гингетики при наличии этнологии и лингвистики [Белков 2011: 367]. Видимо, и генетика, возникшая на стыке статистики и биологии, и психоанализ, сформировавшийся на стыке медицины и психологии, и семиотика, впитавшая в себя лингвистику, литературоведение и этнологию, тоже являются излишними. Не говоря уже о самой этнологии, которая возникла в разных национальных традициях из слияния разнородных компонентов: например, юриспруденции и языкознания у Л.Г. Моргана или психологии и языкознания у Ф. Боаса.

С точки зрения иденетической (гингнетической) программы давние попытки самого П.Л. Белкова рассмотреть точки соприкосновения между системами родства и мифоритуальной организацией общества (см. также: [Дзибель 1997; 2001; 2005]) представляют несомненный интерес. Тяготение П.Л. Белкова к «скрытым ресурсам» этнологии (например, привлечение работ А.Р. Рэдклифф-Брауна начала XX в.) — прием, который можно считать белковским коррелятом междисциплинарности или своего рода «ретродисциплинарностью» (ее также можно заметить у Ю.Е. Березкина с его пристрастием к Ф. Боасу), также можно считать заслуживающим внимания.

3

В понятийный аппарат лингвистики феномен родства прочно вошел еще в XIX в. через концепцию «родства языков», этимологический анализ языковой лексики как носителя ушедших в прошлое культурных смыслов и лексико-семантический, морфологический и фонетический анализ терминов кровного родства и свойства. В настоящее время решение задачи построения единой научной генеалогической классификации языков мира и постепенный выход на уровень языковых семей второго и третьего уровней вплоть до общечеловеческого праязыка сопровождаются острыми дискуссиями по поводу самого понятия «языкового родства» и возможности сохранения следов общего происхождения языков в фономорфологическом материале.

Выдвинутые теории родства так называемых «ностратических», «евразийских», «дене-кавказских», «америндских», «койсанских», «индо-тихоокеанских», «аустрических» языков не пользуются популярностью среди основной массы исторических лингвистов, которые убеждены, что «языковое родство» теряется из виду на исторической глубине от 5000 лет и далее. При этом отмечается, что для успешного доказательства генеалогических связей между языками недостаточно приведения списков слов, сходных по значению и звучанию, даже если на их основе прослеживаются определенные закономерные фонети-

ческие соответствия (таким свойством могут обладать и заимствования).

Неопровержимым доказательством родства языков служат не списки слов, сходных по значению и звучанию, а списки слов, связанные закономерными фонетическими соответствиями и образующие систему (например, систему глагольных префиксов в кетских языках и языках на-дене). Принципы отбора кандидатов в этимологическое гнездо (*cognate set*) диктуют характер фонетических соответствий, следовательно, семантическая вариабельность, отражающая культурный и общественный субстрат языка и зачастую выходящая за рамки наивного «сходства», имеет непосредственное отношение к конкретной фонеморфологии гнезда и в конечном итоге к исторической фонологии языков-объектов. В языковых семьях первого уровня (например, индоевропейская, уральская, картвельская, атапасская) эти системы достаются исследователям почти «даром», благодаря тому что языки, входящие в эти семьи, разошлись очень недавно. С течением времени распознавание этих систем становится все более сложным, но без них нет и не может быть «языкового родства».

Парадоксальным образом даже в рамках такой хорошо изученной языковой семьи, как индоевропейская, обнаружение этих «систем языкового родства» не всегда возможно. Примером тому служит практически полное отсутствие у индоевропейцев убедительных этимологий индоевропейских терминов родства (или, к слову, числительных). Как следствие, этнологи «не узнают» праиндоевропейскую систему родства [Needham 1987]. Индоевропейские языки признаются родственными, а происхождение целой группы сложных по структуре слов основного словарного запаса, сходство между которыми в XIX в. служило одним из ярких примеров родства индоевропейских языков, остается туманным.

Праиндоевропейская фонологическая система реконструируется, а праиндоевропейская система терминов родства — нет. «Ностратический язык» якобы реконструируется, а все так называемые ностратические термины родства представляют собой механический и бессистемный перенос непроясненных индоевропейских, уральских, картвельских и прочих сложных слов для обозначения категорий родственников и свойственников на более древний уровень. Языковое родство как системное единство и преемственность фонетических, морфологических, семантических и грамматических структур подменяется слепой верой группы исследователей в то, что за сходством по звучанию и значению выбранных ими слов стоит единство некоего предкового общества. При

этом никакого интереса к структуре этого общества и построению моделей индоевропейского этногенеза при помощи реконструкции разных временных состояний индоевропейских социальных структур у исследователей нет (см. подробнее: [Dziebel 2006b; 2009]).

Библиография

- Белков П.Л.* Этнография родства и проблема рациональности научного открытия // Антропологический форум. 2011. № 14 Online. С. 365–445. <<http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/014online/belkov.pdf>>.
- Березкин Ю.Е.* Мифы заселяют Америку. М.: ОГИ, 2007.
- Гиренко Н.М.* Социология племени. Л.: Наука, 1991.
- Дзиебель Г.В.* Поколение, возраст и пол в системах терминов родства: Опыт историко-типологического исследования. Автореф. ... канд. ист. наук. СПб., 1997.
- Дзиебель Г.В.* Феномен родства: Прологомены к иденетической теории. СПб.: МАЭ РАН, 2001.
- Дзиебель Г.В.* Северные шошоны: циклы этносоциальной истории, системы терминов родства и экологическое родство // Алгебра родства. 2005. Вып. 9. С. 111–233.
- Blevins J.* A Long Lost Sister of Proto-Austronesian?: Proto-Ongan, Mother of Jarawa and Onge of the Andaman Islands // *Oceanic Linguistics*. 2007. Vol. 46. No. 1. P. 154–198.
- Chapais B.* Primeval Kinship: How Pair Bonding Gave Birth to Human Society. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.
- Cuoq J.-A.* Études philologiques sur quelques langues sauvages de l'Amérique. Montréal, 1866.
- Darwin C.* The Descent of Man. L.: John Murray, 1871.
- Darwin C.* The Origin of Species by Means of Natural Selection. L.: D. Appleton, 1900.
- Dziebel G.V.* Playing and Nothing: European Appropriations of Native American Cultures in the Late 20th Century. Ph.D. Dissertation. Stanford University, 2006a.
- Dziebel G.V.* Reconstructing “Our” Kinship Terminology (Comments on the Indo-European Material in A.V. Dybo and S.V. Kullanda’s The Nostratic Terminology of Kinship and Affinity) // Алгебра родства. 2006b. Вып. 11. С. 42–92.
- Dziebel G.V.* The Genius of Kinship: The Phenomenon of Human Kinship and the Global Diversity of Kinship Terminologies. Youngstown: Cambria Press, 2007.
- Dziebel G.V.* Refining the Points of the Ongoing Debate about Indo-European, Nostratic and Kinship Terminological Reconstructions // Алгебра родства. 2009. Вып. 12. С. 6–19.
- Dziebel G.V.* On the Co-Evolution of Kin Terms and Pronouns // *Journal of Linguistic Relationship*. 2010. No. 3. P. 140–144.

- Friedrich P.* Review of 'Studies in the Kinship Terminology of the Indo-European Languages', by Oswald Szemerényi // *Language*. 1980. Vol. 56. No. 1. P. 186–192.
- Frost P.* Geographic Distribution of Human Skin Colour: A Selective Compromise between Natural Selection and Sexual Selection? // *Human Evolution*. 1994. Vol. 9. P. 141–153.
- Garrett A.* Convergence in the Formation of Indo-European Subgroups: Phylogeny and Chronology // *Phylogenetic Methods and the Prehistory of Languages*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 139–151.
- Geertz C.* *The Interpretation of Cultures*. N.Y.: Basic Books, 1973.
- Grauer V.* Echoes of Our Forgotten Ancestors // *World of Music*. 2006. Vol. 48. No. 2. P. 5–59.
- Hage P., Marck J.* Matrilineality and the Melanesian Origin of Polynesian Y Chromosomes // *Current Anthropology*. 2003. Vol. 44 (Supplement). P. 121–128.
- Krause J., Lalueza-Fox C., Orlando L., Enard W., Green R.E., Burbano H.A., Hublin J.-J., Hänni C., Fortea J., Rasilla M. de la., Bertranpetit J., Rosas A., Pääbo S.* The Derived *FOXP2* Variant of Modern Humans Was Shared with Neandertals // *Current Biology*. 2007. Vol. 21. No. 17. P. 1908–1912.
- Kroeber A.L.* Classificatory Systems of Relationship // *Journal of the Royal Anthropological Institute*. 1909. Vol. 39. P. 77–84.
- Kutanan W., Kampuansai J., Fuselli S., Nakbunlung S., Seielstad M., Bertorelle G., Kangwanpong D.* Genetic Structure of the Mon-Khmer Speaking Groups and their Affinity to the Neighbouring Tai Populations in Northern Thailand // *BMC Genetics*. 2011. No. 12. P. 56.
- Lalueza-Fox C., Rosas A., Estalrich E., Gigli E., Campos P.F., García-Tabernero A., García-Vargas S., Sánchez-Quinto F., Ramírez O., Civit S., Bastir M., Huguet R., Santamaria D., Willerslev E., Rasilla M. de la.* Genetic Evidence for Patrilocal Mating Behavior among Neandertal Groups // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2010. Vol. 108. No. 1. P. 250–253.
- Lévi-Strauss C.* *Structural Analysis in Linguistics and Anthropology* // *Structural Anthropology*. N.Y.: Basic Books, 1963. Vol. 1. P. 31–54.
- Luhmann N.* *Soziale Systeme: Grundriß einer Allgemeinen Theorie*. Frankfurt: Suhrkamp, 1984.
- Lupyan G., Dale R.* Language Structure Is Partly Determined by Social Structure // *PLoS ONE*. 2010. Vol. 5. No. 1. <<http://www.plosone.org/article/info:doi/10.1371/journal.pone.0008559>>.
- Manning J.T., Bundred P.E., Mather F.M.* Second to Fourth Digit Ratio, Sexual Selection, and Skin Colour // *Evolution and Human Behavior*. 2004. Vol. 25. No. 1. P. 38–50.
- Morgan L.H.* *The American Beaver and His Works*. Philadelphia: J.B. Lippincott, 1868.
- Morgan L.H.* *Systems of Consanguinity and Affinity of the Human Family*. Washington: Smithsonian Institution, 1871.

- Needham R.* Editor's Introduction // *Imagination and Proof: Selected Essays of A.M. Hocart*. Tuscon: University of Arizona Press, 1987.
- Nichols J.* Diversity in Space and Time. Chicago: University of Chicago Press, 1992.
- Oota H., Settheatham-Ishida W., Tiwawech D., Takfumi I., Stoneking M.* Human mtDNA and Y-Chromosome Variation is Correlated with Matrilocal Versus Patrilocal Residence // *Nature Genetics*. 2001. Vol. 29. P. 20–21.
- Rodseth L., Wrangham R.W., Harrigan A.M., Smuts B.B.* The Human Community as a Primate Society // *Current Anthropology*. 1991. Vol. 32. P. 221–241.
- Shapiro W.* New Misdirections in Kinship Studies // *Quadrant*. 2008. Vol. 52. No. 10. P. 61–64.
- Szemerényi O.* Studies in the Kinship Terminology of the Indo-European Languages. Teheran; Liège: Brill, 1977.
- Tishkoff S.A.* The Genetic Structure and History of Africans and African Americans // *Science*. 2009. Vol. 324. P. 1035–1044.
- Vajda E.J.* Yeniseian, Na-Dene, and Historical Linguistics // J. Kari, B.A. Potter (eds.). *The Dene-Yeniseian Connection*. Fairbanks: Anthropological Papers of the University of Alaska, 2010. P. 100–118.
- Wilkins J.F., Marlowe F.* Sex-Biased Migration in Humans: What Should We Expect from Genetic Data // *Bioessays*. 2006. Vol. 28. P. 290–300.

АЛЕКСЕЙ ИВАНОВ

1 В самом начале стоит оговорить, что предложенный вашему вниманию материал не является строгим научным исследованием. Будет высказано лишь частное мнение преподавателя антропологии о некоторых вопросах, имеющих отношение к изучению родства и «кризису» в этой области науки. Я хотел бы обратить внимание на некоторые пробелы в образовании студентов, затрудняющие их изучение антропологии родства, к которой стоит отнести анализ терминологии родства, правил брака, родственного поведения и регулирования сексуальных отношений.

Алексей Вадимович Иванов
 Российский государственный
 гуманитарный университет,
 Москва
 alex.freeday@gmail.com

Возможно, одной из причин снижения интереса к таким вопросам является то, что в этой области антропологические школы

уже давно сформировали словарь терминов и разработали основные методы исследований. За сотню лет этнографии был собран большой материал, и наиболее талантливые и отважные ученые создали образцы исследований, превзойти которые исключительно тяжело. Повторить столь фундаментальные труды по системам родства, как работы Э. Лича и К. Леви-Строса, практически невозможно и, вероятно, уже не столь необходимо. Нужно искать новые, менее доступные данные, такие как отношения между дальними родственниками или обязанности супругов.

Но сейчас уже не так много героев, готовых отправиться за материалами в горы Мьянмы или в полупустыни Нила на год-другой. Это уже и немодно: «Я чисто по-обывательски питаю отвращение к грязи, дизентерии, смертоносным насекомым, мерзкой пище и примитивным санитарным условиям, характерным для живущих в мазанках “родовых” обществ». Это пишет Кейт Фокс, дочь Р. Фокса, написавшего «Родство и брак» в 1967 г., именно в тот период, когда, как утверждается в вопросе, кризис в антропологии родства уже существовал. Возможно, лучше назвать это кризисом метода в изучении систем родства, и мы не считаем, что он объясняется исключительно падением интереса ученых. Последние работы по системам родства в Индии, важнейшими из которых стоит признать работы Р. Паркина «Системы родства народов мунда» (1992) и Т. Траутмана «Дравидийские системы родства» (1981), написаны и опубликованы относительно недавно. Эти работы рассматривают терминологии родства среди практически всех «малых народов» Индии. Исследователям остаются племена Раджастана, Непала и Норд-Иста (группы штатов на северо-востоке страны, населенных в основном тибето-бирманскими народами).

Два этих труда объединяет одно общее свойство — они написаны по материалам других исследователей. Профессора антропологии старейших английских университетов Траутман и Паркин собрали все то, что, с их точки зрения, достойно доверия и внимания, обобщили огромный материал различных времен, применив свои методы и сделав свои выводы, не всегда бесспорные. Это указывает не столько на кризис изучения родства (во всяком случае, не на индийском материале), сколько на проблему сбора информации, поскольку старый метод себя исчерпал.

Для того чтобы находить интерес в дальнейшем поиске, нужно расширять само поле. Нужна более «включенная» полевая работа. Сейчас антрополог, пусть даже и хорошо всем знакомый, бродит по деревне (или деревням) и донимает всех жителей

темными по своему смыслу вопросами о том, как называют, например, троюродного племянника тогда, когда говорят о нем с кем-то, или как положено вести себя с сестрой своей жены. Этот путь не даст ничего нового.

Мы полагаем (и этот метод был использован в поле, пусть и недостаточно эффективно), что исследователь должен быть включен в семейные отношения настолько глубоко, насколько ему позволяют его персональные качества. Антрополог, исследующий родство, должен быть принят в семейную группу. Он должен получить определенный статус в соответствии со своим возрастом и положением. Для этого должна быть проведена подготовительная работа, включающая предварительные посещения этнической группы и установление дружеских отношений.

Если общество патрилинейное, то антрополог в целях исследования может быть аффилирован с главой семьи (расширенной или нуклеарной) как подчиненный старшему мужчине — например, как младший брат¹. Появится возможность выучить, как к кому в семье (линидже и т.п.) он должен обращаться, как с кем себя вести. На это нужно время, но, что еще важнее, нужно быть готовым к тому, что это не игра. Недостаточно сидеть под деревом и быть младшим братом — надо участвовать в жизни семьи, делая то, что делает младший брат (и здесь лучше иметь образец — настоящего младшего брата). Проще говоря, нужно уметь работать не только головой, но и руками — если все идут рыть канаву, то младший брат должен идти вслед за старшими с лопатой в руке, а если ловить слона — то с веревкой. А когда устраивают праздник, то он участвует в нем в той роли и в том статусе, которые ему предписаны. Только так можно понять родство.

К такой работе студентов нужно готовить буквально с детства, вероятно, лишь сама жизнь может их подготовить. Но сейчас, после трех сытых поколений, найти молодых людей, готовых на это, все труднее. Жизнь в развивающихся странах еще оставляет надежду на студентов с необходимыми навыками, хотя найти их и подготовить (и не потерять в дальнейшем) представляется задачей трудной и ответственной. И пока она не будет решаться на уровне образования и подготовки, мы (в глобальном мире) будем иметь либо «кризис антропологии родства», либо единичные труды редких по своему интеллекту специалистов.

¹ Мы приводим пример мужчины, поскольку не имеем в распоряжении иного.

2 Серьезных препятствий не существует. Если исследователь заинтересован в понимании структуры того или иного «простого» общества, ему придется понять систему семей, линиджей, кланов и т.п. Придется разобраться, кто приходит на похороны и свадьбы, а кто на праздники и фестивали. Для умения различать эту сеть отношений нужно и время, и навык; можно сказать, что нужно учить теорию.

Так, чтобы понять, кто с кем идет ловить быка, который принадлежит кому-то третьему, нужно учитывать не только правила отношения рабочей силы, но и правила отношений родства¹. Почему состав рабочей группы именно такой? Все мало-мальски образованные специалисты знают, что труд в «простых» обществах не является товаром и его нельзя купить, но лишь обменять на другой труд и иногда получить с помощью дара. Категории обменов понять не всегда просто, но есть определенные модели, например хрестоматийная *кула*, когда по линии ритуальных даров устанавливается и торговый, и брачный обмен. Разумеется, не все системы так ясно поняты и столь красочно описаны.

Здесь стоит отметить важность экономического поведения. Мы привыкли искать объяснение того или иного феномена в сочетании биологии и культуры (Natural vs. Cultural). Но насколько тип жизнеобеспечения регулирует и то и другое? Действительно ли значительное большинство деловых отношений регулируются социальными связями, как полагал К. Поланьи, или, как у Дж. Стюарда, «структурное ядро» рабочих отношений определяет «базис и надстройку»? И, например, в каких случаях и насколько часто природные данные способствуют объединению в группу некоторых людей, более подходящих именно для этой работы? Такие вопросы могут быть разрешены лишь при изучении традиции (включая правила родственного поведения), экономики и психологии, а данные для такого анализа могут быть получены только в ходе углубленной полевой работы, когда антрополог не просто «включенный наблюдатель», но скорее «включенный деятель».

3 Я и не подозревал, что есть разногласия, но скорее этому рад, поскольку существует масса тем для споров. И действительно, если антропологи начинают исследовать предмет лингвистики, то предпочитают космически глобальный формат, определяя праязыки и макросемьи. Но это, насколько мне известно, делается не всегда профессионально и не может не вызывать протеста у специалистов, владеющих принципиально другими методами исследований.

¹ Вспомним Фортеса: «Отец и сын не потому отец и сын, что работают вместе, а работают вместе оттого, что они отец и сын».

К сожалению, антропологам ни в университете, ни даже в аспирантуре антропологической лингвистики толком не преподают, хотя сам Ф. Боас выделил этот предмет как отдельный, наравне с физической антропологией.

Мне довелось прослушать курс (и сдать экзамен) по этому предмету в индийском университете, по счастью у сильного профессора, не только давшего нам (студентам) азы лингвистики, но и познакомившего нас с основами науки, начиная с трудов де Соссюра. Он рассказал и о наших соотечественниках, основателях Пражской фонетической школы, к зависти своих однокашников я мог читать их по-русски. Как пишет Н.С. Трубецкой и как во многом верна его мысль! Его анализ глубок и прост при большом объеме материала, а ясность языка оставляет лишь право на гордость или зависть. Неудивительно, что лингвисты возмущены вторжением в их область различных «кладоискателей», чей уровень позволяет им лишь разрушать «культурный слой».

Эти разногласия вновь (вслед за «кризисом антропологии родства») лишь недочет нашей образовательной программы. Впрочем, еще не поздно исправить это упущение.

4

С некоторой точки зрения это не совсем то, что нужно. Алгебра, с ее основной задачей строить и решать уравнения, суть многогранный закон тавтологии, сообщающий, что нечто равно другому нечто. Антропологи с презрением (в широком смысле этого слова) относятся к тождествам, хотя и ищут их. Есть основания думать, что в схожих традициях можно найти закон, во всяком случае в них всегда есть смысл, который можно понять и сформулировать. Но алгебра не кажется здесь основным помощником.

Скорее математика (включая и всевозможные «геометрии», понимаемые как умения строить трехмерные и более схемы) нужна для статистики и фиксации определенного порядка знаков, неважно, цифры это или фонетические комбинации. Если нужно что-то описать и систематизировать, алгебры и геометрии — лучший инструмент. Но, как полагают, гипотезы зарождаются в трехмерном поле, состоящем из научной картины мира, эмпирических данных (или приборных ситуаций) и личности исследователя (или коллектива). Математика в антропологии лишь фиксирует собранные данные, а их сбор и анализ осуществляется другими методами. Стоит вернуться к методу полевых исследований и «включенности» исследователя в ситуацию¹.

¹ Возможно, в обозримом будущем антропология родства отбросит «культурность» старых научных школ и станет больше исследовать вопросы сексуальных отношений, как ни сложны они для анализа этнографа. Родство и брак суть регуляторы секса, и обязательно появятся исследователи

5 Повторять вновь все то, что уже было сказано выше, значило бы проявить недостаточное уважение к вниманию читателя, но некоторый общий посыл хотелось бы подчеркнуть. Так, на скромный взгляд автора, нужно тратить больше времени и средств на подготовку специалиста для работы в поле и учить его больше отрывать и от себя, и от догм своей культуры.

Возможно, это и не значит, что нужно проводить больше полевых работ. Но важно оценивать дипломную работу студента с точки зрения качества его полевой работы — и этот подход должен быть студенту известен. К полевой работе его должны готовить все время его учебы, как готовят к инициации. Полевая работа абсолютно необходима как источник новых данных: все собранные ранее материалы уже усвоены и проанализированы. Нужно искать, но что именно? В ответе на этот вопрос может помочь лишь знакомство с уже опубликованными работами. Текстов на тему родства и брака создано много, понять их не всегда легко, но общие направления, такие как труды Л.Г. Моргана и А. Кребера, Л. Дюмона и Т. Траутмана, К. Леви-Строса и А. Рэдклифф-Брауна, должны быть студентам хорошо известны¹.

И здесь встает самый главный вопрос — родство и брак у нас не являются отдельным предметом, студентов к нему никак не готовят. Поэтому интереса к проблеме нет — кажется, что нет и проблемы, она ведь никак не задана. Но на карте систем родства по-прежнему много белых пятен. Мы, например, мало знаем о принципе выбора невесты (или жениха), во всяком случае серьезный анализ этого вопроса мне не известен, о сексуальных отношениях, об изменах и их причинах. Просмотрите статью еще раз — вы найдете много подобных вопросов. И ответ на них невозможен без материалов, собранных антропологами в процессе полевой работы.

(вероятно, сначала западные), имеющие супругов (как В. Элвин) или сексуальных партнеров из изучаемых этнических групп. Их «включенность» в жизнь народа будет столь глубока, что поможет понять изнутри и законы брака, и сопутствующие отношения, в том числе и родственные. Вероятно, этот метод даст скорейший результат, чем анализ интегралом или что там есть в алгебре.

¹ Хорошо, что переведен Дж.П. Мердок, но язык перевода трудно понимаем. Это абсолютно субъективное мнение автора, но, вероятно, о таких сложных вещах нужно стараться писать более просто.

БОРИС КАЗАЧЕНКО

Позвольте исполнить свой приятный долг и поблагодарить за оказанную мне честь быть приглашенным к участию в дискуссии, посвященной вопросам изучения феномена родства.

Однако прежде чем приступить к изложению своих взглядов на поставленные вопросы, мне хотелось бы, разумеется, только с вашего молчаливого согласия, вначале «поставить печку», как повелось на Руси, а уж затем от нее «плясать».

Дорогие коллеги, будучи бесконечно удаленным от проблем академической науки и ведущихся в этом сообществе споров, не ощущая себя ни этнографом, ни тем более лингвистом, не являясь специалистом в области теории и истории культуры, я испытываю некий дискомфорт от самого факта присутствия на столь представительном гуманитарном форуме. Являясь по узкой специализации всего лишь популяционным антропогенетиком, работая в практических областях популяционной генетики человека, генетической демографии и исторической генетики, я по роду своей деятельности постоянно имею дело с огромными массивами генеалогической информации, «нашпигованной» различными типами родственных связей на различных уровнях иерархической организации: от локального и популяционного до этнического. Поэтому, если позволите, на проблемы феномена так называемого «академического» родства я и буду смотреть глазами приземленного практика-популяциониста. В этой связи хочу сделать небольшое отступление.

Во-первых, мне импонирует творческий порыв «Антропологического форума», направленный на организацию «открытого спора» вокруг накопившихся проблем родства. Несмотря на то что организаторы этой дискуссии балансируют на грани этической

Борис Николаевич Казаченко
Научно-исследовательский
институт и Музей антропологии
Московского государственного
университета
им. М.В. Ломоносова
boris-k@list.ru

дозволенности, полагаю, что они далеки от вынашивания планов раскола антропологического сообщества.

Во-вторых, искренне верю в то, что организаторы данной дискуссии не ставят перед собой задач по сведению личных счетов со своими оппонентами, причинении ее участникам каких-либо неудобств или страданий, как нравственных, так и физических.

В-третьих, считаю, что результаты дискуссии в данном ракурсе вполне предсказуемы, поскольку на обсуждение вынесены специфические вопросы, интересующие лишь представителей узкой области академической науки, тогда как участие специалистов других сопредельных с этнографией и лингвистикой областей знаний (популяционистов, генеалогов, историков, генетиков, нотариусов, священнослужителей, медицинских генетиков, эпидемиологов и пр.) практически не предусмотрено. А ведь именно для этой категории специалистов родство зачастую не является предметом академических баталий. Они просто живут в нем (и / или сосуществуют с ним), соприкасаясь с его многообразием, ежедневно проводя счисления степеней родства, от которого порой зависит дальнейшая судьба человека, его генетически детерминированное здоровье, профпригодность и факторы риска, благосостояние, положение в обществе и пр.

Наконец, в-четвертых, хочется сказать пару слов относительно используемой здесь терминологии и понятийного аппарата. Честно говоря, словосочетание «антропология родства» мне, проработавшему в НИИ и Музее антропологии МГУ более сорока лет, режет ухо. Следуя логике наречения того или иного научного направления, можно ожидать, например, появления зоологии родства, ботаники или цитологии родства, алгебры, тригонометрии и бог знает какого еще родства. Возможно, что это словосочетание следует воспринимать как товарный знак научного коллектива, занимающегося изучением частных и чрезвычайно узкоспециализированных проблем родства. Но по сути это лабораторный сленг (или, извините, академический жаргон), прорвавшийся по недоразумению на страницы печатных изданий.

Дорогие мои, вот такая громоздкая получилась «печь», однако теперь она легко ассоциируется с русской, от которой ноги сами пускаются в пляс.

Теперь по существу обсуждаемых вопросов.

1

Во второй половине XX в. мы были искренне убеждены в своей идейной и научной правоте. В принципе мы мыслили почти все единообразно. Специфическим было представление

и о родстве: о нем не принято было вспоминать, за исключением ассоциативной системы родственных отношений, навязанной нам партией и советским правительством. Например, Родина ассоциировалась с *матерью* всех земель наших, И.В. Сталин — с *отцом* всех народов, русский считался *старшим братом* в семье советских народов, все национальные герои были *дочерьми и сынами* своего народа, все подрастающие поколения школьников (октябрята, пионеры) считались *внуками* Ильича и т.д.

Возможно, по этой причине советская этнографическая и лингвистическая школы вообще и петербургская в частности вынуждены были выискивать проблемы родства «на стороне», вдали от страны Советов, в бывших колониях европейских государств. Как бы там ни было, но ко второй половине XX в. мы окончательно оторвались от насущных проблем отечественного родства, фактически потеряв его и предав забвению.

Появление в начале третьего тысячелетия литературы о родстве, написанной в свободной неакадемической манере, воспринимается как трагедия, катастрофа, кризис «в антропологии родства». Быть может, причина в том, что обнаружение «новых» знаний о давно забытых (или замалчиваемых долгие годы) проблемах отечественного родства застали нас, профессионалов в области лингвистики и этнографии «колониального» родства, врасплох? Если это так, то это действительно трагедия для петербургской антропологической школы и ее кадровых сотрудников, специализировавшихся, если можно так сказать, на экспертизах «колониального» родства.

На самом же деле никакого кризиса «в антропологии родства» не существует. Ничего страшного не произошло. Просто нас понуждают критически посмотреть на привычные вещи с непривычной для нас стороны. Наши представления о различных аспектах так называемого «прикладного» и «отечественного» родства при этом несколько расширяются и постепенно трансформируются, приходя в естественную норму.

Следовательно, проблема не только в кризисе идей изучения родства и даже не столько в проблематике «антропологии родства», сколько в нашем отношении к тем или иным аспектам родственности (если можно так сказать). Традиционное представление о родстве и его феномене как об исключительно лингвистической и этнографической проблематике сегодня безнадежно устарело и нуждается в адекватном переосмыслении.

2 Основным препятствием на пути познания феномена родства является быстротечность жизни исследователя и / или недостаточное количество времени, отводимого на изучение того или иного аспекта родственности (конкретных отношений родства) в разных популяциях или этнических группах. Все остальные проблемы (включая и финансирование проектов) носят методический (или методологический) характер и решаются в рабочем порядке.

3 Причины разногласий между лингвистами и социальными антропологами мне не ведомы, поскольку ни к одной из перечисленных групп специалистов, извините, себя не причисляю. Однако если бы всем нам, работающим в одном общем пространстве с различными аспектами *его величества РОДСТВА*, удалось бы здесь, в «Антропологическом форуме», найти общий язык и объединиться под одним знаменем, то вполне допускаю, что такое синтетическое направление в науке вполне могло бы получить именование этнического родства. В таком случае условные границы между нашими дисциплинами стали бы во многом абсолютно прозрачными и готовыми к взаимовыгодному взаимопроникновению. Польза от такого симбиоза вполне очевидна. Полагаю, что в таком контексте третий дискуссионный вопрос можно было бы считать оправданным.

4 Приведенные здесь словосочетания, в моем восприятии, указывают на полнейшую оторванность специалистов в области «антропологии родства» от проблем окружающей их действительности. Причина как всегда банальна — в зауженной до немыслимого предела специализации, периодически приводящей к появлению новых названий научных направлений в виде словесных химер. К слову сказать, в прежние времена научные направления возникали под влиянием нужд общественной практики, в результате поиска общих приемов для решения однотипных задач.

Данное умозаключение можно проиллюстрировать, с вашего разрешения, историческим анекдотом, выхваченным из жизни графа Л.Н. Толстого, решившего навестить своего приятеля, профессора зоологии МГУ, находившегося в тот момент на заседании международного генетического конгресса по гибридизации. В поисках своего приятного собеседника великий русский писатель невольно превратился в слушателя одного научного доклада. Вернувшись к себе в Ясную Поляну, Лев Николаевич в одном из писем писал: «Был на съезде ботаников, ... докладчик рассказывал, как ему удалось поместить в мелкоскоп растеньице, ... в растеньице он обнаружил клеточку, в клеточке — ядрышко, а в ядрышке еще что-то, ... какая польза от этого российскому землепашцу?» Отечественным

селекционером в поисках ответа на этот вопрос потребовалось несколько десятилетий.

Как вы думаете, а какая польза «российскому землепашцу» от «алгебраизации», «геометризации» и «антропологизации родства»?

Оказывается, польза есть, и немалая. Для этого нужно только посмотреть на проблемы родства глазами «российского землепашца» и облечь свои изыскания в общедоступные и понятные всем словесные формы. Примером может служить распространившийся ныне по всему миру международный проект «Родственники или однофамильцы?». Под этот проект написаны сложнейшие генеалогические программы. Они способны самостоятельно отыскивать родство и даже выражать его в вероятностных терминах (если меня, к примеру, интересует установление возможного генеалогического родства с другим человеком или даже с Ярославом Мудрым).

Другим примером может служить армия частных исследователей семейного родства, оплодотворенная генеалогической идеей поиска и восстановления утраченных (в силу разных обстоятельств) родственных связей в городах и мегаполисах.

Следовательно, для того чтобы сегодня шагать в ногу со временем, нам необходимо заниматься проблемами «семейного» и «прикладного» родства (по крайней мере так выглядит нынешний социальный заказ по проблеме родства).

5

Полагаю, что в ближайшее время наиболее значимыми и перспективными направлениями в изучении структуры и особенностей отечественного родства и родственных отношений могут явиться работы по а) составлению единой генеалогической базы данных (например, по всем федеральным округам и в целом по России) с привлечением архивной информации за весь письменный период времени, б) изучению скорости пространственно-временного замещения терминов родства на терминологию трудовых, дружеских и межличностных отношений в различных этнических и социальных группах с выведением этих закономерностей хотя бы на язык статистической отчетности.

АНАСТАСИЯ КАЛЮТА

**«Трудности перевода»,
или Почему из систем родства
не получается ни алгебра, ни геометрия**

Получив предложение участвовать в дискуссии, посвященной современному состоянию изучения систем родства, и ознакомившись сначала со статьей П.Л. Белкова «Об использовании геометрического кода в исследованиях по классификационным системам родства» [Белков 2010], которая и послужила поводом к дискуссии, а затем с отзывами на эту работу и ответом автора, я невольно задалась одним вопросом. Что бы произошло, к примеру, с точной наукой математикой, если бы один математик вдруг стал использовать знак «+» для обозначения действия вычитания, а не сложения, другой — для обозначения умножения, третий — для обозначения деления, но при этом бóльшая часть их коллег все-таки продолжала бы его использовать только для обозначения действия сложения. И если бы эти несколько нестандартно мыслящих математиков продолжали упорно настаивать на своей правоте, не слыша да и не желая слышать возражений своих оппонентов? Боюсь, что в такой ситуации осуществление даже простейших вычислений стало бы крайне затруднительно, не говоря уже о возможностях постижения предмета студентами и школьниками да и просто неспециалистами в данной области.

Тем не менее, на мой взгляд, именно так выглядит современная ситуация с изучением родства в антропологической науке. В западной социальной и культурной антропологии под влиянием постмодернизма с его отказом от любых конвенциональных представлений такое положение дел уже давно воспринимается как нормальное [Дзибель 2001: 24]. Однако для отечественной науки с ее традиционной установкой на поиск одной единственно возможной

и конкретной истины отказ от выявления соответствий между получаемыми сведениями и реальными социальными явлениями просто неприемлем и рождает у исследователей вполне понятное чувство фрустрации и скепсис по отношению к целесообразности изучения систем родства.

Часть этнографов, особенно тех, кто не занимается непосредственно данной проблематикой, воспринимает ее как род своеобразной «этнографической схоластики», безнадежно оторванной от действительности. Другие, напротив, пытаются предложить свои решения ключевых проблем теории родства, включая вопрос о наличии или отсутствии эволюционной связи между различными системами родства и социальными факторами, их порождающими. Однако при этом они зачастую оказываются в положении математиков, предлагающих использовать знак «+» для вычитания и умножения, а их труды представляют собой «экзотическую» смесь из теоретических и методических построений классического эволюционизма, британского функционализма, структурной антропологии К. Леви-Строса с заимствованиями из семиотики Ю.М. Лотмана, слегка разбавленной постмодернистской герменевтикой К. Гирца.

На мой взгляд, примером такой работы как раз и являются статьи П.Л. Белкова «Об использовании геометрического кода в исследованиях классификационных систем родства» и «Этнография родства и проблема рациональности научного открытия», опубликованные в «Антропологическом форуме» [Белков 2010; 2011]. Пытаясь доказать необходимость использования в изучении систем родства графических схем, созданных по методу А.Р. Рэдклифф-Брауна, П.Л. Белков демонстрирует удивительную непоследовательность в высказываниях и крайнюю противоречивость в аргументации наряду с позиционированием уже хорошо известных истин как принципиально новых открытий, тавтологичностью некоторых утверждений, фактическими неточностями, общей неряшливостью языка. При этом он словно не слышит высказанных ему упреков оппонентов, допуская личные выпады весьма резкого характера.

По сути, обе статьи уже содержат в себе ответы на первый и второй вопросы дискуссии о причинах кризиса в антропологии родства во второй половине прошлого века и об объективных и субъективных препятствиях на пути познания феномена родства. Я бы сказала, что это «трудности перевода», которые в процессе осмысления систем родства не уменьшаются, а напротив, увеличиваются в силу теоретического и как следствие понятийного «винегрета» в сознании самих исследователей,

использования ими принципиально разных терминов для обозначения одних и тех же явлений и нежелания разработать общий язык, который был бы понятен и приемлем для всех членов научного сообщества. Чтобы не быть голословной, я постараюсь проиллюстрировать данную ситуацию на примере двух вышеупомянутых статей П.Л. Белкова.

1

В заголовке первой статьи фигурирует понятие «классификационные системы родства», введенное Л.Г. Морганом в рамках выработанной им эволюционистской концепции общественного развития от эгалитарных обществ, основанных на кровнородственных связях, к стратифицированным, основанным на связях территориальных. Сам термин вроде бы предполагает принятие использующим его автором представления об эволюции одних систем родства, основанных на объединении в единые категории родства самых разных биологических родственников, в те системы, которые отражают только реальное биологическое родство между индивидами. Кроме того, П.Л. Белков прямо использует понятия «первичная» и «вторичная» формации, заимствованные уже у классиков марксизма [Белков 2010: 2]¹.

Однако далее выясняется, что «исследователи, занимающиеся системами родства, уже давно отказались от эволюционистского подхода, предпочитая говорить не об эволюции родства, а о “трансформации СТР”» [Белков 2010: 3]. Далее П.Л. Белков путем построения графических схем пытается доказать, что австралийские системы родства (в данном случае я использую терминологию автора) карьера, карадьери и аранда представляют собой трансформации одной системы и главным фактором их трансформации являются изменения предпочтительных форм брака [Белков 2010: 5–6]. Поскольку эти этнические общности находились на одном уровне общественного развития, можно предположить, что автор опровергает основной тезис Моргана о том, что системы родства меняются именно в силу усложнения социальной организации. В таком случае, на мой взгляд, нет и смысла в использовании сугубо эволюционистской терминологии. Почему же в таком случае автор ее использует? В силу инерции? Или просто стремясь донести свои мысли до коллег и любого читателя, который откроет журнал? В первом случае его решение выглядит просто нелепо, а во втором — неуклюже².

¹ Л.Г. Морган писал только о состояниях дикости, варварства и цивилизации. См.: [Morgan 1877].

² Впрочем, в ответе рецензентам своей первой статьи П.Л. Белков все-таки относит себя к последователям Л.Г. Моргана [Белков 2011: 373], хотя в его первой работе это сформулировано отнюдь не столь четко, как ему представляется.

2

Автор упрекает своих коллег в «болезни языка», в увлечении изучением терминов родства в ущерб системам родства. Взамен он предлагает как нечто принципиально новое идею «взятия терминов родства вместе с социальной организацией в широком смысле слова, включая сюда формы брака, а также формы клановой и социальной организации» [Белков 2010: 5].

Стоит заметить, что это делал еще Л.Г. Морган, устанавливая корреляции между СТР и формами брака, брачного поселения и структурой социальных групп [Morgan 1859; 1868; 1870]. В дальнейшем этим подходом пользовались такие западные исследователи, как У. Риверс, А.Р. Рэдклифф-Браун, Э. Эванс-Причард, К. Леви-Строс, М. Титиев, Л. Уайт, Дж. Битти, Э. Парсонс, М. Фортес, Дж. Мердок (называю только самых известных), а среди отечественных — Н.А. Бутинов, В.М. Мисюгин, Д.А. Ольдерогге и С.А. Токарев [Бутинов 1951; 1981; 1984; Мисюгин 1974; 1980; Ольдерогге 1958; 1983; Токарев 1929; Evans-Prichard 1951; Fortes 1936; 1949; 1970; Lévi-Strauss 1943; 1949; 1951; Murdock 1949; 1962; Rivers 1914; Radcliffe-Brown 1930—1931; 1933; 1941; Titiev 1944; 1956; White 1939; 1958; Parsons 1923].

«Новация» подхода П.Л. Белкова заключается только в том, что графические схемы А.Р. Рэдклифф-Брауна развернуты в формате 3D и составляющие их «кирпичики», обозначающие те или иные позиции родства, раскрашены в разные цвета, которые, впрочем, в печатной версии статьи все равно становятся черно-белыми, что никак не облегчает восприятие данных диаграмм. При этом исходным материалом для построения данных схем все-таки остаются термины родства, замененные цветными «кирпичиками». И за исключением предпочтительных форм брака, к которым системы родства никак не сводятся, ни один из элементов социальной организации, которые автор требует рассматривать вкуче с терминами родства, представить с помощью данных графиков невозможно. Что же в таком случае можно познать с помощью геометрического кода? Да и есть ли вообще смысл «переводить» системы терминов родства, а именно они и являются исходным материалом для данных графиков, в геометрический код, если поставленные автором задачи с их помощью не решаются¹?

¹ Г.В. Дзибель в своей книге «Феномен родства» упоминает, что П.Л. Белков еще в ту пору говорил о необходимости визуального представления «структуры родства», «в которой “скосы” будут выглядеть не аномальными, а гармонично встроенными в “тело” родства и логично соотносимыми с семантическими трансформациями на “горизонтальных” уровнях (поколениях) системы» [Дзибель 2001: 41]. Неясно, впрочем, что подразумевается под «телом» родства, принадлежит это выражение самому П.Л. Белкову или Г.В. Дзибелю. Представленные в двух последних работах П.Л. Белкова диаграммы, вероятно, являются реализацией этой давней мечты. Однако, если использовать ту же игру метафор, любимую обоими авторами, перед нами предстает не «тело» родства, а его «скелет».

Кроме того, вызывает недоумение упорное использование П.Л. Белковым в качестве пояснительного материала к его графикам начальных букв английских терминов родства, символики, восходящей к Л.Г. Моргану, и его утверждение, что данный способ «абсолютно аутентичен задаче объективного неевропоцентристского отображения классификационных систем родства» [Белков 2011: 394]. Между тем в основу данного принципа записи положены вовсе не «начальные буквы латинского алфавита», а именно сокращенные термины английской системы терминов родства и, шире, любой другой системы терминов родства, бытующей в социуме, к которому принадлежат сами исследователи. Вот как, например, выглядит список обозначений терминов родства уастеков, народа этнолингвистической общности майя, в книге мексиканской исследовательницы Росы Ансальдо Фигероа, построенный по тому же принципу [Anzaldo Figueroa 2000: 21]:

Р — padre (исп. ‘отец’), фактически аналог символа F, образованного от английского термина родства “father” в работах англоязычных исследователей;

М — madre (исп. ‘мать’), здесь буквенное обозначение совпадает в силу относительно близкого родства английского и испанского языков;

ho — hijo (исп. ‘сын’), ср. с символом s от английского “son”;

ha — hija (исп. ‘дочь’), соответственно в англоязычной литературе мы находим символ d от английского термина родства “daughter”;

Но — hermano (исп. ‘брат’), ср. с принятым в англоязычной литературе сокращением B от английского термина родства “brother”;

На — hermana (исп. ‘сестра’), ср. с символом S, образованным от английского термина родства “sister”;

Ео — esposo (исп. ‘супруг’), вновь аналог символа H от английского термина “husband”;

Еа — esposa (исп. ‘супруга’), ср. с символом W от английского “wife”;

РгХ — кросскузены от исп. primo — двоюродные братья или двоюродные сестры;

Рг// — ортокузены, также от исп. primo.

Мы видим, что в последних двух случаях Р. Ансальдо Фигероа все-таки пришлось добавить соответствующие символы для параллельных и перекрестных кузенов, поскольку в испанской

терминологии родства они вообще не разграничиваются. Тем не менее описание исследовательницей системы терминов родства уастеков осуществляется именно с помощью сокращенных терминов родства из родного для нее испанского языка, точно так же, как это делали Морган и более поздние исследователи, для которых английский язык был родным.

Добавлю, что в работе немецкой исследовательницы Х. Раммов «Обозначения родства в классическом ацтекском» для записи ацтекских терминов родства также использованы сокращения, но от немецких терминов родства [Rammov 1964: 158]. Эти три языка пользуются письменностью на основе латиницы, но буквенные обозначения позиций родства различны в силу различия самих терминов родства, от которых они образованы. Уже неоднократно отмечалось, насколько подобный принцип записи искажает специфику систем родства, не относящихся к линейному типу, и любому исследователю, в том числе отечественному, для которого английский, испанский или немецкий языки не являются родными, фактически приходится осуществлять двойной перевод. Сначала ему нужно установить, какой же именно термин записан с помощью данного сокращения, а затем уже мысленно переводить это сокращение на родной для него язык, поскольку, как бы велики ни были эрудиция и владение иностранными языками исследователя, думает он все-таки на своем родном языке. При таких «трудностях перевода» можно ли утверждать, что использование подобных обозначений не только методически более корректно, но и более удобно, чем код Ю.И. Левина при всем его несовершенстве?

На мой взгляд, именно принципиальная невозможность для исследователя отрешиться от родного языка при описании системы родства, построенной на совершенно иных принципах, чем его собственная, была и остается главным объективным препятствием на пути познания систем родства. Здесь основную лимитирующую роль играют как сам объект изучения, так и существующие методы исследования, даже когда они пытаются облечься в формы точных наук алгебры и геометрии. Поскольку предметом изучения являются системы родства и связанные с ними представления и правила, а не материальные предметы, основным средством их выражения все равно остается язык, со всеми свойственными ему лексическими и грамматическими ограничениями, и термины родства суть его неотъемлемая часть. Соответственно и базовые методы познания его являются языковыми, будь то прямая коммуникация между исследователями и его информантами или собирание фрагментарных сведений в античных или средневековых источниках.

Формой выражения любых систем родства, любых представлений, с ними связанных, также в первую очередь является язык. Именно на этой основе любой исследователь делает первоначальные выводы о наличии того или иного принципа группировки или разграничения родственников, а затем уже старается выяснить и причины, почему они построены именно таким образом. Это вроде бы признает и сам П.Л. Белков, когда пишет: «Как должна выглядеть работа в поле с системами родства, описано Лорной Маршалл: сначала сбор генеалогического материала в результате опроса сотен информантов, а затем изучение того, какие термины родства (*sic!*) они используют в отношении друг друга. <...> Никаких других способов полной и достоверной информации по системам родства **не существует**» [Белков 2011: 422; выделено автором. — *А.К.*].

Однако исследователь отправляется в поле с собственным культурным багажом, в том числе со специфическим набором понятий, которые вовсе чужды или не знакомы его информантам, в свою очередь имеющим свой особый набор представлений. Все это также выражается путем языка, как усвоенного самим исследователем с детства, до того как он научился анализировать информацию, так и через язык носителей изучаемой им культуры, которые вообще себе такой задачи не ставят. Насколько трудно в этом случае осуществить перевод, т.е. понять, что действительно хочет сказать информант, а что услышал исследователь и как понял информант вопрос исследователя, отмечено в сотнях работ.

П.Л. Белков приводит пример, заимствованный у Н.А. Бутинова (а тот позаимствовал его у М. Мид), о том, как исследователь в результате старательного опроса арапешей (кстати, на основе одной из генеалогических схем, составление которых Белков перевозносит вначале) приходит к совершенно неверному выводу [Белков 2011: 441]. Добавлю, что допустить подобную ошибку можно и в случае с современной русской или английской терминологиями родства, поскольку стремление к упрощенному выражению той или иной информации в разговорном повседневном языке, на котором и осуществляется общение, является одной из универсалий мышления. Так, в современном разговорном русском языке принято использовать термины «брат» и «сестра» по отношению не только к родным, но и к двоюродным, а также троюродным братьям и сестрам, не говоря уж о термине *cousin* в современном английском языке, которым нередко обозначаются все кровные родственники поколения Его за пределами нуклеарной семьи.

В данном случае получаемый исследователем ответ является только верхушкой айсберга, за которой стоит как процесс

мышления его информанта, так и огромный социокультурный контекст, определяющий данный процесс. Можно ли строить на таком ненадежном материале какие-либо геометрические или алгебраические схемы, если даже один ложный факт, положенный в их основу, способен их разрушить?

Наконец, каким образом можно проверить имеющиеся у нас данные, собранные этнографами и антропологами XIX–XX вв., если исследовавшиеся ими социумы либо более не существуют, либо претерпели серьезную трансформацию за последние 100–150 лет?

Таковы, по моему мнению, главные объективные факторы на пути познания систем родства в настоящее время, и предложенные нам графические схемы никак не решают этих проблем. Повторю, что субъективными факторами, препятствующими познанию родства, на мой взгляд, являются 1) теоретический и понятийный разнобой в современных работах по теории родства, рождающий исключительную противоречивость и непоследовательность в суждениях и эклектизм мышления самих исследователей; 2) досадное нежелание слышать друг друга, что я и попыталась продемонстрировать на примере недавних статей П.Л. Белкова.

3

Ответ на третий вопрос о причинах разногласий подходов лингвистов и социальных антропологов к самим номенклатурам родства представляется мне достаточно тривиальным. В этом отношении нельзя не согласиться с П.Л. Белковым в том, что этнография и лингвистика — это действительно разные науки с разными методологическими подходами. В то время как для лингвистов составляющие их термины являются прежде всего языковыми единицами и подлежат анализу именно в данном аспекте, для этнографов и социальных антропологов, как уже подчеркивалось выше, они были и остаются исходным материалом для изучения родства в социокультурном контексте.

При этом я не могу согласиться с утверждением о том, что, «изучая системы терминов родства, этнографы (этнологи) попросту занимаются не своим делом» [Белков 2011: 380]. В таком случае не своим делом занимаются и химики, изучающие свойства конкретных элементов, в том числе процессы, которые происходят на уровне ядра, коль скоро существует такая область исследований, как ядерная физика. У филологии и лингвистики тоже по сути сходный предмет изучения — язык, но изучают они его с разных сторон. Если же, как отмечалось выше, основой для получения информации о системах родства также является язык, то почему термины родства должны исключаться из этого контекста, тем более что они, в сущности, и лежат в основе определения системы родства вкупе с инфор-

мацией о формах брака и структуре кровнородственных коллективов.

Кроме того, именно лингвистические методы зачастую помогают установить этимологию терминов и их связь с конкретными представлениями о родстве, существующими в данном социуме. Так, если мы обратимся к ацтекскому термину *iccatontli* ‘правнук или правнучка’ (Д³), то обнаружим, что он представляет собой дериватив от термина *iccauhtli* (ДРЭМ) — младшие сиблинги 0 поколения с добавлением диминутивного суффикса *ton* и стандартным окончанием существительного в абсолютизированной форме, в то время как термин для Р³М (‘прадеда’) *achtontli* образован от термина *achtli* (ДмРЭМ) с добавлением того же диминутивного суффикса *ton* [Калюта 2006: 109]. Таким образом, они образуют реципрокную пару, обстоятельство, любопытным образом коррелирующее с комплексом реинкарнации предка в потомке, отмеченным в письменных источниках XVI в., и общей тенденцией давать внукам и правнукам имена их дедов и прадедов [Sahagún 1969: 203]¹.

Следует ли нам сбрасывать со счетов подобный факт, коль скоро изучение терминов родства — это область деятельности лингвистов? Или, может, все-таки стоит осмелиться использовать данные об этимологии терминов родства для изучения и последующей характеристики той или иной системы? Думается, что комплексный подход к системам родства с привлечением того же этимологического анализа конкретных номенклатур и данных о социальных институтах и господствующих в социуме представлениях, «социальных фактах» мог бы гораздо больше приблизить нас к решению задач, декларируемых П.Л. Белковым, чем графические схемы.

4

В силу вышеперечисленных факторов мое отношение к алгебраизации и геометризации антропологии родства достаточно сдержанно. Я поддерживаю запись терминов родства с помощью кода Ю.И. Левина, поскольку он позволяет обойти главное препятствие в указанных мною «трудностях перевода» — использование терминов одной системы или производных от них для записи терминов другой. Тем не менее мое знакомство с компонентным анализом не вызвало у меня энтузиазма, поскольку в данном случае «за бортом» остаются такие важные составляющие феномена родства, как передача социальных статусов между различными категориями родственников, брачное поселение и брачный обмен, а также весь комплекс представлений, связанных с восприятием родства в дан-

¹ В доиспанской системе родства науа (ацтеков) не было понятия поколений и сам счет поколений был весьма размыт.

5

ном социуме. О своем отношении к геометрическому коду в исполнении П.Л. Белкова я уже написала выше.

В заключение я хотела бы сказать, что, на мой взгляд, гораздо перспективнее было бы изучение систем родства в контексте развития понятия «личности» в архаических и раннегосударственных социумах. Этот вопрос впервые был поставлен французским социальным антропологом М. Моссом, а в отечественной науке активно изучался В.М. Мисюгиным, верно заметившим, что индивид — это исторически поздний феномен культуры, наиболее релевантный западному индустриальному и постиндустриальному обществу [Mauss 1938: 5–28; Мисюгин 2009: 68, 89]. В архаических обществах, как подметил М. Мосс на примере индейцев зуньи, квакиутлей и древних китайцев, нет индивидов как действующих фигур, субъектов общественного процесса. Эту роль играют коллективы, в первую очередь те, что принято обозначать как «кровнородственные объединения», хотя биологическое родство в данном случае зачастую имеет характер фикции.

В связи с этим также хотелось бы вернуться к тезису о том, что термины родства суть соционимы, являющие собой обозначения позиций в системе социальных связей, которые в разное время могут занимать совершенно разные индивиды, но которым всегда предписывается набор определенных характеристик. В этом отношении было бы также интересно рассмотреть отношения между антропонимикой того или иного социума и его номенклатурой родства, что очень успешно в свое время сделала Л. Маршалл в работе о бушменах кунг [Marshall 1957]. Краткое изложение ее наблюдений приводится в ответе П.Л. Белкова, в чем, на мой взгляд, заключается его несомненная заслуга, помимо привлечения интереса этнографов, антропологов и лингвистов к «вышедшей из моды» проблематике изучения систем родства.

Библиография

- Белков П.Л.* Об использовании геометрического кода в исследованиях по классификационным системам родства // Антропологический форум. 2010. № 12 Online. С. 1–19. <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/012online/12_online_belkov.pdf>.
- Белков П.Л.* Этнография родства и проблема рациональности научного открытия // Антропологический форум. 2011. № 14 Online. С. 365–445. <<http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/014online/belkov.pdf>>.
- Бутинов Н.А.* Пища, родство и инцест // Сборник МАЭ. 1984. Т. XXXIX. С. 113–119.
- Бутинов Н.А.* Проблема экзогамии // Родовое общество: этнографические материалы и исследования. М.: Изд. АН СССР, 1951.

- С. 3–27. (Тр. Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Т. 14).
- Бутинов Н.А.* Родство и сродство в Меланезии // Пути развития Австралии и Океании. М.: Наука, 1981.
- Дзибель Г.В.* Феномен родства: Прологомены к иденетической теории СПб.: МАЭ РАН, 2001. (Алгебра родства. Вып. 6).
- Калюта А.В.* Ацтеки: родство, гендер, возраст: Опыт историко-социологического исследования мезоамериканского общества XV–XVII веков. СПб.: МАЭ РАН, 2006. (Алгебра родства. Вып. 10).
- Мисюгин В.М.* Об отношениях австралийских брачных классов к турано-ганованской системе терминов родства // Основные проблемы африканистики. М.: Наука, 1974. С. 65–70.
- Мисюгин В.М.* Занзибарская терминология родства // Africana. Африканский этнографический сборник. Л.: Наука, 1980. Вып. 12. С. 24–37. (Тр. Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Т. 109).
- Мисюгин В.М.* Три брата. СПб.: МАЭ РАН; Наука, 2009 (Сер. «Кунсткамера – Архив». Т. 2).
- Ольдерогге Д.А.* Система *нкита* (взаимоотношения родов у *нкунду* по данным конца XIX — начала XX в.) // Ольдерогге Д.А. Эпигамия. Избранные статьи. М.: Наука, 1958. С. 173–196.
- Ольдерогге Д.А.* Эпигамия. Избранные статьи. М.: Наука, 1983.
- Токарев С.А.* О системах родства у австралийцев // Этнография. 1929. № 1. С. 23–53.
- Anzaldo Figueroa R.E.* Los sistemas de parentesco de la Huasteca: Un estudio etnoligüístico. México: INAH, 2000.
- Evans-Prichard E.* Kinship and Marriage among the Nuers. Oxford: Oxford University Press, 1951.
- Fortes M.* The Web of Kinship among the Tallensi. L.: Oxford University Press, 1949.
- Fortes M.* Kinship and the Social Order: The Legacy of Lewis Henry Morgan. L.: Routledge and Kegan Paul, 1970.
- Lévi-Strauss C.* The Social Use of Kinship Terms among Brazilian Indians // American Anthropologist. 1943. Vol. 45. No. 3. Pt. 1. P. 398–410.
- Lévi-Strauss C.* Les structures élémentales de la parenté. P.: Presses Universitaires de France, 1949.
- Lévi-Strauss C.* Language and the Analysis of Social Laws // American Anthropologist. 1951. Vol. 53. No. 2. P. 155–164.
- Marshall L.* The Kin Terminology System of the Kung Bushmen // Africa. 1957. Vol. 27. No. 1. P. 1–25.
- Mauss M.* Une catégorie de l'esprit humain: la notion de personne celle de 'moi' // Journal of the Royal Anthropological Institute. 1938. Vol. 68. P. 5–28.
- Morgan L.H.* Ancient Society. N.Y.: Henry Holt, 1877.
- Morgan L.H.* The Systems of Relationship of the Red Race. Rochester: Sage and Brothers, 1859.

- Morgan L.H.* A Conjectural Solution of the Origin of the Classificatory System of Relationship // Proceedings of the American Academy of Arts and Sciences. 1868. Vol. 7. P. 3–161.
- Morgan L.H.* Systems of Consanguinity and Affinity of the Human Family // Smithsonian Contributions to Knowledge, 1870. Vol. 17. P. 4–602.
- Murdock G.P.* Social Structure. N.Y.: Macmillan, 1949.
- Murdock G.P.* Social Organization. N.Y.: Macmillan, 1962.
- Parsons E.C.* Laguna Genealogies // Anthropological Papers of the American Museum of Natural History. 1923. Vol. 19. Pt. 5. P. 139–282.
- Radcliffe-Brown A.R.* The Social Organization of Australian Tribes. Part 1–2 // Oceania. 1930–1931. Vol. 1. No. 1. P. 34–63; No. 2. P. 206–246; No. 3. P. 322–341; No. 4. P. 426–456.
- Radcliffe-Brown A.R.* The Andaman Islanders. Cambridge: Cambridge University Press, 1933.
- Radcliffe-Brown A.R.* The Study of Kinship Systems // Journal of the Royal Anthropological Institute. 1941. Vol. 71. No. 1. P. 1–18.
- Rammov H.* Verwandtschaftsbezeichnungen in Klassischen Aztekischen. Vol. 1. Hamburg: Beiträge zur mittelamerikanischen Völkerkunde, Herausgegeben vom Hamburgischen Museum für Völkerkunde und Vorgeschichte, 1964.
- Rivers W.* Kinship and Social Organization. L.: Constable & Co, 1914.
- Sahagún B. de.* Florentine Codex. General history of Things of New Spain. Salt Lake City: University of Utah Press, 1969. (Monographs of the School of American Research and the University of Santa Fe: University of Utah. No. 14). Book 6.
- Titiev M.* Old Oraibi // Papers of Peabody Museum of American Archeology and Ethnology. 1944. Vol. 22. No. 1. P. 3–264.
- Titiev M.* The Importance of Space in Primitive Kinship // American Anthropologist. 1956. Vol. 58. No. 4. P. 3–264.
- White L.A.* A Problem in Kinship Terminology // American Anthropologist. 1939. Vol. 41. No. 4. P. 18–67.
- White L.A.* What is a Classificatory Kinship Term // Southwestern Journal of Anthropology. 1958. Vol. 14. No. 4. P. 378–386.

ДЭВИД КРОНЕНФЕЛЬД

Переживание родства и теория родства

Я полагаю, что соотнесение нашего собственного опыта родства с его формальным и теоретическим пониманием может привести к некоторым важным прозрениям. Думаю, что, подобно другим, эта новая точка зрения может привести к новым и, быть

Дэвид Кроненфельд
(David B. Kronenfeld)

Университет Калифорнии,
Риверсайд, США
david.kronenfeld@ucr.edu

может, важным соображением. Данная идея звучит как отголосок некоторых постмодернистских идей, но я не являюсь постмодернистом, однако считаю, что перед тем как принять эти соображения, их следует взвесить, подтвердить и оценить эмпирически.

Эта субъективная позиция приводит меня к другой, в известном смысле новой и необычной точке зрения старого человека, рассматривающего живых родственников и их взаимоотношения как по большей части отношения потомства. Эта точка зрения контрастирует с позицией, нередко имплицитно присущей антропологическим исследованиям родства, — позицией молодых людей, обращающих свои взоры на мир родственников, в который он или она вступают. Я думаю, что истоком этой распространенной точки зрения является тот факт, что большая часть базовых этнографических исследований родства проводится молодыми учеными, которые часто не состоят в браке, а если и состоят, то у них часто или нет детей, или есть только очень маленькие дети. Нуклеарные семьи, которыми они связаны со своей родней, это родительские семьи (*families of orientation*), а не репродуктивные (*families of procreation*); братья и сестры оказываются близкими людьми, а супруги — скорее добавочными величинами. Эта личностная перспектива не мешает им видеть этнографические примеры с другой точки зрения, однако располагает к определенному типу вопросов и определяет их понимание того, что им рассказывают.

Изменения моих собственных взглядов определялись, с одной стороны, возвращением к серьезным занятиям исследованиями систем родства после долгого перерыва, а с другой стороны, опытом сначала вступления в брак моих детей, а затем (наконец-то!) появления на свет моих внуков. Теперь я смотрю на родственный мир, где все родственники, которые были в живых, когда я в него попал, и которые, как представляется моему «вернувшемуся на школьную скамью» сознанию, казались частью безвременной, застывшей в вечности семейной плеяды, мертвы и живут лишь в памяти стариков. Мой мир живых родственников охватывает тех, кто был ребенком, когда я был ребенком, и тех, кто появился вслед за нами. Нуклеарная семья, через которую я вступаю в отношения со своими родственниками, на сегодняшний день является гораздо в большей степени моей репродуктивной семьей. В ней ключевое место занимает моя жена, хотя мои сиблинги остаются близкими мне людьми. Этот ранее мне не знакомый круг родственников расширяется благодаря как появлению новых родственников, так и личностным чертам, навыкам и умениям, которые возникают по мере того, как дети растут, а молодые люди

взрослеют. Этот мир — не (относительно) стабильный мир моей молодости, но мир (относительно) постоянных перемен.

Мысль, к которой я пришел, как родитель детей, которые сами являются родителями, заключается в том, что эти отношения родства асимметричны. Эмоциональные связи — такие, как любовь — в принципе являются симметричными. И так, в рамках той аналитической парадигмы в антропологии, в которой я вырос, любовь нашего ребенка к моей жене и ко мне мыслится той же самой, что и любовь нашего ребенка к его или ее собственным детям. Однако достаточно минуту посмотреть на наших детей вместе с их собственными детьми, чтобы понять, что при всей их любви к нам забота наших детей о нас не идет ни в какое сравнение с их эмоциональной привязанностью к собственным детям. Это наблюдение, я уверен, никому не покажется удивительным, стоит только каждому обратиться к своему жизненному опыту.

Я не первый, кому эта мысль пришла в голову, и по крайней мере в том, что касается любви, моя версия является более мягкой. Джуди Кроненфелд в своей работе о «Короле Лире» [Kronenfeld 1998] отметила ряд примеров подобного понимания в книгах по управлению домашним хозяйством времен королевы Елизаветы и короля Якова (XVII в.). “Love descendeth and goeth downward, it doth not ascend and go upward; parents then love their children, but children divers times love not their parents” («Любовь спускается и идет по нисходящей, она не поднимается и не движется вверх; родители любят своих детей, но дети подчас не любят своих родителей») [Francis Dillingham. *Christian Oeconomy; or, Household Government*. L., 1609]. Современная литература также полна примеров неблагодарных детей.

Следовательно, проблема заключается не в том, что эта моя мысль чужда нашему опыту, но в том, что она чужда научно ориентированным антропологическим работам, посвященным родству. Нас учили думать, что под «поколением» подразумевается постоянное генеалогическое расстояние, измеряемое или от младших к старшим, или от старших к младшим — независимо от того, говорим мы о терминологии или о поведении.

В контексте моей «новой» идеи я понял, что сталкивался с примером асимметрии межпоколенной дистанции много лет назад в моем исследовании родства у фанти, хотя в то время я и недооценил его довольно широкие импликации.

В этой части моей работы о фанти я пытался найти структурные черты, которые формируют межличностное поведение среди родственников. Сначала на основе списка информантов

я собрал данные, касающиеся вероятности следования определенным типам поведения по отношению к набору генеалогически заданных типов родственников (т.е. типов родства). Затем я собрал у тех же информантов данные о том, как они вели себя по отношению к конкретным людям (список включал имена людей, которые, как мне было известно, связаны с информантами определенным образом).

Многомерное неметрическое шкалирование (МНШ) показало, что взаимоотношения между типами родства (kintypes) для большинства типов поведения могут быть представлены в двумерном пространстве. Т.е. в принципе двух переменных достаточно, чтобы объяснить различия между типами родства с точки зрения того, как часто встречается данный тип поведения.

На основании материалов полевых интервью у меня уже было представление о том, что нечто вроде «старшинства» является важным фактором; так же оценили мой список типов родства информанты, пользуясь такими мерками, как «уважение» и «власть» (оказалось, что эти параметры в высшей степени коррелируют друг с другом). (Я собрал сходные данные по «близости», что к настоящему примеру не имеет отношения.)

Линейная регрессия — в аналитическом исследовании, написанном совместно с доктором Джерольдом Э. Кроненфельдом (см.: [Kronenfeld 2009: Ch. 4]) — показала, что эти переменные «старшинства» объясняют немалую долю вариативности в поведенческих данных для целого ряда типов поведения. Мы подтвердили релевантность результатов регрессии для графиков МНШ, отражающих положение групп в многомерном пространстве (the MDS pictures), обнаружив в наших двумерных графиках ось, которая оказалась в высшей степени коррелирующей с эмическими переменными «старшинства» и которая показывала те же результаты, что и они, в регрессиях. Проблема с этими переменными старшинства у носителей культуры заключалась в том, что мне ничего не было известно о том, как фанти их «сконструировали».

Затем мы поэкспериментировали с комбинациями простых антропологических переменных (включая поколение, относительный возраст, генерационное скашивание), чтобы построить ряд, который можно было бы математически скомбинировать таким образом, чтобы эта совокупная переменная сильно коррелировала с нашими индикаторами старшинства у носителей культуры и давала те же результаты, что и они, в регрессиях. Мы придумали следующую комбинацию:

Умножьте поколение на 2, прибавьте 1 для старшего поколения или -1 для младшего, затем прибавьте 1, если скос оформляется

в терминах восходящего поколения, и, наконец, прибавьте 1, если значение переменной (уже рассчитанной) превышает +1.

Отметим, что эта формула обладает эффектом значительного увеличения восходящих расстояний (сравнительно с нисходящими). Т.е., например, «мой» отец оказывается более удаленным от меня в том, что касается поведенческих норм, чем мой сын, и сходным образом мой дядя по сравнению с моим племянником и т.д. Отметим также эффект скашивания (обозначения кросскузенов одного поколения терминами либо восходящего, либо нисходящего поколений): отождествление кросскузенов с восходящим поколением также увеличивает расстояние.

Если суммировать: имеются веские основания полагать, что существует асимметрия между расстоянием до представителей восходящих поколений и расстоянием до соответствующих представителей нисходящих поколений, и эта асимметрия была продемонстрирована эмпирически, по крайней мере для одного случая, касающегося поведения фанти по отношению к родственникам. Если говорить менее формально, мы оказываемся ближе к нашим детям (и другим родственникам нисходящих поколений), чем к нашим родителям (и другим эквивалентным представителям восходящих поколений).

Остается прояснить смысл понятий «более близкий» или «более удаленный». Идет ли речь об эмоциональной глубине, ответственности за действия или чье-то благополучие, степени авторитарности или о чем-то еще? Такая постановка вопроса уже отчасти содержит в себе ответ, который свидетельствует о возможности кросскультурного сравнения.

Маленькие дети чрезвычайно зависят от нас в том, что касается еды, крыши над головой, эмоциональной поддержки, социализации, обучения и т.д. Для того чтобы оказывать адекватный и надежный уход, от заботящихся (обычно родителей) требуется постоянное внимание. Семьи (и общество), в которых это внимание отсутствует, оказываются менее способными к самовоспроизводству, чем те, в которых оно присутствует.

Вернемся к моему опыту, связанному с детьми и детьми детей. Мои дети, концентрируясь прежде всего на своих детях, делали только то, что требовалось для их выживания. Предположительно естественный отбор (у видов, у которых дети требуют больше заботы и обучения) больше благоприятствует тем, кто фокусируется на своих детях, чем тем, кто этого не делает, по крайней мере *ceteris paribus*. Человеческий вариант этой ориентации на детей подсказывает, что у моего опыта должны быть параллели в других культурах. В ходе неформального чтения

литературы о некоторых других культурах у меня сложилось представление, что так оно и есть. Иными словами, даже в жестко патриархальных культурах с их расширенными семьями, возглавляемыми старшим мужчиной, внимание молодой матери к своим маленьким детям (и ее преданность в первую очередь им) признается и принимается. И те старшие, которые задаются целью подавить этих детей, не стремятся поколебать верность матери своим детям, а стремятся подавить мать заодно с детьми.

Я говорил о маленьких детях, однако наше пристрастие к детям в ущерб нашим родителям тянется на протяжении всей жизни тех, кто вовлечен в эти отношения, например после окончания периода детской зависимости. Я думаю, что это отчасти объясняется привычкой, а кроме того, нашими родительскими вложениями в детей и нашей заинтересованностью в успехе этих инвестиций — все это остается актуальным долго после выхода наших детей из детства. Наши родители должны помогать нам (не наоборот), даже если мы начинаем помогать им.

Мне хотелось бы указать на то, что это пристрастное отношение к потомству существует на двух уровнях. Во-первых, это прямая межличностная связь между нами и детьми. А во-вторых, это пристрастие присуще тем ролям, которые мы через наши культуры выстраиваем вокруг этих отношений — такие роли, как «мать», «отец», «сын», «дочь», «дед», «внук» и т.д. Ролевой аспект объясняет, почему модель поведенческой пристрастности в собранных мною данных по фанти применима не только к близким родственникам и не строго в соответствии с относительным возрастом. Отчасти это объясняет, почему генерационное скашивание (в данном случае перенесение кросскузена из моего поколения в родительскую терминологическую категорию) также сопровождается поведенческим дистанцированием.

Пример со скашиванием указывает еще на одно обстоятельство. Пристрастность заключается не только в повышенной близости к нисходящим родственникам, но и в независимом дистанцировании от восходящих родственников. Мое предположение заключается в том, что это дистанцирование связано с уважением (и, может быть, с властью и авторитетом), присутствующим роли родителя. Наша вовлеченность в жизнь родителей никогда не является столь же глубокой, как наша вовлеченность в жизнь детей, даже когда родители больны и зависят от нас. Я полагаю, что будь отношения родителей и детей более интимными, это подорвало бы то привилегированное положение родителей, которое дает им возможность играть роль воспитателя и защитника в жизни детей. Воспитание невозможно,

когда родители и дети рассматривают друг друга в качестве равных, как бы мягко или грубо, уважительно или пренебрежительно, тепло или холодно и т.д. ни подавалось неравенство.

Наконец, я обращаю внимание на то, что некоторые аспекты асимметричных взаимоотношений между родителями и детьми имеют кросскультурную значимость и что у этих взаимоотношений имеется даже некоторая биологическая подоплека, основанная на естественном отборе. Однако многое в концептуальной и поведенческой структуре, а также в специфическом поведенческом содержании отношений родителей и детей действительно варьируется в немалой степени в разных культурах и разных семьях внутри одной культуры. Поэтому я думаю, что ответ на вопрос об универсальности, по всей вероятности, должен быть неоднозначным. Но мне думается, что должно иметь место особое внимание к грудным детям (и потому оно запрограммировано биологически). Кроме того, как мне кажется, это внимание может войти в привычку и продолжать действовать уже после того, как отпрыск перестал быть грудным или даже перестал быть ребенком. Однако «может» не значит «должно». Я уверен, что существуют места, где властные родители требуют внимания и от своих взрослых детей. Я знаю множество случаев, когда старые родители «впадали в детство» и за ними внимательно ухаживали их взрослые дети, даже после того, как воспитали собственных детей.

Кроме того, я склоняюсь к мысли, что и родительский авторитет, и то уважение, которое сопровождает родительский авторитет, в известном смысле несовместимы с интимной природой глубокой любви. В этом смысле я полагаю, что заявление Леви-Строса (во второй главе «Структурной антропологии»: [Lévi-Strauss 1963]) о подобной несовместимости было верным, даже если он ошибался относительно контекста ее применения и ее социальных последствий.

Библиография

- Kronenfeld D.B.* Fanti Kinship and the Analysis of Kinship Terminologies. Urbana; Chicago: University of Illinois Press, 2009.
- Kronenfeld J.Z.* King Lear and the Naked Truth: Rethinking the Language of Religion and Resistance. Durham; L.: Duke University Press, 1998.
- Lévi-Strauss C.* Structural Anthropology / Transl. by C. Jacobson, B. Grundfest Schoepf. N.Y.; L.: Basic Books, 1963.

*Пер. с англ. Аркадия Блюмбаума
под редакцией Владимира Попова и Германа Дзибеля*

СЕРГЕЙ КУЛЛАНДА

Будучи историком, а не социальным антропологом, я не берусь судить о внутрицеховых проблемах изучения отношений родства и ограничусь вопросом о соотношении собственно антропологических и иных методов исследования терминологии родства¹, тем более что организаторы дискуссии предусмотрели такую возможность.

Основное разногласие между социальными антропологами и лингвистами, изучающими номенклатуры родства, состоит, на мой взгляд, в том, что и те и другие отстаивают «суверенитет» собственной отрасли, крайне ревниво реагируя на вторжение ученых иных специальностей в их исследовательскую кухню. Полагаю, максима, согласно которой при изучении терминов родства и свойства данные различных областей знания следует рассматривать отдельно, справедлива для синхронных исследований, поскольку это позволяет избежать «тенденции смешивать проблему того, что соответствующие термины могли значить “изначально”, с тем, что они означают сейчас» [Scheffler 1973: 765].

Напротив, при диахронных исследованиях происхождения и исторического развития систем родства не просто привлечение «инородных» материалов, но взаимодействие методов смежных наук совершенно необходимо². Ведь как обычно происходит изучение социальной организации древних обществ, не оставивших письменных памятников? Анализируя реконструируемую лексику, в том числе и терминологию родства и свойства, исследователь воссоздает

Сергей Всеволодович Кулланда
Институт востоковедения РАН,
Москва
kullanda@java.msk.ru

¹ Последние вряд ли стоит ограничивать исключительно лингвистическими методами, как это сделано в приглашении к дискуссии.

² Сочувственно упоминаемое П.Л. Белковым [Белков 2011: 367] наше с А.В. Дыбо высказывание, которое он, к сожалению, воспринял как отповедь социальным антропологам, пытающимся анализировать языковой материал, на деле таковой не является. Речь шла лишь о попытках с негодными средствами. То же справедливо для экскурсов представителей смежных дисциплин в социальную / культурную антропологию.

предполагаемую систему родства носителей праязыка, сопоставляя с полученной картиной археологические и этнографические материалы, данные письменных источников и т.п. Кажалось бы, такой подход обеспечивает вожделенную многогранность и комплексность исследования. В некоторой степени так оно и есть, но все же работа по данной схеме таит в себе и определенную опасность: реконструкция не только фонетического облика, но и предполагаемого значения праязыкового этимона остается прерогативой лингвиста. Причем если фонетическая реконструкция опирается на хорошо разработанную методику, то определение праязыковой семантики, как правило, производится чисто интуитивно. Подавляющее большинство исследователей приписывает соответствующим этимонам то или иное реально засвидетельствованное значение (обычно наиболее часто встречающееся).

При реконструкции фонетики такую практику без колебаний признали бы порочной: во многих случаях для семей и групп с мало-мальски сложной фонетикой восстанавливаются не зафиксированные в языках-потомках прафонемы, позволяющие вывести из них все имеющиеся рефлексы. Представляется, что и семантику праязыковых этимонов следует реконструировать таким образом, чтобы из нее непротиворечиво выводилось значение их реально зафиксированных рефлексов, даже если подобное значение ни в одном из языков-потомков не отмечено. Для этого с помощью методов сравнительно-исторического языкознания устанавливается примерный фонетический облик архетипа и его предполагаемое значение (как правило, в минимальном контексте).

Привлечение исторических данных позволяет очертить круг употребления рефлексов данного этимона и их контекстные интерпретации, в том числе, видимо, и стадияльно обусловленные (например, употребление в древних языках в качестве потестарных терминов лексем, в языках-потомках осмысленных исключительно как термины родства). Интерпретация наблюдаемого феномена с использованием достижений социальной антропологии позволяет предложить нетрадиционную реконструкцию праязыковой семантики, непротиворечиво объясняющую эволюцию соответствующей лексемы (трактовка праязыкового этимона как показателя принадлежности к тому или иному половозрастному группированию).

Такая методика работает на материале самых разных языковых семей и позволяет дополнительно аргументировать сформулированную на этнографическом материале гипотезу о том, что на ранних этапах развития общества генеалогическое родство не играло существенной роли в системе социальных связей.

Важна была не общность происхождения, а общая принадлежность к одной половозрастной группе, т.е. действовал групповой принцип счета социального родства.

Единственная возможность более или менее адекватно реконструировать праязыковой этимон, связанный с социальными отношениями, в том числе и тот, чьи рефлексы дали значение термина родства, — провести уже в процессе реконструкции лингво-историко-антропологическое исследование. Это дает возможность не механически сопоставлять данные различных областей знания, но извлекать из их комплексного рассмотрения новую информацию, что создает условия для частичного преодоления ограниченности каждого из видов источников. Тем самым для исследований генезиса терминологии родства (и, опосредованно, систем родства) противопоставление социоантропологических, лингвистических и прочих методов частично снимается.

Библиография

- Белков П.Л.* Этнография родства и проблема рациональности научного открытия // Антропологический форум. 2011. № 14. Online. С. 365–445. <<http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/014online/belkov.pdf>>.
- Scheffler H.W.* Kinship, Descent and Alliance // J.J. Honigmann (ed.). Handbook of Social and Cultural Anthropology. Chicago: Rand McNally College Publishing Company, 1973. P. 747–793.

АННА МОСКВИТИНА (СИИМ)

1 Первая ассоциация, возникающая с этим вопросом, — слова Н.М. Гиренко, произнесенные им на лекции «Этнография Африки» на кафедре африканистики Восточного факультета СПбГУ в 1996 г.: «Брат матери... Да в 70-е годы за “брата матери” могли такое сделать... А сейчас что?» В этом его высказывании красноречиво звучала ностальгия по «золотому веку» советской антропологии родства, благодаря которой этнография в нашей стране реализовалась как фундаментальная наука и которой обязаны своим становлением многие крупные отечественные исследователи традиционных обществ.

Анна Юрьевна Москвитина (Сиим)
Музей антропологии этнографии
им. Петра Великого
(Кунсткамера) РАН,
Санкт-Петербург
anna.siim@gmail.com

Изучение систем родства на африканском материале и сопутствовавшая ему академическая полемика стали основой для формирования так называемой «ленинградской школы африканистики», к которой были причастны многие крупные африканисты и специалисты в области антропологии родства (В.Р. Арсеньев, Н.М. Гиренко, В.М. Мисюгин, Д.А. Ольдерогге, В.А. Попов). Она имела потенциал своеобразного направления в обществоведении, занимавшегося разработкой стратегий оптимального развития единого мира с учетом опыта альтернативных форм цивилизации. В результате она просуществовала, скорее, лишь в интенции и не успела сложиться именно в качестве школы, как по причине ухода из жизни нескольких крупных ее фигур, так и в связи со смещением тематических акцентов в этнографии и антропологии накануне распада Советского Союза и тем более после него.

Постсоветские реформы тоже не могли не повлиять на содержание и приоритеты этнографических исследований. Существование в условиях расшатанных общественных устоев вряд ли способствует усилению исследований общественных устоев как таковых. Стали актуальными темы и направления, бывшие невостребованными и даже нежелательными в советское время. Возможно, они и выявили определенные особенности советской этнографии (и ее магистральной темы — антропологии родства), которые в новых обстоятельствах могли рассматриваться как недостатки.

Например, изучение верований и обрядности в ключе антропологии религии. Стремительный рост интереса к этой теме был тесно связан с образовавшимся в обществе идеологическим вакуумом и поисками новой духовности, которой, по мнению многих, недоставало советской антропологии.

Или этнографическое музееведение, ранее носившее скорее второстепенный, декоративный, а отнюдь не дисциплинарный характер. Оно облеклось в формат прикладной культурной антропологии и пыталось восполнить некоторый дефицит обр-ности, который был свойствен советской этнографии.

Или обращение к семиотическим штудиям, изучению материальной и духовной культуры традиционных обществ как знаковых систем. Это выглядело как выход на арену мировой науки после открытия железного занавеса. Оно обеспечивало видимость научной новизны и динамики, по сравнению с которой советский подход мог показаться аутичным и замкнутым на самом себе.

Западная наука была заинтересована в расширении своей фактической базы за счет ранее недоступных ей материалов с пост-

советского пространства. В фундаментальных разработках российских ученых она вряд ли нуждалась, действуя от имени актуальных в ней на тот момент собственных идей и тенденций. Так или иначе многие состоявшиеся и обучавшиеся специалисты оказались на новой волне, отойдя от советского наследия. Новый и старый опыт, к сожалению, не синтезировались, не стали взаимодополняющими. Получилось именно так, хотя это не означает, что они полностью несовместимы по своей природе.

Разницу нового и старого форматов нельзя было не заметить в области преподавания. На курсах лекций в русле классической советской этнографии и антропологии родства всегда чувствовалось, что за всем этим стоит свой и неотчуждаемый фундаментальный опыт. Все остальное носило интересный и новый (опять же для нашей среды!) экспериментальный характер. Антропология родства все еще остается областью, где можно реализовать склонность к масштабным фундаментальным исследованиям.

2

Как и во всех обществоведческих науках, это сложности соотношения субъекта и объекта исследования, крайности, которыми чреваты как полное дистанцирование субъекта от объекта, так и их тотальное слияние. Исторически сложившись как колониальная наука — своего рода государственный заказ — теоретическая этнография (в частности антропология родства) ограничивает свои горизонты чисто утилитарной постановкой целей и задач. Однако в амплуа свободной науки вне идеологического контекста исследования в этих областях часто утрачивают фундаментальный характер.

3

Существующие разногласия носят скорее субъективный характер и — в отечественной ситуации — объясняются историческим размежеванием двух дисциплин как раз в период назревания обозначенного в анкете «кризиса антропологии родства», а также отсутствием высшей инстанции, способной объединить усилия лингвистов и социальных антропологов. К примеру, в крупных европейских странах для регулирования и развития политических и экономических отношений с бывшими колониями берутся на вооружение достижения как лингвистов, так и антропологов. Если при формировании кадров в системе высшего образования обеспечивается должная подготовка в обеих областях знания, разногласия окажутся не столь ощутимыми. Кстати, при обучении на Восточном факультете — в его дореволюционном формате, отчасти сохранившемся и в советское время — были именно такие установки. Уже упоминавшаяся «ленинградская школа африканистики» в общем-то тоже ставила перед собой подобные

4

задачи, другой вопрос, что она осталась нереализованным проектом.

В отличие от вполне возможного синтеза лингвистики и антропологии родства представить математику и антропологию родства как полноценную комплексную науку вряд ли возможно. Речь идет о внешнем сходстве — на уровне обыденного восприятия — отображения отношений родства с математическими способами записи, а также о метафорическом императиве, призыве к точности и строгости, необходимым гуманитарным наукам. Если говорить о бренде «Алгебра родства», смысловые контексты этого названия, возможно, именно таковы. Хотя при особом желании в нем можно увидеть и установку на тотальную алгебраизацию, где форма записи становится не просто техникой чтения, но и «способом, которым Бог сотворил мир», как бы по аналогии с наукой экстатической каббалы, или каббалы имен.

Внешней алгебраизации и геометризации, а также математической статистики достаточно в упоминавшейся в анкете лингвистике и других гуманитарных дисциплинах. С точки зрения извечных поисков «совершенного языка» науки эта необходимость «поверить алгеброй гармонию» на определенных стадиях исследования вполне традиционна и понятна, хотя служит скорее описательным, чем объяснительным целям. Если прибегать к аналогии с лингвистикой, фундаментальным достижениям в области соотношения языка и мышления, изложенным в гуманитарной трактатной форме (например, одно из программных произведений Н. Хомского об универсальных грамматиках «Язык и мышление»), предшествовал колоссальный период чисто логических исследований. Выбор в пользу алгебраизации (формульных соотношений) либо геометризации (пространственного конструирования) связан, вероятно, с субъективными особенностями систематизирующего мышления отдельных ученых.

ВЛАДИМИР ПОПОВ

Владимир Александрович Попов

Музей антропологии
и этнографии
им. Петра Великого
(Кунсткамера) РАН /
Санкт-Петербургский
государственный университет
poroff@kunstkamera.ru

Kinship studies, или антропология родства: объекты, предметы и методы изучения

К середине XX в. окончательно сформировалась одна из основных субдисциплин современной этнографии (социальной / культурной антропологии) — антропология родства (или kinship studies в англоязычной

традиции), объектами изучения которой стали системы родства (СР) и системы терминов родства (СТР), а также феномен родства в целом и его взаимоотношения с формами семьи и брака, счета социального родства и преемственности (филиации), нормами наследования (статуса и имущества), локальностью брачной резиденции, половозрастной стратификацией и социально-возрастными системами типа возрастных классов и т.д. Становление антропологии родства восходит к работам Л.Г. Моргана, открывшего феномен СР, и П.А. Лавровского, показавшего механизмы семантических изменений терминологии родства. Их последователи, развивая этносоциологические теории первого и историко-филологические наблюдения второго, сформировали две самостоятельные научные традиции — этнографическую (социально-антропологическую) и лингвистическую (социолингвистическую)¹.

1. Родство, системы родства, системы терминов родства

Раньше считали, что родство — это то, чем занимаются антропологи. Сегодня вполне можно сказать, что это то, чем антропологи не занимаются.

П. Соуса

2	<p>В основе как этнографического, так и лингвистического подходов² к изучению родственных отношений лежит тезис о необходимости разграничения сущности (плана содержания) и формы проявления (плана выражения), т.е. различения систем родства (как систем отношений социального родства) и систем терминов родства (как эгоцентрического выражения этих отношений в терминах родства)³. При этом этнографы изучают СР (план содержания), а лингвисты — терминологию родства, или номенклатуру родства (план выражения), т.е. лексико-семантическую группу конкретного языка. Но так как план содержания возможно познать только через план выражения⁴, терминология родства становится объектом изучения и этнографов, которые прежде всего выявляют правила соотношения плана выражения с планом содержания (термины</p>
3	
4	
5	
5	

¹ О становлении и развитии антропологии родства см.: [Крюков 1972: 5–16, 27–66; Дзибель 2001: 11–67].

² Об этнографическом и лингвистическом подходах к изучению СТР см. дискуссию в АР, вып. 2, а также обсуждение статьи П.Л. Белкова [2010] в «Антропологическом форуме» [Бурыкин 2011; Добронравин 2011; Попов 2011].

³ Одним из первых, кто стал различать СР и СТР, был Н.М. Гиренко [1974], хотя уже М.В. Крюков фактически их не смешивал: «Группировку терминов для обозначения родственных отношений, т.е. то, что принято называть системой родства...» [Крюков 1972: 3].

⁴ Разумеется, с учетом диалектической взаимосвязи между планом содержания и планом выражения.

родства и родственные отношения), или, другими словами, те принципы группировки родственников, которые превращают номенклатуру родства в систему (СТР). Лингвисты же исследуют морфологию, этимологию и семантику терминов родства (ТР) одного языка или группы близких по происхождению языков, как правило, с целью реконструкции протосистем ТР.

В изучении феномена родства сложилось три основных направления: типологическое, этносоциологическое и этнологическое (этнокультурологическое)¹. Типологическое связано с созданием типологий структурных особенностей СР и СТР (например, ТР для обозначения сиблингов, терминологии для родственников чередующихся поколений, взаимных ТР), определением места конкретных типов в исторических типологиях СТР и исследованием исторической преемственности различных типов СТР, т.е. выявлением универсальных закономерностей и конкретных механизмов трансформации одних типов СТР в другие² (например, проблема малайского / генерационного типа и его соотношения — в плане первичности / вторичности — с турано-ганованским / бифуркативным, историко-типологическая специфика генерационно-скользящих и генерационно-скошенных типов СТР), а также с этногеографическим распространением типов СТР. Здесь особо следует отметить весьма значимый вклад М.В. Крюкова, который объединил традиционную типологию, восходящую к типологии Л.Г. Моргана и опирающуюся на группировки ТР для обозначения родственников 1-го восходящего поколения (поколения родителей), с типологией Дж.П. Мердока (созданной на базе 0 поколения, т.е. группировок терминов для кузенов и сиблингов эго) [Крюков 1968; 1972: 36–43].

Этносоциологическое направление сориентировано на поиск социальной обусловленности СТР, причем подавляющее большинство работ посвящено социальным детерминантам бифуркативных СТР и реконструкциям первичной СР (самые заметные результаты последнего времени — тетраидная теория Н.Дж. Аллена³ и гипотеза Г.В. Дзибеля о существовании локального (ойкуменического, экологического) родства как древнейшего («доклассификационного») типа СР). Среди социальных детерминантов чаще всего фигурируют различные социальные институты (род, община, семья) и формы брака, а также варианты брачной резиденции или же так называемые социологические универсалии (единство группы сиблингов,

¹ См. обзоры: [Дзибель 2001: 20–67; Попов 2003; 2004].

² См., например: [Крюков 1973].

³ См. обсуждение тетраидной теории в АР, вып. 1.

единство линиджа, слияние чередующихся поколений), учитываются также корреляции с половозрастной стратификацией и потестарно-политическими явлениями.

В рамках этносоциологического направления сформировался и традиционный уже (начиная с Л.Г. Моргана) подход к номенклатурам родства как к источнику информации для изучения социальной истории и прежде всего — ее ранних этапов, поскольку СТР относится к тем стадиально-гетерогенным системам, структура которых нагляднее других отражает основные этапы предшествующего и тенденции будущего развития общества и в силу этого обладает наибольшим информационным потенциалом. Одна из основных проблем, стоящих перед исследователями социальной истории на базе информации, извлеченной из СТР, — методология и методика реконструктивной деятельности, поскольку аксиоматика подобных реконструкций только начинает создаваться и слишком велика еще доля субъективизма и интуиции¹. К тому же зачастую наблюдается экстраполяция в прошлое современных представлений о СР, т.е. специфика вторичных СР — линейно-степенных, индивидуальных по своему характеру — приписывается первичным СР — групповым и социоцентрическим (классификационным, по Л.Г. Моргану).

В связи с этим поставлена и разрабатывается прикладная проблема перевода конкретных ТР на различные языки при несопадении исторических типов СТР и СР (поиск эквивалентов при переводе с одного языка на другой), а также продолжаются поиски новых способов нейтральной записи ТР (графических, геометрических, цифровых, буквенных) и кодирования (в том числе алгебраического) классов родства, чтобы избежать искажений, когда изучаемая СТР описывается терминами родства другой (как правило, ТР родного языка исследователя, что, несомненно, является одним из главных и объективных, и субъективных барьеров на пути познания феномена родства).

Естественно, что при создании моделей протосистем ТР (наиболее значимые результаты достигнуты при реконструкциях протоиндоевропейских, прадравидских, древнетайских и протоманде СТР) используются достижения лингвистической компаративистики в области праязыковых реконструкций, хотя и с известной долей скепсиса относительно их процедуры и лексико-семантических результатов². При этом часто применяются специфические структурно-лингвистические методы

¹ Ср.: [Попов 1991].

² См., например, материалы дискуссий по проблемам реконструкции протосистем терминов родства в АР, вып. 5, 7, 9, 11 и 12.

анализа номенклатуры родства (компонентный анализ, трансформационный, генеративный, шкалограммный и др.)¹.

Активизировались в последнее время исследования и такой весьма перспективной проблематики, как искусственное (фиктивное) родство (включая ритуальное), прежде всего у специфических этносоциальных групп (например, у российских хиппи), а также таких его форм, как побратимство, куначество, кумовство, братства по кораблю и по гостевым домам, подшучивание («шуточное родство»), включая и обычаи избегания различных родственников и свойственников, например, в системе «отношений по джаму» («паспортных фамилий») у народов Западной Африки. Следует отметить, что специфические «общности по джаму», равно как и их аналоги, способствовали появлению в доколониальную эпоху единых социально-коммуникативных пространств, сопоставимых с локальными цивилизациями. Основным структурообразующим принципом организации таких сетевых сообществ является родство (реальное или фиктивное), поскольку только матрицы родства способны выразить как иерархические, так и горизонтальные отношения, при этом номенклатуры родства отражают не только и даже не столько родственные, сколько относительно возрастные и гендерные отношения².

Этнологическое направление изучает этнокультурную обусловленность СТР, а также этногенетические аспекты эволюции СТР близкородственных этнических общностей (ощутимые результаты получены на полинезийском, тюркском и североамериканском материале). Среди этнокультурных факторов, влияющих на характерные особенности конкретных ТР, исследуются текнонимия (называние родителей по детям, чаще всего первенцам), герайтеронимия (называние по старшим родственникам), имена, даваемые по порядку рождения (birth-order names) и другие антропонимические феномены, окказионально функционирующие в качестве терминов родства, т.е. некие имена родства. Следует отметить, что выявление имен родства [Добронравин 1998] — одно из несомненных теоретических достижений в познании феномена родства за последние годы, наряду с обоснованием необходимости разграничения эгоцентричности и социоцентричности СТР³ и созданием иденетической парадигмы родства [Дзибель 2001] — наиболее серьезной попытки синтеза этнографического, лингвистического и популяционно-генетического подходов.

¹ См. обзоры: [Членов 1973; Дзибель 1998: 90–98; 2001: 25–32].

² Подробнее см.: [Маслов 2010; Попов 2010].

³ См. обзор: [Кожановская 1995: 11–15].

5 К наиболее значимым и перспективным темам, помимо уже перечисленных, относятся следующие: происхождение «аномальных» СТР (прежде всего генерационно-скошенных систем типа кроу / омаха), взаимоотношения СТР и социально-возрастных институтов, кросскультурное изучение конкретных форм искусственного родства, создание и публикации корпуса источников, в том числе электронных баз данных, по СТР различных регионов¹, дальнейшая разработка латерально-линейной исторической типологии счета родства. Нетривиальные результаты можно ожидать и на стыке антропологии родства с политической антропологией и правомедием (при выявлении альтернативных путей к ранней государственности, анализе структуры традиционных сетевых сообществ, объяснении династических коллизий, связанных с преемственностью власти). Но это все частные задачи. Самой же серьезной проблемой по-прежнему остается междисциплинарный синтез.

1 Краткий обзор состояния исследований феномена родства, как мне представляется, свидетельствует об отсутствии кризисной ситуации в антропологии родства. В конце XX — начале XXI в. за рубежом появилось несколько монографий [Testard 1996; Parkin 1997; Gould 2000; Dziel 2007] и крупных коллективных работ², в России с 1995 г. издается альманах «Алгебра родства»³, антропология родства преподается в ряде российских университетов, в том числе уже почти 20 лет в СПбГУ в виде спецкурса для студентов-этнографов⁴.

Кризис, скорее, наблюдается в этнографии / антропологии в целом, как и во всей, в том числе и в отечественной, гуманитарной науке. И вызван он прежде всего процессами глобализации. В России это привело к всеобщей переориентации в 1980—1990-е гг. как в отношении объектов и предметов изу-

¹ См. примечание 3 на этой странице.

² См., например: [ТК 2000; САК 2001; RVRK 2001].

³ Альманах «Алгебра родства: Родство. Системы родства. Системы терминов родства» (составитель и ответственный редактор В.А. Попов) был задуман как ежегодник. К настоящему времени опубликовано 14 его выпусков и три выпуска готовятся к печати. Основу каждого выпуска «Алгебры родства» составляют материалы дискуссий и круглых столов, проводимых, в частности, на Международных конгрессах антропологических и этнологических наук и Конгрессах этнографов и антропологов России, а также в рамках семинара МАЭ РАН «Антропология родства и гендерные исследования»: «Тетраидная теория генезиса первичных СР», «СТР: этнографический и лингвистический подходы к изучению», «Латеральность и линейность как принципы счета родства», «Неэгоцентрические ТР», «Проблемы реконструкции протосистем ТР», «Проблемы реконструкции нестратической СТР», «Антропология родства и возрастные институты». См. содержание альманаха (включая алфавитный указатель статей) в АР, вып. 12, и библиографию в АР, вып. 13. В ближайших планах — публикация дискуссии «Родство и ритуал», коллективной монографии о СР и СТР восточных славян и свода материалов по СТР народов Юго-Восточной Азии.

⁴ Подробнее см.: [Попов 2001а; 2001б].

чения, так и методологии исследований. Как следствие — очевидный спад интереса ко многим фундаментальным темам, в том числе и к феномену родства. Начиная с середины 1980-х гг. этнографы все меньше стали уделять внимания родственным отношениям¹, по СР и СТР практически не защищаются диссертации. Сведения о системах и терминологии родства зачастую становятся второстепенным компонентом разделов о семейно-брачных отношениях или вообще отсутствуют в большинстве этнографических монографий последних двух десятилетий².

Одна из причин этого, возможно, кроется в том, что фактически перестали заниматься первобытностью как таковой³ и архаическими обществами в целом (и соответственно реконструкциями ранних этапов социальной истории и социогенеза⁴, что долгое время было обусловлено главной ориентацией этнографии на «экзотические» народы, прежде всего первобытные⁵). Отсюда и потеря массового интереса к антропологии родства — этой фундаментальной и в то же время самой традиционной области этнографии / социальной антропологии. Впрочем, все согласны, что родство является структурообразующим принципом организации традиционных и неотрадиционных обществ и поэтому, не разобравшись со спецификой родственных отношений, нельзя понять механизмы их функционирования и развития. Возможно, мешает и возведенная в миф сложность предмета, ассоциирование схем, диаграмм и кодирования родственных отношений с высшей математикой. Другими словами, как уже справедливо было замечено, «раньше считали, что родство — это то, чем занимаются антропологи. Сегодня вполне можно сказать, что это то, чем антропологи не занимаются» [Sousa 2004: 265].

¹ В отличие от лингвистов, историков, социологов, генетиков и специалистов по эволюционной антропологии, которые все больше обращаются к этой тематике. См., например: [СДУР 2004; КРЯК 2009; Казаченко 2010; Качинская 2011]. Зачастую они при этом не владеют даже основами антропологии родства, как, например, автор книги «Русское родство: прошлое и настоящее» [Казаченко 2010]. См. также критический обзор: [Попов 2011].

² См., например, книги из серии «Народы и культуры» Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, посвященные монографическому описанию народов России и СНГ.

³ Последняя крупная дискуссия в рамках этой тематики — о половозрастной стратификации в этносоциологических реконструкциях первобытности — завершилась на страницах «Советской этнографии» в 1982 г. В начале 1990-х гг. в Институте этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН был закрыт единственный в стране отдел истории первобытного общества.

⁴ Как уже отмечалось, одним из основных источников информации для таких реконструкций (особенно для социальной истории бесписьменных народов) служили материалы по СТР в силу их стадильной гетерогенности (подробнее см.: [Крюков 1979; Гиренко 1978; 1999]).

⁵ Показательно, что еще в начале 1980-х гг. на первом курсе исторических факультетов читался общий курс «История первобытного общества и основы этнографии». Теперь это разные дисциплины.

И. О «критике критики», или Почему кубик Рубика оказался бритвой Хэнлона

Если у человека нет чувства юмора, то у него хотя бы должно быть чувство, что у него нет чувства юмора.

Станислав Ежи Лец

2

3

4

Ряд вопросов редколлегии непосредственно связан с содержанием статьи П.Л. Белкова [2011a]¹, послужившей поводом для дискуссии, и на нее нельзя не отреагировать, тем более что первая часть этой статьи (С. 366–398, т.е. более 30 страниц) посвящена «критике критики» или, скорее, задумана как ответ оппонентам. Но фактически в ней нет ни одного ответа на конкретные замечания участников обсуждения [Бурыкин 2011; Добронравин 2011; Попов 2011] его первой статьи [Белков 2010], что предполагается самим жанром ответа. В то же время она в целом отличается довольно развязным и даже агрессивным тоном и содержит прямые выпады против рецензентов с навешиванием ярлыков. Зачем? Непонятно. Или по-другому, без унижения оппонентов, ерничества и перехода на личности (см., например, с. 375, 377, 381, 389, 394, 396–397), не донести свои мысли до читателя?

К тому же текст написан в худших традициях псевдотеоретических «трудов», претендующих на некую общенаучную методологию, и содержит весь стандартный набор клише такого рода «произведений». Тут и софистика (С. 385), и бриколаж (С. 385), и дилемма индуктивизма (С. 385), и обратная теорема (С. 367), и пустые множества рациональных высказываний (С. 366), и регресс в бесконечность (С. 396), и схоластические поправки (С. 382), и закон исключенного третьего (С. 368). Здесь же, разумеется, и афоризмы И.В. Гете (С. 385) и И. Лакатоса (С. 366). И, конечно же, неправильные пчелы (С. 366) и Кошеево яйцо (С. 394). Как же без них. И весь этот арсенал только для того, чтобы показать якобы невежество оппонентов, не способных ничего понять в придуманной П.Л. Белковым геометрии родства. Не хватает только бритвы Оккама, хотя это единственное, о чем уместно было бы вспомнить, но ее, судя по всему, трудно совместить с бритвой Хэнлона. Именно последняя отрезала П.Л. Белкову путь к настоящей научной дискуссии. Образно говоря, кубик Рубика оказался бритвой Хэнлона.

Поэтому я снимаю свои предположения [Попов 2011: 353] о сознательном применении П.Л. Белковым приема «не столько разъяснения, сколько устрашения читателя», равно как

¹ Далее ссылки на эту статью даются в тексте с указанием страниц в круглых скобках.

и о его расчете на то, что «мало кто в этой абракадабре¹ будет разбираться, и вчитываться никто не станет», хотя, судя по всему, даже редколлегия «Антропологического форума» не осилила 80-страничного текста. Иначе как объяснить такие перлы, как «с этим непонятным отвращением (?! — *В.П.*) к этнографическому материалу В.А. Попов предлагает развести синонимичные понятия “номенклатура родства” и “система терминов родства”» (С. 385)²; «Обычно (?! — *В.П.*) взгляды М.В. Крюкова воспринимаются сквозь призму мнения В.А. Попова» (С. 396); «Вообще это очень плохая идея — сталкивать лбами (?! — *В.П.*) лингвистов и этнографов на страницах одного издания, одновременно превращая это издание в резервацию (?! — *В.П.*) для исследователей родства на территории этнографии» (С. 397); «в отклике А.А. Бурькина вполне отчетливо выражено искреннее удивление самим фактом существования этнографии как самостоятельной дисциплины. По его словам, то, что сам Л.Г. Морган считал изучением систем родства, на самом деле является описанием систем терминов родства. Иначе говоря, этнография — это недоразвитая лингвистика (?! — *В.П.*)» (С. 381); «Этот принцип пробивается на поверхность даже в типологии М.В. Крюкова, фактически превращенной В.А. Поповым (?! — *В.П.*) в одну из догм “советской этнографии”» (С. 434–435) и т.п.³

Впрочем, у меня нет претензий к автору — он написал, как сумел. Но ведь, как говаривал Лев Евгеньевич Куббель, это даже не «рыба». Павел Людвигович так и не научился писать научные тексты и корректно вести дискуссию. Но тогда появляются вопросы к тем, кто готовил к печати этот опус. Или же это новый формат полемики в академическом журнале? Наверное, я что-то не улавливаю, но ради чего публиковать такие, например, пассажи: «какое мне дело до терминологических тонкостей в рамках типологии, которую я считаю бессмысленной» (С. 383); «упорно игнорирует классические труды по этнографии родства» (С. 391); «продолжая срывать с меня маски» (С. 387); «отбивается от меня как первым попавшимся под руку тяжелым предметом» (С. 388); «следуя манере опровергать самого себя» (С. 377); «с серьезным видом рассуждает» (С. 377); «он может с чистой совестью» (С. 391); «данные сведения относятся к разряду сообщений о людях с песьими головами» (С. 378); «пал жертвой собственного терминотворчества»

¹ Именно в данном контексте употреблено слово «абракадабра», то есть как характеристика статьи [Белков 2010], а отнюдь не как «аттестация» идей А.Р. Рэдклифф-Брауна (ср.: с. 393).

² Точности ради замечу, что синонимом понятия «номенклатура родства» является не «система терминов родства», а «терминология родства».

³ См. также с. 373, 375, 389, 390, 395.

(С. 383) и т.д. и т.п.¹ Это все об оппонентах. Симптоматично, что при этом Павел Людвигович позволяет себе делать замечания типа «не бывает антинаучных концепций, бывают своеобразные методы борьбы с оппонентами в плане академической этики» (С. 382). Вероятно, поэтому он никаких возражений не воспринимает, критику искажает или передергивает².

Когда я прочитал все это, первым моим желанием было ответить в его же стиле (так сказать, в плане «обмена ходами», по терминологии самого П.Л. Белкова). А какое мне дело до его «непростых отношений с Л.Г. Морганом» (С. 372) или претензий на некое «научное открытие», которое на поверку оказалось всего лишь пересказом типологии А.Р. Рэдклифф-Брауна с невразумительными иллюстрациями к ней в форме диаграмм? И почему, собственно, я должен что-то доказывать³ тому, кто даже не может правильно воспроизвести цитируемое, а когда ему на эти искажения указали [Добронравин 2011: 331–332; Бурыкин 2011: 341–342, 343–344; Попов 2011: 354–359], то вместо признания своей оплошности неуклюже пытается обосновать свое право на переименование чужих высказываний некими логическими постулатами (С. 382) и оправдывать, например, приписанное Л.Г. Моргану (С. 382, 374), а затем продолжать в том же духе⁴? Или меня должны убеждать аргументы типа «исследователи фольклора хорошо знают» (С. 371), а «в философии науки уже давно и прочно установилось мнение» (С. 365)? Наконец, что объяснять тому, кто, ничтоже сумняшеся, заявляет: «В.А. Попов практически никогда не занимался конкретными исследованиями в области изучения систем родства» (С. 386)⁵?

¹ См. еще с. 368, 384, 386, 387–388.

² Помимо абракадабры (см. примечание 1 на с. 93) мне особенно понравилось передергивание критической фразы А.А. Бурыкина об истории изучения систем родства, превращенной П.Л. Белковым в разгром «алгебры родства» В.А. Попова (С. 375).

³ Ср.: «Все, что требовалось от В.А. Попова при написании отклика на мою статью, — это повторить эксперимент с использованием моих диаграмм на другом материале» (С. 398).

⁴ Так, А. Барнард ничего не писал о противопоставлении «классификационные — линейные системы родства» (С. 429), более того, в его книге [Барнард 2009] вообще нет этих понятий, как ничего нет у авторов того, что П.Л. Белковым приписано А.А. Бурыкину (С. 373, 381; ср.: [Бурыкин 2011: 38]) и М.В. Крюкову (С. 383; ср.: [Крюков 1995: 135–136]). На с. 391 П.Л. Белков уверяет читателя, что в его книге «легендой» к диаграммам кроу и омаха служит («вполне добросовестно») выдержка из моей статьи [Попов 1977], однако и здесь он что-то перепутал, поскольку никакой выдержки («с объяснением каждой позиции») там нет.

⁵ Для справки: по антропологии родства у меня уже более 100 публикаций, причем половина из них — вполне конкретные разработки, начиная с дипломной работы, посвященной системам родства типа кроу-омаха у народов Западной Африки, суть которой опубликована в: [Попов 1977; 1982б], и кандидатской диссертации, большая часть которой связана с изучением институтов родства у ашантийцев и других аканов (эти разделы составили основу моей первой монографии [Попов 1982а]). См. также библиографии в АР, вып. 2, 11, 14.

Так что и вторая статья П.Л. Белкова отличается все тем же некорректным цитированием, тавтологиями, ошибками¹, противоречивостью² и перебором языковых средств в ущерб содержанию³ (ср.: [Попов 2011: 359]). К этому добавились и неуместные поучения («ему не следовало бы делать вид» (С. 390), «этнографам пора перестать удивляться» (С. 401))⁴. Одним словом, бритва Хэнлона «в работе».

Теперь по сути обсуждавшихся уже моментов — всего лишь для их прояснения и более адекватного восприятия читателем. Поскольку иронии и намеков Павел Людвигович не понимает, то приходится повторить «в лоб».

1. Когда я написал, что «просто ничего не понял» [Попов 2011: 352], то я действительно ничего не понял. Повторю (как в известном анекдоте) для усиления и закрепления осознания: **совсем не понял** (хотя, очевидно, «у нас разные представления о понятности» (С. 380)). Поэтому-то я и сосредоточился на анализе того, **как** написано, а не **что**, т.е. анализировал план выражения (зачастую переходящий в «выражения»), а не план содержания, до которого было не «продратся» из-за, так сказать, эзотеричности формы изложения.

Но ведь не только я «не возразил по существу предложенного <...> решения» (С. 390). Никто из оппонентов также не отреагировал на сам метод, а заключительная рекомендация Н.А. Добронравина [2011: 333], воспринятая П.Л. Белковым как одобрение (С. 369), — всего лишь дань вежливости. Иными словами, а точнее словами самого П.Л. Белкова, сказанными по поводу другого автора, «полезные идеи, может быть, и есть, но об этом, вероятно, никто никогда не узнает. Виной тому, используя выражение самого автора, их “лингвистическая затененность”» [Белков 1993: 193]. Вот, кстати, образчик таких «лингвистически затененных» объяснений: «т.е. не термин, указывающий родство, а термин как элемент ткани родства» (С. 420) и далее: «станет лучше понятна разница между *терминами родства* в виде цветовых обозначений и *терминами языка родства*, т.е. терминами родства в обычном смысле» (С. 420; курсив автора. — В.П.).

¹ Странная для австроловеда ошибка — вместо Ф. Гиллена, соавтора Б. Спенсера, фигурирует некий Дж. Гибсон (С. 379); характерны и неточности в транскрипциях фамилий: И.Р. Баклер назван Бушлером (С. 390), а Лаунсбери — Лансбери (С. 422, 427).

² См. примечание 1 на с. 98.

³ Очередной пример игры словами — «метод “стреляной гильзы”» (С. 372), обыгрывающий аналогю А.А. Бурькина и, кстати, ни разу не использующийся. Зачем тогда было вводить?

⁴ См. также с. 365, 384, 394, 398, 401, 417–418.

2. Упомянутые в качестве одной из причин моего первоначального отказа от участия в дискуссии некие экстранаучные соображения [Попов 2011: 352] заключались всего лишь в том, что я просто не хотел мешать П.Л. Белкову накапливать публикации в «ваковских» журналах¹, хотя и намекнул на то, что он уже трижды опубликовал один и тот же текст [Попов 2011: 357]². Поэтому забавно было прочитать высокопарные сентенции по поводу моей экстранаучности и вывод, что в этих-то словах и заключается весь смысл моего отклика (С. 382).

3. Я тщетно пытался понять, что же П.Л. Белков называет методом В.А. Попова (С. 369, 388), который он так упорно отрицает, пока не наткнулся на фразу: «С помощью метода В.А. Попова, именуемого “компонентным анализом”» (С. 383). Видимо, это я придумал столь ненавистный ему способ исследования СТР. А как же тогда Ф. Лаунсбери и У. Гуденаф, не говоря уже об авторе идеи А.Л. Кребере³, между прочим, социальном антропологе? И как быть с М.В. Крюковым, который 40 лет назад первым из отечественных этнографов столь масштабно стал применять компонентный анализ [Крюков 1972]?

На с. 391 П.Л. Белков высказывает предположение, сформулированное, впрочем, в присущей ему ернической манере: «В.А. Попов <...> не видит, что основная часть книги М.В. Крюкова “Системы родства китайцев” (*не исключено, что в эту часть книги он вообще не заглядывал*) посвящена изучению системы родства древних китайцев по методу диаграмм родства А.Р. Рэдклифф-Брауна» (курсив мой. — *В.П.*). Похоже, что сам Павел Людвигович не открывал эту часть книги, поскольку она представляет собой именно *компонентный анализ* китайских диалектных СТР, а также СТР различных эпох истории Китая⁴.

Более того, М.В. Крюков в заключении своей книги формулирует весьма значимый вывод: «Применение процедуры компонентного анализа для выявления качественных сдвигов в развитии китайской системы родства показало, что этот метод может не только служить для формального описания терминологии, но пригоден и <...> при изучении вопроса о социальных детерминантах системы родства. Компонентный анализ исторически последовательных моделей, представленных на раз-

¹ Именно тем, что альманах «Алгебра родства» не входит в список ВАК, П.Л. Белков мотивировал свой отказ печататься в его очередном выпуске два года назад. Вполне понятное решение, никак не связанное с его расхождением со мной во взглядах на методы изучения систем родства (С. 389).

² П.Л. Белков это почему-то трактует как список его публикаций, не дотягивающих, по моему мнению, до уровня элементарной читабельности (С. 391).

³ См. обзор: [Членов 1973: 150–161].

⁴ Что характерно, П.Л. Белков не только «слона-то и не приметил», но увидел то, чего там нет и быть не могло, — диаграммы родства А.Р. Рэдклифф-Брауна.

личных этапах эволюции китайской системы, позволяет описать ее не как историю терминов, а как трансформацию специфического набора структурообразующих элементов, каждый из которых находит объяснение в породившей систему родства социальной организации» [Крюков 1972: 282]. А в самом начале книги он, обосновывая необходимость применения именно компонентного анализа, указывает, что с помощью этого метода «оказывается возможным не только охарактеризовать отдельно взятые термины родства, но и выявить те структурообразующие принципы, которые лежат в основе их системы» [Крюков 1972: 27]. Разумеется, компонентный анализ имеет довольно существенные недостатки, но ограниченные возможности этого метода были отмечены как его создателями, так и тремя поколениями исследователей, применявших этот метод¹. Запоздалая и весьма поверхностная критика П.Л. Белкова говорит о том, что он мало сведущ в лингвистических методах изучения СТР.

4. Аналогичный конфуз случился у П.Л. Белкова и с кодом Ю.И. Левина: «Обоснование необходимости данного кода является, пожалуй, его (В.А. Попова. — *В.П.*) единственным теоретическим вкладом, или добавлением, в концепцию М.В. Крюкова» (С. 394). Другими словами, именно я придумал код, который почему-то носит фамилию Левина, и, вероятно, по П.Л. Белкову, способствовал его применению в работах М.В. Крюкова. Правда, в то время, когда Ю.И. Левин разрабатывал свой код, а М.В. Крюков одним из первых стал его использовать², поскольку он «более совершенен и удобен, чем предлагавшиеся ранее системы записи» [Крюков 1972: 19], В.А. Попов еще учился в школе и ничего не знал о метаязыках и тем более о проблемах kinship studies.

5. Что же еще такого «криминального» сотворил В.А. Попов и иже с ним (некие «алгебраисты», по ярлыку П.Л. Белкова (С. 373)), «под грифом “Алгебра родства”» (С. 367)? Оказывается, они вместо того, чтобы изучать СР (причем исключительно этнографическими методами, вероятно, «простым наблюдением» и «отбрасывая все, что не имеет реального смысла» [Белков 2010: 11]), исследуют СТР, что, по П.Л. Белкову, позволено только лингвистам и запрещено этнографам. Правда, позднее выясняется, что этим занимается большинство исследователей феномена родства (С. 399–401), в том числе и этнографы, включая и самого П.Л. Белкова (С. 399, 430, 432), причем все

¹ См., например: [Burling 1964; Попов 1982a: 96; Дзибель 2001: 27–29], а также обзоры: [Членов 1973: 158–160; Дзибель 1998: 92–94; 2001: 27–29].

² В том числе в той самой книге о системе родства китайцев, но П.Л. Белков не заметил и этого «слона» (ср. примечание 4 на с. 96).

его громоздкие диаграммы и есть СТР¹. Кроме того, все, что не нравится П.Л. Белкову в современной антропологии родства, он упорно продолжает называть «парадигмой алгебры родства», хотя ни я, ни Г.В. Дзигель, ни другие постоянные авторы альманаха «Алгебра родства» не имеют к ней никакого отношения. Это жупел, а сама борьба с придуманной «алгеброй родства» — это эвфемизм борьбы с лингвистами за чистоту этнографии, поскольку, похоже, заветная мечта П.Л. Белкова — поставить забор и никого не пускать в заповедное поле науки наук этнографии (ср.: [Белков 2011б]).

Фактически П.Л. Белков разыгрывает «шахматную партию» сам с собой и борется с придуманным врагом, только вот враг этот почему-то носит мою фамилию. Демонизация В.А. Попова и издаваемого им альманаха доходит до крайнего предела². А вот о настоящей алгебре родства как одном из направлений математической антропологии³ П.Л. Белков, судя по всему, ничего не знает. И подобная некомпетентность — это еще один субъективный барьер на пути познания феномена родства.

Список сокращений

АР — Алгебра родства

АФ — Антропологический форум

КРЯК — Категории родства в языке и культуре

СДУР — Семья, дом и узы родства в истории

СЭ — Советская этнография

САК — The Cultural Analysis of Kinship

RVRK — Relative Values: Reconfiguring Kinship

ТК — Transformations of Kinship

Библиография

Барнард А. Социальная антропология: исследуя социальную жизнь людей. М.: ИЭА РАН, 2009.

Белков П.Л. [Рец. на:] Гиренко Н.М. Социология племени // Восток. 1993. № 4. С. 191–194.

Белков П.Л. Об использовании геометрического кода в исследованиях по классификационным системам родства // АФ. 2010. № 12 Online. С. 1–19. <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/012online/12_online_belkov.pdf>.

¹ Противоречивость суждений П.Л. Белкова проявилась и в том, что, отрицая лингвистические понятия «план выражения» и «план содержания», он пишет об обозначаемом и обозначающем (С. 398); отвергая компонентный анализ, использует его понятия «денотат», «дезигнат» и «сигнификат» (С. 395, 417, 418, 420–422, 427–429, 435, 437, 442).

² В.А. Попов упоминается в статье П.Л. Белкова более 130 раз, причем в позитиве — ни разу, нейтрально — четыре раза.

³ См., например, специализированные журналы “Mathematical Anthropology and Cultural Theory” и “Journal of Quantitative Anthropology”, а также: [Левин 1974; 1982; Liu 1986; Read 1984; 2006].

- Белков П.Л.* Проблема классификации «исторических наук»: традиции и инновации // IX Конгресс этнографов и антропологов России. Петрозаводск, 4–8 июля 2011 г. Тез. докл. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2011б. С. 309.
- Белков П.Л.* Этнография родства и проблема рациональности научного открытия // АФ. № 14 Online. 2011а. С. 365–445. <<http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/014online/belkov.pdf>>.
- Бурькин А.А.* Геометрия родства: наука или абстрактное искусство? // АФ. 2011. № 14 Online. С. 336–351. <<http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/014online/burykin.pdf>>.
- Гиренко Н.М.* К вопросу об эволюции систем родства у некоторых народов Экваториальной и Тропической Африки // Africana. Африканский этнографический сборник. 1978. Вып. 11. С. 13–53.
- Гиренко Н.М.* Принцип стадияльной гетерогенности в обществе и закон Геккеля // Вопросы этнической семиотики: Забытые системы письма: Сб. ст. СПб.: Наука, 1999. С. 179–185.
- Гиренко Н.М.* Система терминов родства и система социальных категорий // СЭ. 1974. № 6. С. 41–50.
- Дзибель Г.В.* Термин родства и система терминов родства: лингвистический контекст в отношении к этнографическому // АР. 1998. Вып. 2. С. 89–134.
- Дзибель Г.В.* Феномен родства. Прологомены к иденетической теории. СПб.: МАЭ РАН, 2001. (АР. Вып. 6).
- Добронравин Н.А.* Термины родства, имена родства и компаративистика // АР. 1998. Вып. 2. С. 42–46.
- Добронравин Н.А.* Родство как оболочка и поиск скрытых смыслов (от политологии до лингвистики и права) // АФ. 2011. № 14 Online. С. 328–335. <<http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/014online/dobronravin.pdf>>.
- Казаченко Б.Н.* Русское родство: прошлое и настоящее. М.: Флинта; Наука, 2010.
- Категории родства в языке и культуре: Сб. ст. М.: Индрик, 2009.
- Качинская И.Б.* Термины родства и языковая картина мира: Автореф. дис. ... к. филол. н. М., 2011.
- Кожановская И.Ж.* О тетраидной теории Н.Дж. Алена: Некоторые предварительные замечания // АР. 1995. Вып. 1. С. 7–25.
- Крюков М.В.* Синхронно-диахронный метод и концепция трансформационной многолинейности систем родства // АР. 1995. Вып. 1. С. 111–137.
- Крюков М.В.* Система родства китайцев (эволюция и закономерности). М.: Наука, 1972.
- Крюков М.В.* Типы систем родства и их историческое соотношение // Проблемы истории докапиталистических обществ. Кн. 1. М.: Наука, 1968. С. 352–383.
- Крюков М.В.* Эволюция систем родства: механизм трансформации. М.: Наука, 1973.
- Крюков М.В.* Этнографические факты как источник изучения первобытности: проблема критериев стадияльной глубины // Этно-

графия как источник реконструкции истории первобытного общества. М.: Наука, 1979. С. 43–59.

Левин Ю.И. Алгебра родства // Наука и жизнь. 1982. № 8. С. 92–96.

Левин Ю.И. О некоторых алгебрах, связанных с отношениями родства // Математическое программирование и расчет строительных конструкций (Сб. тр. Моск. инж.-строит. ин-та. № 121). М.: МИСИ, 1974. С. 106–121.

Маслов А.А. Системы родства народов манде. СПб.: МАЭ РАН, 2010. (АР. Вып. 8).

Попов В.А. Ашантийцы в XIX в. Опыт этносоциологического исследования. М.: Наука, 1982а.

Попов В.А. Геометрия родства, алгебра родства и абракадабра родства, или Как из систем родства и фольклора соорудить кубик Рубика (заметки на полях статьи П.Л. Белкова «Об использовании геометрического кода в исследованиях по классификационным системам родства») // АФ. 2011. № 14 Online. С. 352–364. <<http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/014online/popov.pdf>>.

Попов В.А. К аксиоматике этносоциологических реконструкций первичной формации: пять методологических постулатов // Africana. Африканский этнографический сборник. 1991. Вып. 15. С. 62–68.

Попов В.А. К исторической типологии систем терминов родства: типы кроу и омаха // СЭ. 1977. № 2. С. 43–54.

Попов В.А. Основные направления и проблемы изучения феномена родства в последней трети XX века // Проблемы этнографии и истории культуры Азиатско-Тихоокеанского региона. СПб.: Петербургское востоковедение, 2004. С. 207–215.

Попов В.А. Родство, гендер и возраст как принципы организации социально-коммуникативных сетей // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2009 г. СПб.: МАЭ РАН, 2010. С. 156–162.

Попов В.А. Системы родства и системы терминов родства (программа спецкурса) // АР. 2001б. Вып. 7. С. 266–269.

Попов В.А. Системы терминов родства аканов как этносоциологический источник // Africana. Африканский этнографический сборник. 1982б. Вып. 13. С. 50–79.

Попов В.А. Спецкурс «Системы родства и системы терминов родства» для студентов-этнографов // IV Конгресс этнографов и антропологов России. Нальчик, 20–23 сентября 2001 г. Тез. докл. М.: ИЭА РАН, 2001а. С. 54.

Попов В.А. Феноменология родства: итоги и перспективы изучения // Новое в этнографии и антропологии / Полные тексты докладов участников V Конгресса этнографов и антропологов России. Омск, 9–12 июня 2003 г. Омск, 2003 (CD-ROM, file: //E:popov.htm).

Семья, дом и узы родства в истории: Сб. ст. СПб.: Алетей, 2004.

Членов М.А. Формальные методы изучения систем родства в современной американской этнографии // Этнологические исследования за рубежом. М.: Наука, 1973. С. 143–169.

- Burling R.* Cognition and Componential Analysis: God's Truth or Focus-pocus? // *American Anthropologist*. 1964. Vol. 66. No. 1. P. 20–28.
- The Cultural Analysis of Kinship: The Legacy of David M. Schneider and its Implications for Cultural Relativism. Urbana: University of Illinois Press, 2001.
- Dziebel G.V.* The Genius of Kinship: The Phenomenon of Human Kinship and the Global Diversity of Kinship Terminologies. Youngstown; N.Y.: Cambria Press, 2007.
- Gould S.H.* A New System for the Formal Analysis of Kinship. Lanham: University Press of America, 2000.
- Liu P.-H.* Foundations of Kinship Mathematics. Taipei, Taiwan: Institute of Ethnology, Academia Sinica, 1986.
- Parkin R.J.* Kinship: An Introduction to Basic Concepts. Oxford: Blackwell, 1997.
- Read D.W.* An Algebraic Account of the American Kinship Terminology // *Current Anthropology*. 1984. Vol. 25. P. 417–440.
- Read D.W.* Kinship Algebra Expert System (KAES): A Software Implementation of a Cultural Theory // *Social Science Computer Review*. 2006. Vol. 24. P. 43–67.
- Relative Values: Reconfiguring Kinship. Durham, NC: Duke University Press, 2001.
- Sousa P.* The Fall of Kinship: Towards an Epidemiological Explanation // *Journal of Cognition and Culture*. 2004. No. 3. P. 265–303.
- Testard A.* La Parenté Australienne: Étude Morphologique. P.: CNRS, 1996.
- Transformations of Kinship. Washington: Smithsonian Institution Press, 2000.

ДУАЙТ РИД

Предварительные условия алгебраической формализации систем терминологии родства

Во введении к сборнику “Rethinking Marriage and Kinship” редактор Родни Нидэм подверг критике формальные методы, разработанные для анализа систем родства и прежде всего для формальных особенностей терминологии родства. Нидэм начал с цитаты из Эдмунда Лича, суммировавшего недостатки, которые Нидэм обнаружил в формальных методах, включая методы, позаимствованные из лингвистики: «Добиваясь элегантности и формальной строгости, наиболее изобретательные ученые,

Дуайт Рид (Dwight W. Read)
 Университет Калифорнии,
 Лос-Анджелес, США
 dread@anthro.ucla.edu

практикующие искусство компонентного анализа, уходят настолько далеко от собственно этнографии, что все эти процедуры в целом утрачивают какую-либо значимость» [Leach 2004 (1971): 75].

Недостаток методов анализа терминологии родства, который Нидэм обнаруживает в примерах формальных систем записи, варьирующихся от Макфарлейна [Macfarlane 1883] и Рэдклифф-Брауна [Radcliffe-Brown 1930] до Дэвиса и Уорнера [Davis, Warner 1937], Гринберга [Greenberg 1949], Гуденафа [Goodenough 1956] и Лаунсбери [Lounsbury 1956], заключается в том факте, что эти «типы формального анализа не отвечают на вопросы, которые непосредственно связаны с пониманием социальной жизни <...> и для которых контекстуальное истолкование оказывается недостаточным» [Needham 2004 (1971): xxviii].

Нидэм не принимает в расчет того, что формальные (особенно математические) репрезентации могут быть не лучше нашего нынешнего понимания базовых концептов и процессов, структурирующих сферу, которую нужно представить формальным образом. Формализм компонентного анализа, например, основывается на референциальной теории значения, в рамках которой тот или иной термин родства понимается через то, к чему он отсылает, или через свой денотат. Со времен Льюиса Генри Моргана [Morgan 1871] денотаты терминов родства считались генеалогическими, исходя из положения, согласно которому системы терминологии родства основываются на укорененных в культуре категоризациях генеалогических отношений. Вкупе с основополагающей статьей Альфреда Кребера [Kroeber 1909] о масштабности генеалогических отношений это стало одновременно теоретическим оправданием и средством внедрения формализма компонентного анализа, применяемого к терминам родства. Если, как отметил Лич, формализм уводит нас от этнографического понимания родства, то проблема заключается не в формализме самом по себе, а в наших базовых представлениях, как пишет Дэвид Шнайдер [Schneider 1984], о генеалогических основаниях систем родства, — том фундаменте, на основании которого применяются формальные методы анализа.

Что касается позитивной стороны дела, формальные анализы, такие как компонентный анализ и правила трансформации, разработавшиеся в 1960-е гг. для анализа терминологий родства, продемонстрировали, что системы терминов родства не просто образуют структуры. Эти структуры выходят за пределы любой конкретной терминологии. Посмотрите на формальный анализ правил трансформации, описывающих расшире-

ние так называемых ядерных генеалогических определений терминов родства до полного объема стоящего за ними генеалогического понятия. Если говорить о негативной стороне, правила трансформации не являются объяснительными, поскольку оказываются неограниченной системой, и поэтому исчерпывающий набор правил трансформации всегда может быть сформирован просто путем создания правил, которые, двигаясь от термина к термину, трансформируют ядерное значение термина родства в его расширенное значение. Значимость правил трансформации кроется не столько в методе, сколько в том факте, что, как отметил Рой Д'Эндрейд [D'Andrade 1970], при помощи относительно небольшого корпуса правил описываются самые разные терминологические системы.

Сходным образом, хотя компонентный анализ является прежде всего методом, позволяющим составить минимальное описание категорий терминов родства, использующее генеалогически определяемые параметры и поэтому, как и правила трансформации, он всегда будет «работать», тот факт, что минимальные описания часто являются простыми, как, например, английский термин «дядя», обладающий следующими дифференциальными переменными: мужчина, +1 поколение, коллатеральный родственник (учитывая, что коллатеральный также включает отношения свойства (*affinal relations*)), подразумевает, что у категоризации генеалогических отношений с помощью терминов родства должно быть логическое основание. Если бы терминология являлась просто случайной категоризацией генеалогических отношений, дифференциальные переменные не обладали бы той же самой связностью. Оба типа формального анализа демонстрируют со всей очевидностью, что терминологии обладают логической структурой, которая должна быть частью внутренней логики, посредством которой конструируется терминология. Тем не менее ни один из методов не проясняет основания этой внутренней логики, не говоря уже о том, что эти методы не соотносят удовлетворительным образом данные основания с нашим этнографическим пониманием систем родства.

Аналитическая мощь математического формализма заключается не в строгости формального анализа самого по себе, но в том, что он делает возможным использование преимуществ математического мышления в том смысле, который имел в виду американский философ Пирс: «Математика — это исследование того, что верно относительно гипотетических ситуаций» [Peirce 1956 (1902): 1775]. Гипотетические ситуации, гипотетические положения дел являются культурными концептами и представлениями, которые есть часть того, что кон-

ститует конкретную культурную сферу вроде терминологии родства. Математическая формализация должна позволить выяснить, как данная сфера структурируется и организуется в качестве системы представлений [Read 2011]. Что касается терминологий родства, мы должны быть в состоянии определить, какие аспекты родства на уровне идей возникают на основе представлений, которые являются частью групповых культурных концептуализаций родства и выражаются через терминологию родства, а какие аспекты представляются следствиями факторов, внешних для терминологии, взятой в качестве системы взаимосвязанных концептов родства и представлений. Определение импликаций этого различия само по себе напрямую способствует нашему пониманию природы культурных и социальных систем в том смысле, в котором об этом говорят Лич, Нидэм и др., негативно оценивая полезность формального анализа родственных отношений.

Эксплицированное определение внутренней логики системы концептов родства и представлений о родстве в качестве цели формального анализа родства является основным залогом успеха формального анализа. Не формализм сам по себе порождает хороший формальный анализ, но содержание того, что формализуется. Методы формального анализа, основанные на генеалогическом понимании терминов родства, позволяют понять природу систем родства лишь настолько, насколько сама эта генеалогическая матрица основана на представлениях и концептах, которые имеются у носителей культуры относительно родства. Действительно ли англоговорящие люди считают дядю «мужчиной, отстоящим на одно поколение, родственником по боковой линии»? Это может быть точным описанием фрагмента генеалогического поля, связанного с термином родства «дядя», когда это поле определяется с использованием таких генеалогических параметров, как пол, поколение, а также прямое родство vs. боковое родство, однако в компонентном анализе, помимо прочих недостатков, отсутствует логическая взаимосвязь терминов родства в качестве системы, а не просто набора слов.

Сходная проблема возникает в связи с правилами трансформации; она заключается в том, что они не выводятся из концептуализаций носителями культуры отношений родства, выраженных терминами родства. Дэвид Кроненфельд, сравнивая «L анализ» (анализ правил трансформации) фантийской терминологии (Гана) с «F анализом, <...> построенным на реальных фантийских концептах и операциях» [Kronenfeld 2009 (1980): 53], заключает: «F анализ кажется ближе к тому, как фанти определяют свои собственные термины родства, чем к тому, как это делает L анализ, <...> [и] напрямую репрезенти-

рует то, что проделывали в своем сознании мои информанты, когда сами рассчитывали правильные отношения родства» [Kronenfeld 2009 (1980): 67]. Как в правилах трансформации, так и в компонентном анализе отсутствует то, что Крис Леман [Chit Hlaing 2010: 6; выделено автором. — *Д.Р.*] определил как «когнитивно-концептуально-вычислительную природу» систем терминов родства, которая стала очевидной (по его словам) благодаря «Дуайту Риду, который во всех своих работах о родстве (см.: [Read 2001; 2010]) продемонстрировал ее с большой силой и ясностью».

Эксплицитное этнографическое подтверждение когнитивно-концептуально-вычислительной природы систем терминологии родства можно увидеть в многочисленных этнографических описаниях (см., например: [Read 2007]), начиная по крайней мере с Рэдклифф-Брауна [Radcliffe-Brown 1913], где зафиксировано то, как носители культуры рассчитывают родственные отношения, непосредственно исходя из терминологии родства и не апеллируя к генеалогии. Так, относительно карьера в западной Австралии Рэдклифф-Браун пишет: «В качестве примера предположим, что два человека, А и Б, встречаются в первый раз. У А есть родственник В, его “мама”. В то же самое время В является для Б “kaga”. Отсюда непосредственно следует, что А и Б являются друг для друга “kumbali”» [Radcliffe-Brown 1913: 150–151].

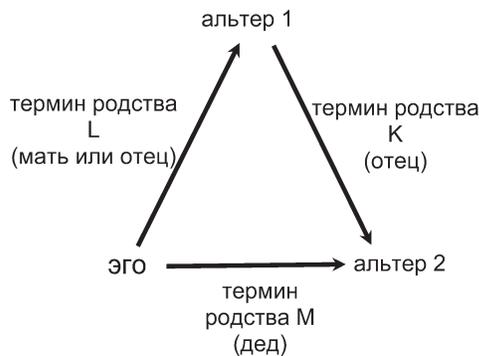
Не прибегая к генеалогии, не зная о реальных генеалогических отношениях, карьера на основе терминов родства “мама” (отец) и “kaga” (брат матери) делают вывод, что термином, описывающим данный контекст, является “kumbali” (сын брата матери). Мы можем считать, что их расчеты говорят о том, что производной “kaga” и “мама” является “kumbali”, или же «кага» «мамы» — это «кумбали», что мы можем кратко записать как kaga о мама = kumbali, где отношение интерпретируется как бинарная производная терминов родства и обозначается в данном случае через «о». В более общем виде, как отмечает Лоран Дуссе, говоря о туземной Австралии, родственные отношения для членов всего сообщества теперь могут быть вычислены:

Когда два чужака могут проследить свои классификационные отношения с третьим лицом, прочие отношения, существующие между всеми прочими членами сообщества, могут быть выведены из этой комбинации [Dousset 2005: 22].

Это ставит перед нами два важных вопроса. Какова лежащая в основе логика, которая делает подобный расчет возможным? И как мы можем формализовать эту базовую логику, чтобы сделать ее явной, а значит, доступной для анализа и сопостав-

ления с другими терминологическими системами? Ответы на эти вопросы являются ключевыми для нашего понимания систем родства; они проясняют, что мы имеем в виду, когда говорим, что культурные системы, такие как терминология родства, являются (если вспомнить часто неверно используемый термин) «сконструированной реальностью».

Для терминологии родства мы можем вывести экспериментальным образом [Leaf 2006; Leaf, Read in print] «сконструированную реальность» терминов родства, их взаимосвязь как концептуальной системы, а также концептуальные границы терминологии родства. Эксперимент начинается с идентификации ядерного набора концептов, репрезентирующих отношения, которые носители культуры воспринимают в качестве неотъемлемых для концепта семьи. В английском эти термины включают концепты self (сам), parenthood (родительство), siblinghood (сiblingство), childhood (детство), концепт взаимных отношений и концепт брака. Из них выводятся ядерные отношения родства (для англоязычных людей) — mother (мать), father (отец), brother (брат), sister (сестра), husband (муж) и wife (жена). Эксперимент по выводу теперь движется рекурсивно, начинаясь с терминов родства, соответствующих ядерным отношениям, и ставя вопрос для каждого из этих (и далее выведенных) терминов родства. Если вы (правильно) обозначаете кого-то термином родства К, а этот человек правильно упоминает третье лицо как _____, где незаполненное пространство заполняется одним из ядерных отношений, тогда чем является родственный термин L, который вы (правильно) используете для того, чтобы обозначить это третье лицо? Один из шагов эксперимента показан на схеме 1, где используется

Продукт терминов родства: $K \circ L = M$
отец (матери или отца) — это дед

Рис. 1. Иллюстрация того, как новый концепт термина родства конструируется из термина родства L, который эго использует для альтера 1, а также термина родства K, который альтер 1 использует для альтера 2

термин родства «мать» (L), а также ядерный термин «отец», а ответом является термин родства «дед» (M). На каждом шаге и для каждого термина K, который уже был выведен, ответом будет или (1) новый термин, еще не выведенный, или (2) термин, выведенный ранее, или (3) такого термина не существует. Выведение продолжается до тех пор, пока не пройдены все возможные рекурсивные следствия и никаких новых терминов вывести больше нельзя. Эксперимент должен определить, существует ли корпус терминов родства, который с точки зрения носителя культуры конституирует сферу родственных отношений, и если да, то он должен ответить на следующие вопросы. Что такое термины родства? Каковы концептуальные отношения между терминами родства? Каковы концептуальные границы этой сферы?

Мы представим культурное знание, выведенное благодаря эксперименту, в виде структуры, определяемой бинарной производной, применяемой ко всем парам терминов из набора S выведенных терминов родства в том виде, в котором это было указано Рэдклифф-Брауном. Ради полноты мы включаем в набор S элемент «0», который должен репрезентировать бинарную производную двух терминов, когда процедура вывода больше не дает термина родства; например, в английском языке нет термина для обозначения отца тестя или свекра (father of father-in-law) и поэтому father (отец) o father-in-law (тесть или свекор) = 0. Вопросы, которые мы задаем в процессе эксперимента по выводу, и ответы, которые получаем, могут рассматриваться в качестве уравнений, которым удовлетворяет бинарная производная, выстроенная на основе элементов, составляющих набор S. Точнее, для каждой пары терминов родства, K и L в ситуации S, бинарной производной K и L, которую мы будем обозначать как K o L, будет (будут) термин(ы) родства M в ситуации S, который(которые) человек A использует правильно для обозначения человека C, когда A (правильно) говорит о B при помощи термина родства L, а B говорит о C, используя термин родства K. Таким образом, K o L = M окажется формальной репрезентацией в виде уравнения, выведения, основанного на терминах родства K и L и дающего термин родства M.

Собрание терминов родства вместе с бинарными производными терминов родства обладает абстрактной алгебраической формой. (Абстрактная) алгебра состоит из набора элементов S, а также одной или более операций (вкуче с операциями, различающимися по числу элементов, являющихся объектами данной операции; например, производная терминов родства является результатом бинарной операции, поскольку данная операция захватывает два термина), проделываемых с элемен-

тами набора S . Набор терминов родства S , составляющий терминологию, и бинарная производная, определенная на основе этих терминов, удовлетворяют этому определению, когда мы включаем элемент «0» для репрезентации производной терминов родства, которая не позволяет вывести еще один термин родства. Различные алгебраические решения формируются благодаря набору структурных уравнений (или аксиом), удовлетворяющих алгебраическим операциям. Таким образом, английская терминология родства оказывается алгебраической структурой с переменными, которые отличают ее от алгебраической структуры другой терминологии родства, такой как терминология шипибо (Перу), благодаря уравнениям, удовлетворяющим производной терминов родства английской терминологии по сравнению с терминологией шипибо.

Мы можем визуально сравнить структуры разных терминологий родства, выстроив диаграмму, в которой каждое уравнение продукта $K \circ L = M$ (где K является ядерным термином родства), удовлетворяющее терминологической системе, представлено стрелкой, вид которой (отличительными особенностями являются острие стрелки и / или вычерченное сплошной или пунктирной линией ее древко) оказывается специфическим для ядерного термина K , а направление — от термина L к термину M , результату исчисления продукта. Назовем подобную диаграмму картой терминов родства (см. рис. 2 и 3, где представлены подобные схемы для английской терминологической системы и системы шипибо). Различия между структурами этих двух терминологических систем немедленно становятся очевидными благодаря соответствующим картам терминов родства.

Данный формальный анализ не просто устанавливает, что терминология родства вместе с вычислительными операциями, которые носители культуры производят с терминами родства, имеет характер алгебраической структуры. Помимо всего, формальный анализ эксплицирует то, как концепты терминов родства могут конструироваться (или порождаться) как бинарные производные концептов ядерных терминов родства. Рассмотрим это на примере английской терминологии; представим, что $G = \{\text{self (сам), parent (родитель), child (ребенок), spouse (супруг(a))}\}$ является набором ядерных терминов английской терминологии [Read 1984]. Мы можем формально определить новые родственные отношения как производные элементов набора G . Например, если $L = \text{father (отец)}$ и $K = \text{father (отец)}$, то $K \circ L = \text{father (отец)} \circ \text{father (отец)}$ — это родственное отношение, определяемое как концепт, используемый A для обозначения C , когда A говорит о B как отце и B говорит о C как об отце.

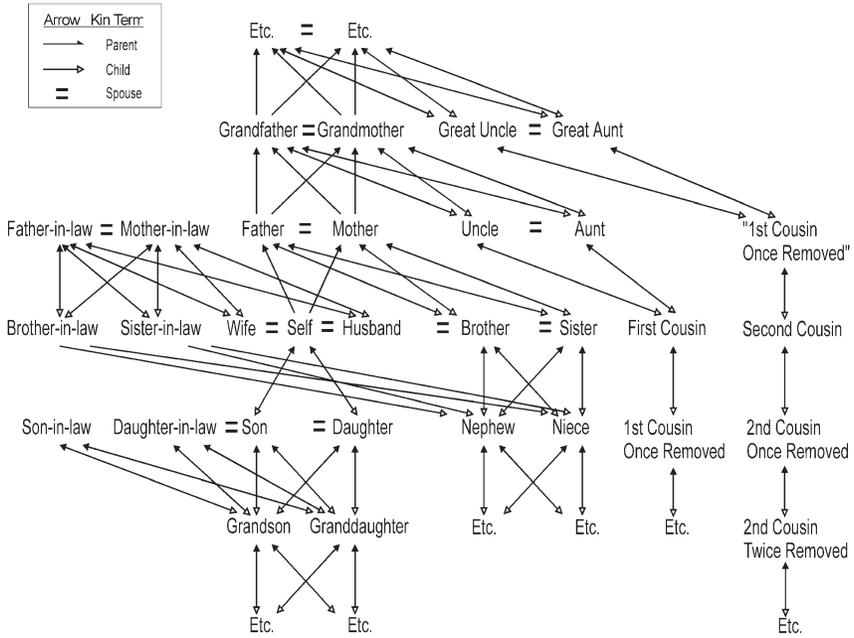

Рис. 2. Схема терминов родства английской терминологической системы с ядерными терминами сам, родитель, ребенок и супруг

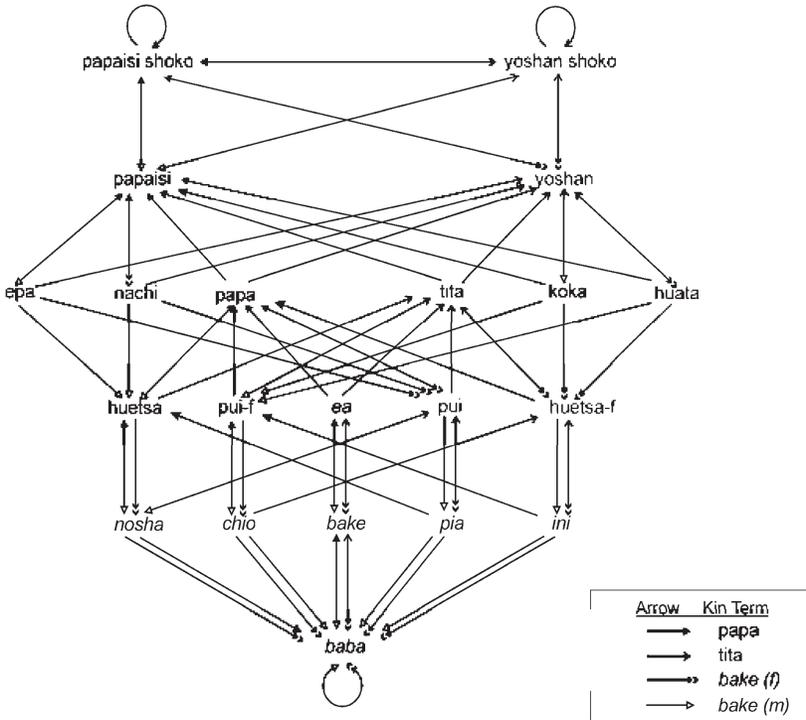

Рис. 3. Схема терминов родства для терминологии родства шипибо (Перу). Ядерные термины — пара, тита и баче

Мы обнаруживаем на основе эксперимента по выводу, что в английском языке концепт этих родственных отношений называется словом *grandfather* (дед). Таким образом, термин родства *grandfather* (дед) является обозначением концепта родственных отношений *father* (отец) о *father* (отец) и оказывается встроенным в область концептов родственных отношений, являющихся частью культурного репертуара пользователей английской терминологии.

Мы обнаруживаем также, что *grandfather* (дед) является обозначением производной *father* (отец) о *mother* (мать), так что *grandfather* (дед) = *father* (отец) о *father* (отец) = *father* (отец) о *mother* (мать), и более развернутое значение термина «дед» приобретает такой вид: «*grandfather* (дед) — это термин, который (правильно) используется для обозначения С, когда А (правильно) использует или термин *father* (отец) или термин *mother* (мать) для обозначения В, а В (правильно) использует термин *father* (отец) для обозначения С». (Значение термина *grandfather* (дед) и его отношение к другим концептам терминов родства уточняется даже благодаря таким производным, как *spouse of grandmother* (супруг бабушки) = *grandfather* (дед).) Таким образом, значение концепта термина родства выражено в том, как концепт порождается, а не первичной схематизацией термина родства по отношению к генеалогическим отношениям. Последующая схематизация не может быть осуществлена без уже наличествующего знания о том, как был порожден концепт.

Тот факт, что в английской терминологической системе *grandfather* (дед) = *father* (отец) о *father* (отец) = *father* (отец) о *mother* (мать), заставляет задать следующий вопрос. Каковы основания уравнений *father* (отец) о *father* (отец) = *father* (отец) о *mother* (мать) и сходным образом *father* (отец) о *grandfather* (дед) = *father* (отец) о *grandmother* (бабка), а также встречным образом *son* (сын) о *son* (сын) = *son* (сын) о *daughter* (дочь), *son* (сын) о *grandson* (внук) = *son* (сын) о *granddaughter* (внучка) и т.д.? Как насчет других уравнений, включающих деда?

Наш вычислительный эксперимент выявляет уравнения, но не логику, лежащую в их основе. Это подводит нас к фундаментальной гипотезе о терминологиях родства, которая связана с алгебраическим формализмом, а именно: структура терминологии родства может порождаться в алгебраическом смысле на основе нескольких ядерных терминов и структурных уравнений или аксиом, которые выражают одновременно особенности, универсальные для терминологических систем и специфические для конкретного общества.

За недостатком места мы не будем приводить полную выкладку, демонстрирующую обоснованность данной гипотезы для

терминологической системы, и потому ограничимся несколькими наблюдениями.

Первое наблюдение касается универсальной особенности, заключающейся в том, что отношения родства являются взаимными. Под взаимностью имеется в виду следующее: если А обладает отношениями родства с В, выражаемыми термином родства К, тогда у В будут отношения родства с А, выражаемые неким термином L. Термины К и L являются тогда взаимными терминами родства. Например, если А говорит о В как о ребенке, тогда В говорит об А как о родителе, а «родитель» и «ребенок» являются взаимными терминами родства.

Второе наблюдение: системы терминологии родства являются концептуально закрытыми: производной двух любых терминов родства будет концепт термина родства, независимо от того, признается ли этот концепт в рамках терминологической системы родства в виде конкретного термина родства. Так parent (родитель) и parent-in-law (родитель супруга или супруги) является осмысленным концептом, хотя в английской терминологии родства отсутствует термин для обозначения этого концепта.

Третье наблюдение: структуры терминологии родства можно рассматривать как наращиваемую последовательность структур, которая начинается со структуры терминов для восходящих поколений; далее эти структуры наращиваются путем включения взаимной структуры терминов, обозначающих нисходящие поколения, и наконец, в выстраиваемую структуру включаются термины свойства. В некоторых терминологических системах половое маркирование терминов вводится через атрибут, ассоциируемый с каким-то термином родства, тогда как в других терминологических системах — через структуру мужских или структуру женских терминов. Этот процесс последовательного конструирования отражает взаимные концепты родительства и детства, а также концепт брака как средства легитимации потомства. Брак придает ему культурно обозначенную и, следовательно, признанную сообществом социальную идентичность — понятия, которые являются центральными для культурных представлений о семье.

Теперь мы можем указать, как появляются уравнения, включающие отца, мать и деда, определенные на основе вычислительного эксперимента, проведенного для английской терминологической системы, когда концепты родства порождаются через производные ядерных терминов родства. Для английской терминологической системы ядерные термины — это self (сам) и parent (родитель), причем child (ребенок) является термином, взаимным по отношению к «родителю», а spouse (супруг) —

ядерным термином для определения отношений свойства (обоснование см. в: [Read 1984; Leaf, Read in print]).

Мы начинаем с выстраивания восходящей последовательности (an ascending sequence) терминов родства из набора $G_A = \{\text{self (сам), parent (родитель)}\}$ ядерных терминов: self (сам), parent (родитель), parent (родитель) о parent (родитель) (= grandparent (дед, бабушка)), parent (родитель) о (parent (родитель) о parent (родитель)) (= parent (родитель) о grandparent (дед, бабушка) = great grandparent (прадед, прабабушка))... Каждый шаг в этой цепочке производных всегда соответствует какому-то термину родства в английской терминологической системе. Это одна из культурно специфических особенностей, встроенных в английскую терминологию родства, поскольку другие терминологические системы, вроде шипибо, не обладают нескончаемой последовательностью восходящих терминов родства.

Теперь мы выстраиваем нисходящую цепочку концептов терминов родства, используя взаимный набор ядерных терминов, представленных в $G_D = \{\text{self (сам), child (ребенок)}\}$: self (сам), child (ребенок), child (ребенок) о child (ребенок) (= grandchild (внук, внучка)), child (ребенок) о (child (ребенок) о child (ребенок)) (= child (ребенок) о grandchild (внук, внучка) = great grandchild (праправнук, праправнучка))...

Затем мы вводим взаимность родственных терминов через уравнение, выражающее структурную основу того, каким образом родитель и ребенок являются взаимными терминами. Возвращаясь к определению терминологического продукта для концептов терминов родства, мы хотим знать, какой термин родства будет использовать лицо А для лица С, когда лицо А (правильно) говорит о лице В как о ребенке, а лицо В (правильно) говорит о лице С как о родителе. С генеалогической точки зрения, лицо С должно или быть лицом А, или состоять с лицом А в супружеских отношениях. Поскольку нас интересует вопрос о взаимности между восходящими и нисходящими отношениями для лица А, то лицо С не состоит в супружеских отношениях с А и следовательно С это А. Поскольку А говорит о нем / ней как о «я», уравнение parent (родитель) о child (ребенок) = self (сам) превращает родителя и ребенка во взаимные термины родства. Универсальным образом, уравнение (восходящий ядерный термин родства) о (нисходящий ядерный термин родства) = сам определяет восходящий и нисходящий ядерные термины как термины взаимные.

Сложив все это вместе, мы выстраиваем структуру, основанную на наборе порождающих терминов $G = \{\text{self (сам), parent (родитель), child (ребенок)}\}$ и взаимном структурном уравнении parent (родитель) о child (ребенок) = self (сам) (см. рис. 4).

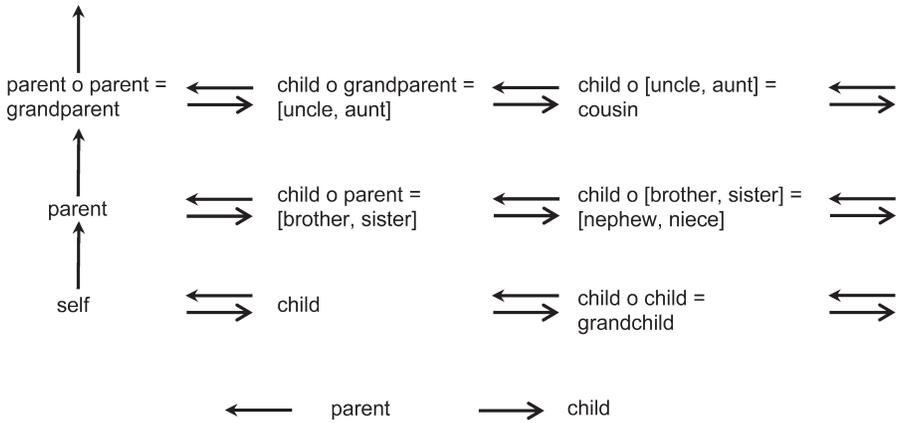

Рис. 4. Термины кровного родства английской терминологической системы (без полового маркирования), порожденные на основе продуктов ядерных терминов parent (родитель) и child (ребенок), а также уравнения parent (родитель) o child (ребенок) = self (сам), определяющего «родителя» и «ребенка» в качестве взаимных терминов

Полового маркирования терминов родства можно добиться путем включения мужского и женского элементов в порождающий набор $G = \{\text{self (сам), parent (родитель), child (ребенок), male (мужчина), female (женщина)}\}$ при условии, что мужчина и женщина являются правильными идентичностями; т.е. $X \text{ o male (мужчина)} = X = X \text{ o female (женщина)}$ для любого элемента X в G . Например, если $X = \text{male (мужчина)}$, тогда $\text{male (мужчина) o female (женщина)} = \text{male (мужчина)}$, поскольку если термин сначала маркирован как женский, а затем как мужской, то в конце концов он маркируется как мужской. Или если $X = \text{parent (родитель)}$, тогда $\text{parent (родитель) o male (мужчина)} = \text{parent (родитель)}$, поскольку родитель мужчины — это просто чей-то родитель.

Теперь мы можем показать, почему в английской терминологической системе $\text{father (отец) o mother (мать)} = \text{grandfather (дед)}$ как логическое следствие того, что терминологическая система выводится из ядерных терминов родства, данных в $G = \{\text{self (сам), parent (родитель), child (ребенок), male (мужчина), female (женщина)}\}$, а также взаимного структурного уравнения $\text{parent (родитель) o child (ребенок)} = \text{self (сам)}$. Запишем father (отец) как $\text{male (мужчина) o parent (родитель)}$ и mother (мать) как $\text{female (женщина) o parent (родитель)}$, так что $\text{father (отец) o mother (мать)} = (\text{male (мужчина) o parent (родитель)}) \text{ o } (\text{female (женщина) o parent (родитель)}) = \text{male (мужчина) o } (\text{parent (родитель) o female (женщина)}) \text{ o parent (родитель)} = \text{male (мужчина) o parent (родитель) o parent (родитель)} = \text{grandfather (дед)}$. Сходную линию рассуждений можно исполь-

зовать для других производных, таких как son (сын) о daughter (дочь) = grandson (внук).

Это демонстрирует, как термины родства и уравнения, выведенные экспериментально для английской терминологической системы, могут порождаться на основе общих особенностей, определяющих терминологию родства как концептуальные системы для выражения родственных отношений; кроме того, это показывает, как эти особенности подхватываются и усиливаются особенностями, специфическими для английской терминологии родства. Английская терминологическая система обладает общей с другими системами особенностью, которая заключается в том, что ее можно сконструировать на основе набора ядерных терминов G, хотя конкретные ядерные термины могут варьироваться от одной терминологии к другой.

В частности, введенное Морганом различие между описательной и классификационной терминологическими системами в том, что касается коллатеральных терминов родства, соответствует простому различию в ядерных терминах: является ли термин, обозначающий сиблингов, производным (compound) термином, как в английском ([brother (брат), sister (сестра)] = child (ребенок) о parent (родитель)), или он оказывается ядерным, не подлежащим редукции термином. Когда подобный термин является ядерным термином, отсюда логически следует, что 'brother' (брат) о 'father' (отец) = 'father' (отец) и 'sister' (сестра) о 'mother' (мать) = 'mother' (мать), где каждый термин является термином родства, транслитерированным из исследуемой терминологической системы (подробнее см.: [Read 2007]).

Вдобавок во всех терминологических системах продукт бинарных терминов родства удовлетворяет структурным уравнениям, таким как взаимное структурное уравнение (восходящий ядерный термин) о (нисходящий ядерный термин) = сам, а возможно и другим структурным уравнениям, которые являются специфическими для этой терминологии. Отношения свойства могут (хотя и не всегда; см. о терминологической системе кариера в: [Leaf, Read in print]) определяться ядерным термином, таким как супруг, который удовлетворяет одновременно универсальным уравнениям, таким как spouse (супруг) о ascending core term (восходящий ядерный термин) = ascending core term (восходящий ядерный термин), а также уравнениям, специфическим для данной терминологии, вроде parent (родитель) о parent-in-law (родитель супруга или супруги) = 0 в английской терминологической системе (более детально см. [Read 1984] или [Leaf, Read in print]).

Теперь становится очевидным, что формализм, построенный вокруг концептов и представлений, которые являются неотъемлемой частью культурной сферы, ведет к более глубокому пониманию особенностей этой культурной сферы, а также возвращает нас к этнографическому контексту, а отнюдь не уводит от него. Формальные анализы вроде систем обозначений могут быть полезными, облегчая расчетные операции, однако сами по себе они не позволяют понять структуру и организацию системы культурных представлений. Обсуждавшийся выше формальный анализ, будучи применен к сфере английской терминологии родства, делает очевидным то, какие специфические черты терминологии являются следствием концептов родства, составляющих неотъемлемую часть концептуализации отношений родства в конкретном обществе.

Ограниченность аргументов формалистов заключается в том, что эффективность формальных методов зависит от нашего правильного понимания концептуальных оснований организации и структуры, которые мы обнаруживаем в области систем родства, особенно терминологической части системы родства. Поэтому формальный анализ может быть ничем не лучше нашего обыденного понимания культурных систем, которые являются объектом формализации, особенно когда мы прибегаем к математической формализации как способу определить, что же логически следует из фундаментальных культурных концептов и представлений, являющихся неотъемлемой частью того, как специфические черты системы культурных представлений порождаются из этих фундаментальных концептов.

Библиография

- Chit Hlaing F.K.L.* The Place of Kinship in the Social System: A Formal-and-functional Consideration. Paper given at the American Anthropological Association Annual Meeting. 2010. P. 1–13.
- Davis K., Warner W.L.* Structural Analysis of Kinship // *American Anthropologist*. 1937. Vol. 39. P. 291–313.
- Dousset L.* Structure and Substance: Combining ‘Classic’ and ‘Modern’ Kinship Studies in the Australian Western Desert // *The Australian Journal of Anthropology*. 2005. Vol. 16. P. 18–30.
- Goodenough W.H.* Componential Analysis and the Study of Meaning // *Language*. 1956. Vol. 32. P. 195–216.
- Greenberg J.H.* Logical Analysis of Kinship // *Philosophy of Science*. 1949. Vol. 16. P. 58–64.
- Kroeber A.L.* Classificatory System of Relationship // *Journal of the Royal Anthropological Institute*. 1909. Vol. 39. P. 77–84.
- Kronenfeld D.* Fanti Kinship and the Analysis of Kinship Terminologies. Urbana: University of Illinois Press, 2009 (1980).

- Leach E.* More about 'Mama' and 'Papa' // R. Needham (ed.). *Rethinking Kinship and Marriage*. L.: Routledge, 2004 (1971). P. 75–98.
- Leaf M.* Experimental Analysis of Kinship // *Ethnology*. 2006. Vol. 45. P. 305–330.
- Leaf M., Read D.* *The Conceptual Foundation of Human Society and Thought: Anthropology on a New Plane*. Lanham: Lexington Books, in press.
- Lounsbury F.* A Semantic Analysis of the Pawnee Kinship Usage // *Language*. 1956. Vol. 32. P. 158–194.
- Macfarlane A.* Analysis of Relationships of Consanguinity and Affinity // *Journal of the Anthropological Institute of Great Britain and Ireland*. 1883. Vol. 12. P. 46–63.
- Morgan L.H.* *Systems of Consanguinity and Affinity in the Human Family*. Washington, DC: The Smithsonian Institute, 1871.
- Needham R.* Introduction // R. Needham (ed.). *Rethinking Kinship and Marriage*. L.: Routledge, 2004 (1971). P. xiii–cviii.
- Peirce C.S.* The Essence of Mathematics // J.R. Newman (ed.). *The World of Mathematics*. N.Y.: Simon and Schuster, 1956 (1902). Vol. 3. P. 1773–1783.
- Radcliffe-Brown A.* Three Tribes of Western Australia // *Journal of the Royal Anthropological Institute (N.S.)*. 1913. Vol. 43. P. 143–194.
- Radcliffe-Brown A.R.* A System of Notation for Relationships // *Man*. 1930. Vol. 30. P. 121–122.
- Read D.* An Algebraic Account of the American Kinship Terminology // *Current Anthropology*. 1984. Vol. 25. P. 417–449.
- Read D.* What is Kinship? // R. Feinberg, M. Ottenheimer (eds.). *The Cultural Analysis of Kinship: The Legacy of David Schneider and its Implications for Anthropological Relativism*. Urbana: University of Illinois Press, 2001. P. 78–117.
- Read D.* Kinship Theory: A Paradigm Shift // *Ethnology*. 2007. Vol. 46. P. 329–364.
- Read D.* The Logic and Structure of Kinship Terminologies: Implications for Theory and Historical Reconstructions // D. Jones, B. Milicic (eds.). *Kinship, Language and Prehistory: Per Hage and the Renaissance in Kinship Studies*. Salt Lake City: University of Utah Press, 2010. P. 152–172.
- Read D.* Mathematical Representation of Cultural Constructs // D. Kronenfeld, G. Bennardo, V.C. de Munck, M.D. Fischer (eds.). *A Companion to Cognitive Anthropology*. Oxford: Wiley-Blackwell, 2011. P. 229–253.
- Schneider D.* *A Critique of the Study of Kinship*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1984.

Пер. с англ. Аркадия Блюмбаума
под редакцией Владимира Попова и Германа Дзибеля

МИХАИЛ ЧЛЕНОВ

1 Кризис изучения родства, сбившегося из центрального места в теоретической этнографии (синоним антропологии / этнологии) в глубоко маргинальный этнографический топик, объясняется как часть общего изменения предметной области нашей науки. Оно в свою очередь вызвано следующим: общемировой глобализацией; исчезновением так называемых «этнографических» обществ; дискредитацией исторической реконструкции на основе форм социальной организации таких обществ; дискредитацией в бывшем СССР «исторических» штудий, опиравшихся на марксистскую догматику; в бывшем СССР давно изжившей себя номенклатурой «этнографии» как вспомогательной части исторической науки; общей прагматизацией науки, в том числе гуманитарной, призванной решать практические задачи современного общества; постмодернистской идеологией релятивизма, с подозрением относящейся к классической этнографии, нередко рассматриваемой как орудие колониализма, расизма и прочих негативных в современном сознании «-измов».

2 Сегодняшний отход специалистов от исследования систем терминов родства (СТР) и систем родства (СР) можно уподобить относительно падению интереса к исторической лингвистике в первой половине и середине прошлого века. Структурализм на какое-то время превращает компаративистику в научный *mauvais ton*, но за ним следует уже в конце века взлет макролингвистики, в свою очередь ожививший и традиционную сравнительно-историческую лингвистику. Характерно, что как сравнительно-историческая лингвистика, так и изучение СТР и СР все это время продолжают существовать на периферии, не сознающей своего моветонства. Так что следует предполагать в достаточно недалеком будущем

возобновление интереса к родству как этнографической проблематике. Этот прогноз определяется прежде всего теми задачами, которые ставила перед собой классическая наука о родстве. Задачи эти, безусловно, не выполнены, а стало быть, неизбежен возврат к этой тематике.

3 Принципиальной разницы между лингвистическим и этнографическим подходами я не вижу. Вернее вижу, но не стал бы ее абсолютизировать. Для лингвиста объектом исследования является лексема или группа лексем как семантическая или семасиологическая единица и ее место среди прочих аналогичных явлений в языке. Для этнографа объектом является структура классов родства, выраженная в некоторых терминах. Как правило, лингвисты плохо справляются с анализом ТР, так как не владеют методикой семантического анализа, поскольку, как правило, не получают должного образования в области kinship. То же можно сказать и об этнографах, особенно советской выучки, которые в силу упомянутой мною номенклатурной нелепицы об этнографии как вспомогательной исторической науке обычно остаются безграмотными даже в азах лингвистики. Совмещение этих двух форм знания должно происходить именно в науке о родстве, где вопрос о разнице между лингвистическим и этнографическим подходами соответственно и исчезнет.

4 Если под алгебраизацией и геометризацией понимать формализацию отношений родства, какой бы она ни была (код Левина, англо-американская буквенная, схематическая Белкова и пр.), то отношение мое весьма позитивное, так как без этого инструмента изучение СТР и СР становится дилетантским, соответственно, бессмысленным. Увы, сотни, если не тысячи страниц профессиональных изданий за последние сто с лишним лет заполнены непрофессиональными записями СТР, которые никак нельзя использовать. Видно, что запись неграмотная, но что должно быть на ее месте — непонятно. Нередко носители этой СТР уже исчезли, или утратили язык, или трансформировали СТР в соответствии с языком-доминантом. Алгебраизация (правда, куда менее сложная) так же необходима науке о родстве, как и всем естественным наукам.

5 Повторю еще раз, что наука о родстве пока еще не выполнила задачи, которые для нее были сформулированы несколькими поколениями исследователей. Простые, хотя и трудоемкие вещи, с которых надо начинать восстанавливать науку:

А. Вводить на специализированных кафедрах курсы по родству.

Б. Начать собирать всемирный, а для начала региональные корпусы СТР; мердокский HRAF никуда не годен.

В. Систематизировать основные понятия: отношение родства, тип родства, класс родства и пр. Я частично пытался это сделать в давнишней своей статейке про малайскую СТР [Членов 1977]. Добиться признания терминологии можно, только интенсивно внедряя ее в лекционные курсы.

Г. Искать иные пути анализа, кроме как через корреляцию структурных типов СТР и форм социальной организации на микроуровне. Перспективна гипотеза, высказанная мною в целом ряде работ, о возможной корреляции структурного типа СТР с генетической природой языка создателя СТР.

Библиография

Членов М.А. Опыт исследования малайской системы родства // Малайско-индонезийские исследования. М.: Наука, 1977. С. 9–24.

АНДРЕЙ ШАБАШОВ

1 Скорее — в конце XX в. В советский послевоенный период в российской «антропологии родства» имелись значительные достижения: исследования Д.А. Ольдерогге, Н.В. Бикбулатова, М.В. Крюкова, С.А. Токарева, В.А. Попова и многих других.

Кризис в изучении антропологии родства имеет экстранаучные причины, внутринаучных причин кризиса не имеется. Другими словами, собственно научного кризиса в изучении антропологии родства нет, есть в целом кризис во взаимоотношениях научного сообщества — общества — «элиты» — государства. А еще проще: захлестнувшая науку конъюнктуризация и потеря интереса к фундаментальным проблемам, к познавательной функции науки, объясняемая финансовыми и статусными причинами.

Например, многие этнологи Украины в последние годы стали активно изучать с помощью этнографических методов так называемый «Голодомор», за что получают гонорары, гранты, государственные награды,

Андрей Васильевич Шабашов
Одесский национальный
университет
им. И.И. Мечникова
shabashaga@ukr.net

зачем же им в этом случае разрабатывать трудоемкую, сложную проблематику антропологии родства, причем бесплатно и неблагодарно? Крымско-татарские этнологи пишут многочисленные тома по депортации. Очень популярно изучение ислама (особенно его разных политически активных ответвлений) в контексте войны Запада с «международным терроризмом» (а вот реальный, бытовой, повседневный ислам не так интересен!) и т.п.

К сожалению, конъюнктура захлестнула и российскую этнологию, и в ней в основном разрабатываются темы, которые интересны грантодателям (отметим бурный расцвет так называемой «неотложной этнологии», отход многих ученых от фундаментальной науки в направлении прикладных исследований). Само по себе внимание к прикладным исследованиям оправдано, но должно быть разумное соотношение между ними и исследованиями фундаментальными, иначе наука скатывается к публицистике. А для западной этнологии (да и науки вообще) — это хроническое состояние: что не имеет практического, причем сиюминутного значения — в большинстве случаев не представляет значительного интереса.

Другие причины — искушение постмодернистским дискурсом, в котором нет места для традиционных проблем и ценностей, а также недалёковидное отрицание значения в человеческом обществе таких традиционных ценностей и институтов, как родство, семья, брак, солидарность, коллективизм и т.п. Предложите тему научного исследования «Традиции гомосексуализма на Руси» (или уже есть такое?). Она будет встречена «на ура» — найдутся спонсоры, будет широкий общественный резонанс, все признаки «актуальной проблемы». Напротив, тема «Семья у русских» пройдет абсолютно серо, и замечена такая работа, кроме как в очень узком академическом кругу, не будет.

В беседах с московскими этнологами (М.Н. Губогло, Ю.И. Семенов) услышал версию об «усталости» от этой темы, которая очень популярной была в советское время и успела «набить оскомину».

Между тем многочисленные статьи и оживленные дискуссии на страницах той же «Алгебры родства» показывают, что кризис этой дисциплины — определение достаточно относительное.

2

По сути, ответ на этот вопрос содержится в ответе на вопрос предыдущий.

В этой связи хотелось бы только добавить, что, честно говоря, многие (но, конечно же, далеко не все) работы, ныне публикуемые по данной проблематике, носят чисто книжный харак-

тер, а обсуждаемые «проблемы» — надуманные, искусственно сформированные в академической среде, оторванные от этнографического «поля» и реальной жизни. Это противоположное конъюнктуризации и публицистикизации искушение, но не менее опасное.

3

В безграмотности антропологов и лингвистов. Если сказать мягче — в монодисциплинарном подходе к проблеме, заведомо требующей междисциплинарного подхода. Отнюдь не редкостью являются исследования антропологов, не знающих или знающих «с пятого на десятое» язык изучаемого народа. Даже такой выдающийся исследователь систем терминов родства, как М.В. Крюков, мог без тени сомнения обсуждать вопрос: каким образом в полевых исследованиях необходимо изучать и записывать терминологию родства у народа, если этнограф не знает его языка.

Но некомпетентность антропологов носит, так сказать, частный характер (хотя она также в конечном итоге может увести далеко от реальности), тогда как у лингвистов зачастую — принципиальный. *Реальные разногласия* могут иметь место при определении обусловленности структурных различий и законов эволюции терминологий родства. Если допустить, что язык является самодостаточной и саморазвивающейся по своим внутренним законам системой, некоей «вещью в себе», не обнаруживающей тесной связи с внеязыковой реальностью, т.е. представления о мире определяются заданным языком, а не наоборот (подобные теории имеются, хотя и носят маргинальный характер), тогда лингвисты могут поспорить с антропологами. Но такой взгляд вряд ли может найти широкую поддержку. Это может быть каким-то частным случаем, определенной языковой инерцией, когда внутренние законы функционирования языка могут быть первичны по отношению к частным проявлениям описываемой им реальности, но не тотальным принципом, иначе можно просто прийти к выводу о том, что «вселенная роится в моем подсознании».

Лексикографические исследования вообще, как правило, невозможно использовать при изучении антропологии родства, потому что лингвисты, ангажированные парадигмой своей науки, чаще всего оказываются неспособными определить значения и содержание термина родства (для этого требуются этнологические методы и подготовка) — об этом мне много приходилось писать в разных конкретных случаях. Затем они, пользуясь словарями других языков, где термины определяются так же «точно», без всякой «критики источника» осуществляют сравнительный анализ и в итоге приходят к построениям, весьма далеким от реальности.

Например, в таком претенциозном исследовании, как «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика», целью которого поставлена реконструкция праязыка и мира древних тюрков, на с. 655–656 (издание 2-е, 2001 г.) находим параллель тюркскому *мама* ‘бабушка’, ‘старший родственник’, легшему в основу антропонимов ряда тюркских народов, — гагаузские фамилии и прозвища *Мамаж*, *Маматај*, *Мома*, *Момаш*. На основе чего делается далеко идущий вывод: «Территориальное распределение личного имени с компонентом *мама* имеет достаточно широкий ареал: Сибирь, <...> Гагаузия (гаг.)».

Вместе с тем в реальности у гагаузов нет никакого подобного термина родства, который можно было бы связать с общетюрк. *мама*. Есть лишь болгарское заимствование *маму* и — у младших поколений — рус. *мама*, бытующие наряду с исконно тюрк. *ана* ‘мать, мама’, но и не о нем здесь, по-видимому, идет речь. Гагаузское прозвище *Мамаж*, видимо, связано с именем известного золотоордынского полководца (узурпатора ханской власти) и объясняется специфическим чувством юмора гагаузов (мне, например, встречались такие прозвища, которые при этом передаются от отца к сыну на протяжении поколений: *Сталин*, *Гитлер*, *Хрущев*).

Видимо, *Маматај* образовано подобным же образом (*тај* — «жеребенок»). *Мома*, вероятно, от болгарского *мома* ‘девушка’ (кроме того, что в гагаузском много болгарских заимствований, многие гагаузы помимо родного владеют и болгарским языком — особенно в нескольких смешанных болгаро-гагаузских селах), -š гагаузами используется как уменьшительный аффикс (неуместно сказанное слово может тут же закрепиться в качестве прозвища. После землетрясения, случившегося в Бессарабии несколько десятилетий назад, многие получили новые прозвища по тому, что кому упало на голову во время этого события; в прошлом такие прозвища, иногда довольно неприличные, закреплялись и в качестве фамилий).

В отдельных словарных статьях серьезно обсуждаются такие «пратюркские отношения родства», как «БРАТ» или «ДЯДЯ» (С. 290–293; 296), тогда как специалистам хорошо известно, что традиционно у тюрков таких или даже подобных терминов и отношений родства не существовало. Термин родства и описываемое им отношение родства обычно определялись относительным возрастом альтера, вне зависимости от генеалогической цепочки, и принадлежностью к роду (отца или матери). Например, если мужчина принадлежит к моему роду и он старше меня, но младше моего отца, он для меня является *агба*, будь он с русской точки зрения «братом» (родным или коллате-

ральным), «дядей» (братом отца — любой степени), «племянником» или двоюродным / троюродным «дедушкой». И подобных курьезов — масса.

Неплохо бы, чтобы у каждого лингвиста помимо словарей и лингвистических работ на столе лежали и книги по этнологии и истории соответствующих народов, а еще лучше, чтобы полевые исследования лингвистов носили этнолингвистический характер.

Сказанное отражает скорее личный опыт и общие соображения, в каждом конкретном случае причины могут быть очень разными. Часто они — в некомпетентности одной из сторон конкретного спора, в том числе в филологической некомпетентности лингвистов, а не только антропологов (в той же «Сравнительно-исторической грамматике» большинство гагаузских терминов родства приведены с явными ошибками). Многие дискуссии носят скорее схоластический характер «разговора ни о чем» и в особых комментариях вряд ли нуждаются. Что касается далеких этимологическо-социологических реконструкций типа праиндоевропеистики (еще один из предметов дискуссий лингвистов и антропологов), то, на мой взгляд, они в значительной степени носят спекулятивный характер и, естественно, даже некоей косвенной эмпирической проверке не подлежат, т.е. представляют интерес скорее как игра ума.

4

Алгебраизация и геометризация являются скорее «способом ведения разговора», а не методологией научного исследования, способом мыслить и выражать свои мысли. Наверное, для гуманитарного знания способ не лучший и имеет ряд недостатков, так как говорить о «нематематической» реальности человеческих взаимоотношений, выражаемых через термины родства, математическим языком порой просто нелепо. Есть и положительный момент, так как точность методики иногда позволяет корректировать концепции, базирующиеся на обыденных представлениях либо на некорректном анализе (здесь речь идет, конечно, только о «хорошей» «алгебре» и «геометрии» родства). Вероятно, как один из способов научного курса такой подход может существовать, но должен занимать свое определенное, достаточно скромное пространство. Алгебраизация не имеет, на наш взгляд, *объяснительного потенциала*, но как одна из формальных методик исследования допустима и иногда может быть полезна. Здесь будет уместно вспомнить о попытках создания адекватного, объективного научного языка, не допускающего спекулятивных высказываний и умозаключений. Кажется, такие эпистемологические опыты были популярны в первой половине прошлого века?..

5 Все те традиционные вопросы, которые ставились и обсуждались до сих пор, на мой взгляд, остаются и будут оставаться значимыми и перспективными: сбор и описание терминологий родства народов мира — до настоящего времени отсутствуют более или менее полные и хорошие описания систем родства даже таких европейских народов, как молдаване, украинцы (например, в Западной Украине — Галиции — сохраняются довольно архаичные типы системы терминов родства), крымские татары, греки, чуваша и др.; исследование типологии, в том числе исторической, систем родства; обусловленности терминологий родства социальными институтами и установлениями; этногенез и этническая история по материалам системы родства (тема до сих пор мало разработанная, но для ряда народов — очень перспективная).

Среди новых направлений, учитывая возросший интерес к своим корням и «личной истории», предполагаю, что перспективу получит некий комплекс дисциплин, включающий антропологию родства, генеалогии, генетику (биологическую антропологию), этногенеологию (по меткому определению В.П. Алексеева), антропонимику, целью которого будет изучение конкретной истории человеческих популяций. Антропология родства здесь будет выполнять задачу изучения социальных механизмов, регулирующих биологическое воспроизводство популяций.

Другое перспективное направление — изучение родства как опыта (альтернативного современному западному) социо-биологической адаптации человечества, актуального и сейчас. Адаптация до сих пор рассматривалась в основном как материальное приспособление к различным условиям среды (хозяйство, жилище, одежда), а родство — как некая по сути саморазвивающаяся вещь в себе, мало связанная с другими сторонами жизни. Таким образом, можно предположить возникновение такого направления, как «экология родства».

ФАДВА ЭЛЬ ГУИНДИ

Родство через кормление: расширение пределов брачного союза в эндогамных системах

Настоящее исследование, посвященное родству по кормлению¹, привлекает новые данные, противоречащие существующим теориям родства, и является призывом к серьезному пересмотру проблем изучения систем родства. В статье обсуждаются некоторые результаты оригинального исследовательского проекта², проводившегося среди мусульман-катарцев и других арабов Катара в регионе Персидского залива. Отмечу, что сходные, хотя и самобытные практики родства, связанные с кормлением, существуют и существовали во всем арабском и соседнем с ним регионе³.

Благодаря результатам, полученным на основе систематических полевых данных, было отмечено, что родство по кормлению — это не просто кормление грудью⁴.

Фадва Эль Гуинди (Fadwa El Guindi)

Катарский университет,
Доха, Катар
fadwa.elguindi@qu.edu.qa

¹ Полевые исследования, результаты которых лежат в основе данной публикации, стали возможны благодаря гранту Катарского Национального исследовательского фонда в рамках Undergraduate Research Experience Program, номер UREP 06-004-5-001 (2009–2010), а также UREP 09-051-5-013 (2011–2012). Я благодарю исследовательскую группу: коллегу Весама аль-Отхмана, а также студентов Шайху аль-Кувари, Сару аль-Махмуд, Алануда аль-Марри и Ранеена Наджара. За анализ, предложенный в статье, ответственность несет исключительно автор; содержание статьи не обязательно представляет официальную позицию Катарского Национального исследовательского фонда.

² El Guindi F. Milk Kinship: The Khaliji Case [UREP 06-012-5-003]. Qatar Foundation, 2009–2010; El Guindi F. Blood, Milk and Marriage: Kinship Behavior and Kinship Terminology in Qatar [UREP 09-051-5-013]. QNRF, 2011–2012.

³ Большинство антропологов именует эту практику (или скорее набор практик) «молочным родством». Этот термин является доминирующим, однако он удостоился еще меньшего исследовательского внимания, чем институт социального или легального усыновления. Первым современным антропологом, который проводил этнографические исследования молочного родства на основе данных, собранных в Саудовской Аравии, была Сорая Альторки. Интерес к данной практике начался после публикации пионерской статьи Альторки в 1980 г. [Altorki 1980]. Питер Паркс [Parkes 2005; Parkes 2001; Parkes 2004] признает важность исследования Альторки, повлиявшего на его собственные исследования молочного усыновления-удочерения, опубликованного через много лет после работы Альторки. Другие исследователи рассматривали данный предмет, прибегая к целому ряду других точек зрения.

⁴ Морис Блох кратко отмечает, что «кормление грудью часто рассматривается как естественное продолжение связей между телом матери и телом ребенка до такой степени, что в арабском мире правила инцеста нередко применяются к людям, которые, не будучи связанными родством, были выкормлены одной и той же женщиной» [Bloch 2005: 50]. В этой работе Блох использует термин «родство» для обозначения кровного родства и рассматривает молочное родство как практику кормления грудью, которая затем рассматривается в рамках отношений «мать—ребенок», восходя

Результаты исследований идут вразрез с «мягкой» точкой зрения в антропологии, которая рассматривает практики вскармливания как кормление грудью, материнское отношение к ребенку, выстраивание естественных связей между матерью и ребенком и тому подобные романтизированные представления¹. Наша позиция заключается в том, что практики вскармливания надлежит рассматривать в контексте исследований по системам родства, а не в контексте гендера, феминизма и тому подобных подходов (среди прочих см.: [Carsten 1995; Carsten 2000; Collier, Yanagisako 1987]).

Гипотеза, изложенная в данной статье, основывается на вырисовывающейся на основе изучения данных картине, в соответствии с которой вскармливание кормилицей пересекается с родством по крови и по свойству как с двумя наиболее признанными формами родства. Кормление обладает общими характеристиками и с другими межкультурными социальными некровнородственными формами, такими как усыновление или институт крестных, что неизбежно заставляет нас включить все три формы в анализ систем родства.

Со времен моего исследования, посвященного ритуалу и родству среди сапотеков [El Guindi, Read 1979a; 1979b; 1980; El Guindi, Selby 1976; El Guindi 1973; 1977a; 1977b; 1982; 1983; 1986], я следовала по пути антропологов, рассматривающих компадрасго (со-родительство, кумовство) в качестве проявления формы родства, обладающей тем же онтологическим статусом, что и две другие формы (родство по крови и по свойству). Наиболее выдающимися среди исследований дополнительных форм родства являются работы, посвященные компадрасго [Brown et al. 1997; Carlos 1973; Corbier 1999; Davila 1971; El Guindi 1986; Goody 1969; Gudeman 1972; Gwynn 1913; Lynch 1986; Macrides 1987; Mintz, Wolf 1950a; 1950b; Nutini, Bell 1980; Nutini 1967; Pitt-Rivers 1968; 1976].

Минц и Вольф вместе с другими описывают функцию отношений, возникающих благодаря институту крестных, как создание безопасной сети «ритуальных родственников» через «церемониальное спонсорство» с целью обеспечения безопасности.

к парадигме «женщина—природа». В своем исследовании неродственных аспектов вскармливания среди населения Мардинки в Казамансе (Сенегал) Уиттмор и Беверли, тем не менее, упоминают о том, что «передача материнского молока является действием, которое осознанно “создает” особые отношения между ребенком и женщиной, независимо от того, является ли младенец ее биологическим ребенком» [Whittemore, Beverly 2008: 46]. Очевидно, что практика кормления чужих детей не ограничивается арабским миром, однако данное исследование кормления подводит к той точке зрения, которая не рассматривает данную практику лишь как кормление грудью или только как взаимоотношения между ребенком и кормящей матерью.

¹ Эти точки зрения на гендер, естественное материнство и прочее искажают реальность, уводя разговор от проблематики родства.

Атрибуты «ритуального родства» и «церемониального спонсорства» не являются отличительными чертами данной формы родства, поскольку они могут характеризовать как кровное родство, так и родство по свойству. Термины, используемые для описания этой формы родственных отношений, такие как псевдородство, ритуальное родство, альтернативное, фиктивное, духовное родство, воспитание чужого ребенка (fostering) и прочие ярлыки, искажают характер этих взаимоотношений, затемняют более фундаментальные особенности и способствуют их маргинализации. Кормление также затрагивается в работе Ф. Эритель-Оже, которая описывает молочное родство как «родство духовное» [Héritier-Augé, Corpet-Rougier 1995]. Подобная классификация данных практик отводит им вторичную роль в исследованиях родства.

Пытаясь продемонстрировать отличия родства по кормлению от родства по крови и по свойству на основе не самых существенных особенностей, авторы этих исследований пропускают то общее, что их связывает, причем их значимость для культуры и теории оказывается неясной. Важно отметить, что анализ подобных форм как «нереальных» представляется непродуктивным. Являются ли родство по крови и родство по свойству более реальными? Эта линия дискуссии уводит нас на дорогу, по которой антропологи уже шли — ошибочный путь, в чем я абсолютно убеждена¹. Анализ вскармливания демонстрирует сущностную связь этого явления с родством по крови и по свойству. Такие практики, как усыновление, институт крестных и кормление, необходимо интегрировать в анализ систем родства, а также в серьезный дискурс теории родства.

Кормление как родство

Данные по вскармливанию кормилицами обнаруживают особенности, которые подкрепляют гипотезу в пользу включения кормления в качестве третьей формы родства, которая также обладает универсальностью и не уступает по «родственности» родству по крови и родству по свойству. Его особенности включают классификацию на основе терминологии, взаимный характер поведения, линейность и латеральность рекурсий в брачных запретах — все черты, присущие родству [El Guindi 2010a].

¹ Непросто найти адекватный термин, который был бы универсально применим к формам родства не по крови и не по свойству в разных культурах. В предыдущих работах я колебалась между «спонсорством» (“sponsorship”) и «бондингом» (“bonding”) и даже соединила два этих термина вместе в «спонсорство / бондинг» [El Guindi 2010b], что я по-прежнему считаю неудачным. В будущем я планирую проект, направленный на определение на основе существующих исследований фундаментальных особенностей, которые являются общими у этих форм с родством по крови и по свойству. Такой проект будет способствовать более глубокому пониманию предмета и появлению более удовлетворительной терминологии.

Данные арабских социальных систем делают очевидным исторический масштаб и социальную значимость, как в прошлом, так и сейчас, обмена детьми, вскормленными женщинами, которые не являются их биологическими матерями. Этот акт иногда осуществляется намеренно, но зачастую случайно или в связи с какой-то необходимостью. Независимо от намерений эта практика вовлекает детей в определенные связи, а также подвергает их более широкому брачному и социальным запретам. Родственники они или нет, люди, которых кормила одна и та же женщина, всегда будут считаться родственниками по кормлению. Для них создается новая генеалогическая терминология, к ним начинают применяться особые социальные правила. Когда взаимоотношения на основе общего кормления только создаются, их выстраивание сопровождается новой классификационной терминологией. Она применяется взаимно к людям, которые являются или родственниками по рождению (по-арабски «кариб»), или чужаками (по-арабски «гхариб»). Это расширяет систему обязательств и запретов классификационно по боковым линиям и взаимно по генеалогическим вертикалям.

***Какую роль играет материнское молоко
в запретах на инцест?***

Очевидно, что социальные запреты на инцест существовали в арабских социальных системах задолго до ислама и не связаны со вскармливанием. Разновидности молочного родства существуют с древнейших времен в Аравии и в других местах. Ислам кодифицировал его и легитимировал необходимость избегать инцеста. Помимо Корана источниками для легитимации в исламе являются хадисы и комментарии юридического характера. Многочисленные исламские источники постепенно выстроили массу религиозных ответов, касающихся традиций родства. Легитимация практик часто осуществляется с использованием языка ислама, однако исследования показывают, что «молочное родство» существовало до появления ислама, а также среди христиан и в древних царствах Месопотамии и Кавказа [Conte 1987; 1994; Parkes 2004; 2005; Smith 1885]. Единственным же богодухновенным источником в исламе является Коран.

Две суры Корана, 4:23 и 24:31, эксплицитно определяют «махарим», запрещенные союзы (обе они представлены диаграмматически в: [El Guindi 2003 (1999): 86, 99]). Только одна из них, сура 4:23, упоминает кормление грудью как механизм запрета. Ниже приведена схема, взятая из более ранних публикаций (см. рис. 1).

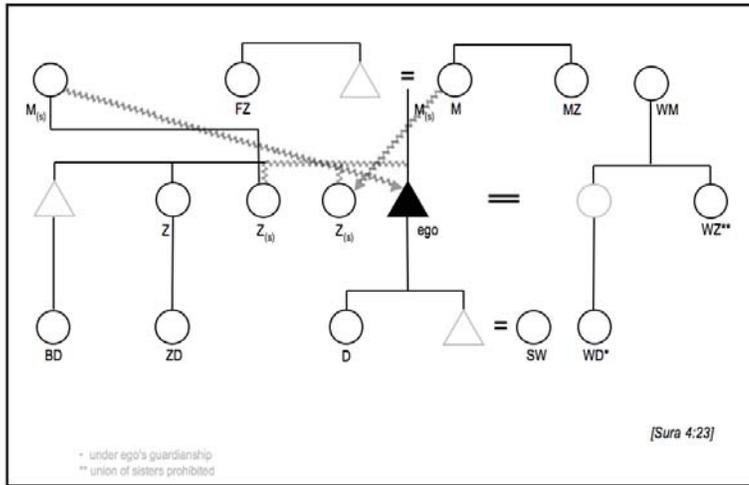

Рис. 1

Отметим использование в приведенной схеме (рис. 1)¹ точечной линии, изображающей отношения по кормлению. Эта запись далее была развернута и дифференцирована по мере продвижения исследовательского проекта по кормлению в целый ряд графических символов в дополнение к условному ряду графических символов, предназначенных для схематизации родственных отношений.

На основании представленной схемы, иллюстрирующей суру 4:23², становится очевидным, что Коран упоминает только молочных братьев и сестер, что конституирует весьма ограниченный ряд отношений по сравнению с широким кругом запретов («тахрим»), на которые указывают данные исследования. Этого, однако, оказалось достаточно для легитимации идеи «тахрима», связанного со вскармливанием.

Полевые исследования демонстрируют, насколько более широкой, чем указано в проанализированной выше суре Корана, является родство по кормлению, которое на самом деле расширяет и перекрещивает отношения по кровному родству и свойству как линейно, так и латерально. По сравнению с Кораном культурная традиция на практике сохраняет более строгие и более широкие запреты. Терминология родства отражает наложение и трансформацию взаимоотношений.

¹ Рисунок представляет суру 4:23 и опубликован в: [El Guindi 2003 (1999)]; схема демонстрирует махарим для мужчины и включает отношения, возникающие на основе вскармливания.

² Сходным образом я выстроила схему для прояснения смысла другой суры Корана в той же самой книге, а именно — суры 24:31 [El Guindi 2003 (1999): 86]; я не воспроизвожу ее здесь, поскольку махаримы, упомянутые в этой суре, не затрагивают запреты, связанные со вскармливанием.

Вот почему я считаю, что не только родственные отношения, но и терминология родства должна включать данные всех существующих социальных форм родства, таких как усыновление и вскармливание. Я подчеркнула именно этот момент в более раннем исследовании, в котором обсуждала анализ индейской терминологии, не включающий терминологию приемного родства; как я писала, для того чтобы анализ терминологии родства был жизнеспособным, необходимо «связать три универсальных формы родства по свойству, по крови и по спонсорству, каждая из которых равным образом взаимосвязана с другими и является значимой для понимания человеческого родства» [Guindi 2010a: 384].

Для того чтобы прояснить, как работает родство по кормлению, начнем с атома родства [Lévi-Strauss 1949; 1963], построенного на основе элементарных запретов на инцест.

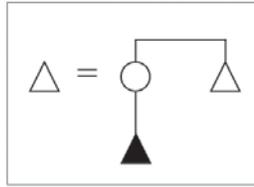

Рис. 2. Атом родства

Применяя правила арабской культурной системы, которая предписывает групповую эндогамию для женщин и предпочтительную эндогамию для мужчин, женщины должны выходить замуж внутри группы. Предпочтительный супруг — дитя брата отца (FBC), т.е. дочь брата отца (FBD) для мужчины или сын брата отца (FBS) для женщины. Это обречен на брак с FBC. Рисунок 3 разворачивает отношения из «атома родства», обобщенные на основе реальных жизненных ситуаций. При этом показывается, что происходит с этими брачными прескрипциями, когда имеет место кормление грудью.

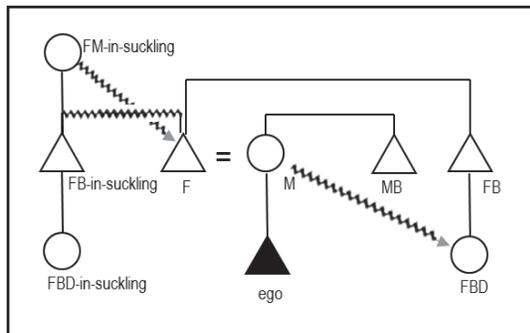

Рис. 3

Волнистая линия со стрелкой указывает на направление кормления. Кроме того, здесь показано вновь созданное молочное родство, отмеченное волнистой линией, связывающей двух родственников. Как отмечалось ранее, FBD является предпочтительным брачным партнером эго.

Обобщая подлинные случаи, я продемонстрирую реальный механизм кормления и его результаты. Мать эго выкормила FBD, создав, таким образом, отношения молочного родства между эго и FBD. FBD, являвшаяся предпочтительным брачным партнером для эго, становится его молочным сиблингом, что аннулирует прежние отношения по рождению как FBD и налагает запрет на брак между ними. Будучи кузенами по рождению и в обычной ситуации предпочтительными супругами, они теперь не могут вступать в брак друг с другом.

В то же время отец эго был вскормлен чужой женщиной, т.е. женщиной, не связанной с ним ни по рождению, ни семейно. Вскормив его, она становится молочной матерью отца эго. У этой бабки-по-кормлению есть сын, который в свою очередь становится молочным братом отца эго. Дочь молочного брата отца, не связанная по крови с эго, становится FBD-по-кормлению, имеющей право быть предпочтительной супругой для эго.

Как показывают собранные данные, отношения могут быть гораздо более сложными, чем когда они расходятся линейно и латерально. В ситуации, в которой молочная мать отца эго является также родственницей по рождению, результат будет тем же самым: кормление превратит ее внучку в молочную кузину эго и потенциально возможную супругу. Этот идеализированный пример, построенный на основе реальных ситуаций, демонстрирует тесную взаимосвязь всех форм родства, а также превосходство молочного родства перед кровным.

Эта иллюстрация вместе с данными по типам молочного родства, собранными на сегодняшний день, является основанием для моего убеждения, что практики молочного родства — родственные практики, конституирующие сложную институцию, сфера которой пересекается с системами родства по крови и по свойству. Молоко является женской субстанцией¹, передаваемой посредством кормления как родным, так и чужим детям. Она создает новые связи, изменяя существующие отношения

¹ Существуют народные верования, основанные на религиозных взглядах, согласно которым женское молоко образуется из мужского семени, что делает молоко одновременно женственным и мужественным [Héritier 1982; 1994]. Большинство людей, опрошенных в рамках нашего исследовательского проекта, однако, не разделяют это верование; равным образом многие женщины, участвовавшие в интервью, не знают о существовании подобных представлений.

и воздвигая запреты на возможные брачные связи между родственниками. Кормление порождает родственные связи наподобие кровных связей, регулируемые сходными правилами, а также превращает родство по рождению в молочное родство. Общим следствием этой ситуации, как я полагаю, является ограничение резерва брачных вариантов для предпочтительного и широко практикуемого эндогамного брака и полигинных союзов, а отсюда и ограничение браков между близкими родственниками.

Действительно, грудное молоко питает детей, однако более существенным для исследований родства представляется тот факт, что кормление придает «текучесть» насабным («насаб» — арабское слово, обозначающее генеалогическое родство по рождению) отношениям, функционирующим в форме процессов классификации и переклассификации корпоративных социальных систем, основанных на происхождении по отцу, что конкретно выражается языком восхождения по генеалогической линии к отдаленным предкам. Допуская одни и запрещая другие брачные союзы, кормление активизирует принципы кровного родства по отцу и билатеральное свойство, то завязывая, то разрывая отношения по рождению и браку.

Отсюда следует не только то, что кормление питает ребенка молоком матери, но и то, что другие выкормленные ею дети будут в дальнейшем взаимодействовать как взрослые родственники в своих социальных группах, превращая тем самым кормление в точку пересечения десцента и альянса. В конечном итоге родство по кормлению меняет русло течения браков, но не ради экзогамных отношений, а для сохранения эндогамии, которая в свою очередь сохраняет десцентную структуру. Я полагаю, что кормление является культурным механизмом, связывающим десцент и альянс ради сохранения эндогамии. Родство по кормлению подвергает сомнению мнение о связи десцента и альянса с экзогамией, которого придерживалось большинство исследователей родства начиная с Дж. Макленнана и заканчивая Р. Фоксом.

Библиография

- Altorki S.* Milk-Kinship in Arab society: An Unexplored Problem in the Ethnography of Marriage // *Ethnology*. 1980. Vol. 19. P. 233–244.
- Bloch M.* *Essays on Cultural Transmission*. Oxford; N.Y.: Berg, 2005.
- Brown E.A.R., Rapp C., Shaw B.D.* Ritual Brotherhood in Ancient and Medieval Europe. A Symposium // *Traditio*. 1997. Vol. 52. P. 261–381.
- Carlos M.L.* Fictive Kinship and Modernization in Mexico: A Comparative Analysis // *Anthropological Quarterly*. 1973. Vol. 46. No. 2. P. 75–91.

- Carsten J.* The Substance of Kinship and the Heat of the Hearth: Feeding, Personhood and Relatedness among Malays of Pulau Langkawi // *American Ethnologist*. 1995. Vol. 22. No. 2. P. 223–241.
- Carsten J.* Cultures of Relatedness: New Approaches to the Study of Kinship. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.
- Collier J., Yanagisako S.* Gender and Kinship: Essays toward a Unified Analysis. Stanford, CA: Stanford University Press, 1987.
- Conte E.* Choisir ses parents dans la société arabe: la situation à l'avènement de l'islam // P. Bonte (ed.) *Épouser au plus proche: inceste, prohibitions et stratégies matrimoniales autour de la Méditerranée*. P.: Éditions de l'école des Hautes Études en Sciences Sociales, 1994. P. 165–187.
- Conte E.* Alliance et parenté élective en Arabie ancienne: Éléments d'une problématique // *L'Homme*. 1987. Vol. 102. P. 119–138.
- Corbier M.* Adoption et fosterage. P.: Éditions de Boccard, 1999.
- Davila M.* (ed.) *Compadrazgo: Fictive Kinship in Latin America*. N.Y.: Harper and Row, 1971.
- El Guindi F., Read D.* Mathematics in Structural Theory // *Current Anthropology*. 1979a. Vol. 20. No. 4. P. 761–782.
- El Guindi F., Read D.* Reply to Comments on Mathematics in Structural Theory // *Current Anthropology*. 1979b. Vol. 20. No. 4. P. 782–790.
- El Guindi F., Read D.* Reply to 'On Mathematics in Structural Theory' // *Current Anthropology*. 1980. Vol. 21. No. 3. P. 389–391.
- El Guindi F., Selby H.A.* Dialectics in Zapotec Thinking // K. Basso, H.A. Selby (eds.). *Meaning in Anthropology*. Albuquerque: University of New Mexico Press, 1976. P. 181–196.
- El Guindi F.* The Internal Structure of the Zapotec Conceptual System // *Journal of Symbolic Anthropology* 1973. Vol. 1. No. 1. P. 15–34.
- El Guindi F.* Lore and Structure: Todos Santos in the Zapotec System // *Journal of Latin American Lore*. 1977a. Vol. 3. No. 1. P. 3–18.
- El Guindi F.* The Structural Correlates of Power in Ritual // R. Fogelson, R.N. Adams (eds.). *The Anthropology of Power*. N.Y.: Academic Press, 1977b. P. 299–308.
- El Guindi F.* Internal and External Constraints on Structure // I. Rossi (ed.) *The Logic of Culture: Advances in Structural Theory and Methods*. N.Y.: J.F. Bergin, 1982. P. 176–195.
- El Guindi F.* Some Methodological Considerations for Ethnography: Concrete Fieldwork Illustrations // J. Oosten, A. de Ruijter (eds.). *The Future of Structuralism*. Germany: Edition Herodot, 1983. P. 95–125.
- El Guindi F.* The Myth of Ritual: Native Ethnography of Zapotec Life-Crisis Ritual. Arizona: University of Arizona Press, 1986.
- El Guindi F.* *Veil: Modesty, Privacy and Resistance*. Oxford: Berg, 2003 (1999).
- El Guindi F.* The Cognitive Path through Kinship // *Journal of Behavior and Brain Sciences*. 2010a. Vol. 33. No. 5. P. 384–385.
- El Guindi F.* Milk and Blood: Circulation of Kinship among Muslim Arabs in Qatar. Conference paper. The American Anthropological Association Meetings. New Orleans, United States, 2010b.
- Goody J.* Adoption in Cross-Cultural Perspective // *Society for Comparative Studies in Society and History* 1969. Vol. 11. No. 1. P. 55–78.

- Gudeman S.* The Compadrazgo as a Reflection of the Natural and Spiritual Person // Proceedings of the Royal Anthropological Institute for 1971. L.: The Royal Anthropological Institute, 1972. P. 45–71.
- Gwynn E.J.* Fosterage // Encyclopedia of Religion and Ethics. Edinburgh: Clark and Clark, 1913. Vol. 6. Pp. 104–109.
- Héritier-Augé F., Copet-Rougier E.* La parenté spirituelle. P.: Éditions des archives contemporaines, 1995.
- Héritier F.* Identité de substance et parenté de lait dans le monde arabe // Épouser au plus proche: inceste, prohibitions et stratégies matrimoniales autour de la Méditerranée. P.: Éditions de l'École des Hautes Études en Science Sociales, 1994. P. 149–164.
- Lévi-Strauss C.* Les structures élémentaires de la parenté. P.: Presses Universitaires de France, 1949.
- Lévi-Strauss C.* Structural Anthropology. N.Y.: Basic Books, 1963.
- Lynch J.H.* Godparents and Kinship in Early Medieval Europe. Princeton: Princeton University Press, 1986.
- Macrides R.* The Byzantine Godfather // Byzantine and Modern Greek Studies. 1987. Vol. 10. P. 139–162.
- Mintz S., Wolf E.* An Analysis of Co-Parenthood (Compadrazgo). Indianapolis: Bobbs-Merrill, 1950a.
- Mintz S., Wolf E.* An Analysis of Ritual Co-Parenthood (Compadrazgo) // Southwestern Journal of Anthropology. 1950b. Vol. 6. P. 341–368.
- Nutini H., Bell E.* Ritual Kinship: The Structure and Historical Development of the Compadrazgo System in Rural Tlaxcala. Princeton: Princeton University Press, 1980.
- Nutini H.* A Synoptic Comparison of Mesoamerican Marriage and Family Structure // Southwestern Journal of Anthropology. 1967. Vol. 23. P. 383–404.
- Parkes P.* Milk Kinship in Islam: Substance, Structure, History // Social Anthropology. 2005. Vol. 13. P. 307–329.
- Parkes P.* Alternative Social Structures and Foster Relations in the Hindu Kush. Milk Kinship Allegiance in Former Mountain Kingdoms of Northern Pakistan // Comparative Studies in Society and History. 2001. Vol. 43. P. 4–36.
- Parkes P.* Milk Kinship in Southeast Europe. Alternative Social Structures and Foster Relations in the Caucasus and the Balkans // Social Anthropology. 2004. Vol. 12. P. 341–358.
- Pitt-Rivers J.* Pseudo-kinship // International Encyclopedia of the Social Sciences. L.; N.Y.: Macmillan, 1968. Vol. 8. P. 408–413.
- Pitt-Rivers J.* Ritual Kinship in the Mediterranean: Spain and the Balkans // The Values of Mediterranean society. L.: Weidenfeld and Nicolson, 1976. P. 21–95.
- Smith W.R.* Kinship and Marriages in Early Arabia. Cambridge: Cambridge University Press, 1885.
- Whittemore R.D., Beverly E.A.* Mandinka Mothers and Nurlings: Power and Reproduction // Medical Anthropology Quarterly. 2008. Vol. 10. No. 1. P. 45–62.

Пер. с англ. Аркадия Блюмбаума
под редакцией Владимира Попова и Германа Дзибеля

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Эта дискуссия является своего рода продолжением разговора, начатого в первом номере нашего журнала. Тогда речь шла об изменениях предметной области этнографии и антропологии во второй половине XX в. и о смене исследовательских приоритетов. Одним из результатов глобальной перестройки интересов стала маргинализация ряда традиционных тем, в частности изучения родства. Как получилось, что такая классическая проблематика антропологических исследований тоже превратилась в глубоко маргинальный топик? Что думают об этом сами специалисты в изучении родства? Возможно, с их точки зрения ситуация выглядит иначе и существуют некие объективные и субъективные препятствия в изучении родства.

Поводом к дискуссии стала публикация в 12-м номере АФ-Онлайн статьи Павла Белкова «Об использовании геометрического кода в исследованиях по классификационным системам родства», отклики на нее Николая Добронравина, Алексея Бурыкина и Владимира Попова, а также ответ Павла Белкова (АФ. № 14 Online). Мы решили продолжить обсуждение ситуации, сложившейся в области изучения родства, предложив участникам обратиться к более широкому кругу актуальных для этой области вопросов.

В состоявшейся дискуссии приняли участие специалисты в области изучения родства, принадлежащие к разным научным традициям. Некоторые участники вместо ответов на предложенные вопросы прислали свои разработки общих и специальных сюжетов родства. Тем не менее редколлегия сочла возможным опубликовать их в рамках дискуссии в качестве иллюстраций положения дел в этой области.

В ответах на **первый вопрос** (чем можно объяснить кризис в изучении родства?)

Альберт Кашфуллович Байбурин

Музей антропологии
и этнографии
им. Петра Великого
(Кунсткамера) РАН,
Санкт-Петербург / Европейский
университет в Санкт-Петербурге
abaiburin@yandex.ru

выявились несколько точек зрения. По мнению большинства участников, если не кризис, то заметное снижение внимания к изучению родства объясняется более общими процессами, происходящими в науках антропологического круга и даже шире — в современной жизни. С точки зрения Ольги Артемовой, «ослаб интерес к классической проблематике, связанной с бесписьменными культурами, а именно в них родство является структурообразующим началом всей социальной жизни. Это можно считать закономерным следствием развития и переориентации научных интересов, которые в свою очередь следуют за движением социальной реальности».

Более детально причины маргинализации изучения родства изложены в ответе Михаила Членова. Кроме кардинальной перестройки предметной области антропологии он указывает и на не менее важные изменения: процессы глобализации; исчезновение «этнографических» обществ; дискредитация исторической реконструкции на основе форм социальной организации; общая прагматизация науки, в том числе гуманитарной; постмодернистская идеология релятивизма и др.

Несколько иное видение ситуации представлено в ответе Владимира Попова, который говорит об отсутствии кризисной ситуации в области исследования родства, но при этом, с его точки зрения, кризис наблюдается в этнографии / антропологии в целом, как и во всей, в том числе отечественной, гуманитарной науке. Вызван он опять-таки процессами глобализации, что привело к переориентации в отношении объектов, предметов и методологии российской антропологии. «Как следствие — очевидный спад интереса ко многим фундаментальным темам, в том числе и к феномену родства. <...> Одна из причин этого, возможно, кроется в том, что фактически перестали заниматься первобытностью как таковой и архаическими обществами в целом (и соответственно реконструкциями ранних этапов социальной истории и социогенеза, что долгое время было обусловлено главной ориентацией этнографии на “экзотические” народы, прежде всего первобытные)». Сходного мнения придерживаются Анна Сиим и Павел Белков.

Впрочем, кардинальные перемены произошли не только в российской антропологии / этнографии. Герман Дзибель справедливо указывает на то, что «в последние 40 лет в некоторых западных научных традициях (в первую очередь в американской антропологии) исследование феномена родства подверглось капитальному пересмотру, в результате чего традиционные подходы к построению моделей систем родства как форм социального воспроизводства (эволюционизм, функционализм, структурализм, формализм) и традиционные объекты изуче-

ния (доиндустриальные неевропейские общества и их ячейки) уступили место символической, конструктивистской или интерпретативной антропологии».

Свой взгляд на сложившуюся ситуацию есть у Алексея Иванова, который считает, что за сотню лет был собран большой материал и созданы такие образцы исследований, которые почти невозможно превзойти. «Повторить столь фундаментальные труды по системам родства, как работы Э. Лича и К. Леви-Строса, практически невозможно и, вероятно, уже не столь необходимо. Нужно искать новые, менее доступные данные, такие как отношения между дальними родственниками или обязанности супругов. Но сейчас уже не так много героев, готовых отправиться за материалами в горы Мьянмы или в полупустыни Нила на год-другой».

Андрей Шабашов видит причины в захлестнувшей науку конъюнктуризации и потере интереса к фундаментальным проблемам, что в свою очередь объясняется, с его точки зрения, финансовыми и статусными причинами.

Однако не все участники обсуждения согласны с оценкой состояния изучения родства как кризисного. По мнению Бориса Казаченко, «никакого кризиса “в антропологии родства” не существует. Ничего страшного не произошло. Просто нас понуждают критически посмотреть на привычные вещи с непривычной для нас стороны. Наши представления о различных аспектах так называемого “прикладного” и “отечественного” родства при этом несколько расширяются и постепенно трансформируются, приходя в естественную норму. Следовательно, проблема не только в кризисе идей изучения родства и даже не столько в проблематике “антропологии родства”, сколько в нашем отношении к тем или иным аспектам родственности (если можно так сказать). Традиционное представление о родстве и его феномене как об исключительно лингвистической и этнографической проблематике сегодня безнадежно устарело и нуждается в адекватном переосмыслении». Вполне привлекательные соображения, особенно полезные этнографам и лингвистам, «присвоившим» эту область социальных отношений.

Так или иначе, особого пессимизма в рядах специалистов по родству не замечается. Как пишет Ольга Артемова, «все же есть люди, которые готовы продолжать заниматься немодными, непопулярными, трудными, но увлекательными фундаментальными исследованиями, в том числе и связанными с изучением родства. А науку движут вперед всегда лишь талантливые одиночки, которые несколько “не от мира сего”». Пожалуй, еще более оптимистичен Михаил Членов: «Следует предполагать

в достаточно недалеком будущем возобновление интереса к родству как этнографической проблематике. Этот прогноз определяется прежде всего теми задачами, которые ставила перед собой классическая наука о родстве. Задачи эти, безусловно, не выполнены, а стало быть, неизбежен возврат к этой тематике».

В ответах на **второй вопрос** (об объективных и субъективных препятствиях исследований родства) неожиданно большое место отведено проблеме используемого в этой области языка описания. Герман Дзибель отмечает слабости существующего метаязыка антропологии / этнологии. По его мнению, основным препятствием является отсутствие «органической междисциплинарности»: «В случае органической междисциплинарности, напротив, данные, методы и теории одной дисциплины (или школы) систематически и критически сверяются со своими аналогами в другой дисциплине (школе) ради достижения максимального познавательного эффекта и повышения эффективности производства научного знания».

Собственно, о том же говорит Анастасия Калюта: «На мой взгляд, именно принципиальная невозможность для исследователя отрешиться от родного языка при описании системы родства, построенной на совершенно иных принципах, чем его собственная, была и остается главным объективным препятствием на пути познания систем родства. Здесь основную лимитирующую роль играют как сам объект изучения, так и существующие методы исследования, даже когда они пытаются облечься в формы точных наук алгебры и геометрии». И далее: «субъективными факторами, препятствующими познанию родства, на мой взгляд, являются 1) теоретический и понятийный разнобой в современных работах по теории родства, рождающий исключительную противоречивость и непоследовательность в суждениях и эклектизм мышления самих исследователей; 2) досадное нежелание слышать друг друга».

На ненужное усложнение языка в некоторых исследованиях родства указывает Ольга Артемова: «Не могу удержаться от упрека корифеям в этой области, мне кажется, что они сознательно или бессознательно усложняют свой язык и научный аппарат, превращая сферу изучения родства в какую-то эзотерику, что вовсе не оправданно».

Павел Белков, в отличие от других дискуссионщиков, считает, что основным препятствием в изучении систем родства (одновременно и объективным, и субъективным), «является тот факт, что системы родства не преподаются как предмет исследования (с фольклором дела обстоят едва ли не хуже)». Действи-

тельно, с преподаванием дела обстоят не блестяще, однако вряд ли можно говорить, что системы родства вовсе не преподаются на этнографических отделениях и кафедрах. Еще более удивительно утверждение о фольклоре, изучение которого входит в обязательную программу студентов филологических факультетов. Другое дело, как они преподаются... Впрочем, учиться полезно не только студентам. По мнению Алексея Иванова, «серьезных препятствий не существует, <...> нужно учить теорию». Боюсь, что этот призыв вряд ли спасет дело. И не потому, что теорий даже в этой сравнительно небольшой области довольно много, а потому, что она нуждается в новых теориях, которые могут быть созданы лишь на основе полевых исследований.

Если попытаться суммировать мнения участников обсуждения по этому вопросу, то окажется, что основными объективными и субъективными препятствиями в исследованиях родства являются отсутствие удовлетворяющего специалистов общего языка описания и недостатки образования. Но если это так, то можно надеяться на успешное их преодоление.

Третий вопрос (о причинах разногласий лингвистов и социальных антропологов при изучении номенклатур родства) предполагал участие в обсуждении не только антропологов и историков, но и лингвистов. К сожалению, в ответах представлена преимущественно одна сторона. Тем не менее никакого единства взглядов не выявилось. Крайняя оценка отношений этнографов и лингвистов представлена в ответе Павла Белкова. С его точки зрения, «изучение терминов родства — это чисто лингвистическая задача, которая сводится прежде всего к этимологии, семантике и фонетическому развитию терминов родства как явлений языка. Разумеется, это не имеет никакого отношения к предмету исследования этнографии. Предметом исследования этнографии являются системы родства».

Именно против таких воззрений выступает Сергей Кулланда: «Основное разногласие между социальными антропологами и лингвистами, изучающими номенклатуры родства, состоит, на мой взгляд, в том, что и те и другие отстаивают “суверенитет” собственной отрасли, крайне ревниво реагируя на вторжение ученых иных специальностей в их исследовательскую кухню. Полагаю, максима, согласно которой при изучении терминов родства и свойства данные различных областей знания следует рассматривать отдельно, справедлива для синхронных исследований, поскольку это позволяет избежать “тенденции смешивать проблему того, что соответствующие термины могли значить ‘изначально’, с тем, что они означают сейчас”. Напротив, при диахронных исследованиях происхождения

и исторического развития систем родства не просто привлечение “инородных” материалов, но взаимодействие методов смежных наук совершенно необходимо».

Об отсутствии подлинного интереса этнографов и лингвистов к достижениям и воззрениям друг друга говорит Ольга Артемова. В этом, по ее мнению, и коренится взаимное непонимание. Но если Артемова пишет о невнимании друг к другу, то Дзибель винит в этом только одну сторону — лингвистов, которые не проявляют никакого интереса к структуре общества и к построению моделей этногенеза.

Более взвешенной позиции придерживается Михаил Членов: «Принципиальной разницы между лингвистическим и этнографическим подходами я не вижу. Вернее вижу, но не стал бы ее абсолютизировать». С его точки зрения, лингвисты плохо разбираются в системах родства, а этнографы — в терминах родства. Причиной является недостаточная подготовка тех и других в смежных областях. «Совмещение этих двух форм знания должно происходить именно в науке о родстве, где вопрос о разнице между лингвистическим и этнографическим подходами соответственно и исчезнет».

Еще более определенно высказался Андрей Шабашов. По его мнению, основная причина коренится «в безграмотности антропологов и лингвистов. Если сказать мягче — в монодисциплинарном подходе к проблеме, заведомо требующей междисциплинарного подхода».

Оказалось, что большинство участников обсуждения весьма сдержанно относятся к алгебраизации и геометризации родства (чему был посвящен **четвертый вопрос**). Точнее было бы сказать, что они прекрасно отдают себе отчет в том, что кроется за этими терминами (ср. ответы Анастасии Калюты и др.). «Речь идет о внешнем сходстве — на уровне обыденного восприятия — отображения отношений родства с математическими способами записи, а также о метафорическом императиве, призыве к точности и строгости, необходимым гуманитарным наукам» (Анна Сиим). По мнению Андрея Шабашова, «алгебраизация и геометризация являются скорее “способом ведения разговора”, а не методологией научного исследования, способом мыслить и выражать свои мысли. Наверное, для гуманитарного знания способ не лучший и имеет ряд недостатков, так как говорить о “нематематической” реальности человеческих взаимоотношений, выражаемых через термины родства, математическим языком порой просто нелепо».

С точки зрения Ольги Артемовой, «алгебра родства» представляется всего лишь удачной и броской метафорой, подчер-

квивающей сложность, порой искусственно усиленную узкими специалистами, предмета изучения. “Геометрия” же родства не может претендовать даже на роль хорошей метафоры, так как в ней нет уже свежести, оригинальности. Что же касается собственно движения научной мысли, то в лучших примерах структурно-функционального анализа реальных систем родства, как в эгоцентрической (номенклатуры родства), так и в социоцентрической (родственные группы, десцент) перспективах, нет ничего ни от алгебры, ни от геометрии. На мой взгляд, те из наших коллег, кто претендует на “алгебраизацию” или “геометризацию”, несколько “модничают” и рисуются, забывая, быть может, что их роль в изучении предмета куда менее важное обстоятельство, нежели постижение его сути».

Дуайт Рид считает, что формальный анализ может быть полезен. Вместе с тем, по его мнению, «формальный анализ может быть ничем не лучше нашего обыденного понимания культурных систем, которые являются объектом формализации, особенно когда мы прибегаем к математической формализации как способу определить, что же логически следует из фундаментальных культурных концептов и представлений, являющихся неотъемлемой частью того, как специфические черты системы культурных представлений порождаются из этих фундаментальных концептов». Позитивно относится к алгебраизации и геометризации Михаил Членов, который рассматривает их в качестве возможных и даже необходимых способов формализации отношений родства.

Ответ Павла Белкова показал, что автор, пропагандирующий «геометризацию» в изучении родства, считает другой способ формализации отношений родства — «алгебру родства» — «псевдолингвистическим подходом» («по крайней мере со стороны этнографов», — уточняет он). Видимо, это следует понимать в контексте рассуждений Павла Белкова (в его ответе на третий вопрос) о необходимости разграничения предметов исследований этнографов и лингвистов.

Ответы на последний вопрос вселяют оптимизм в тех, кто готов разделить взгляды участников обсуждения. Оказывается все же, что родство — весьма перспективная область исследований. Нет нужды в подробном перечислении всех значимых тем, указанных дискуссантами. Сошлюсь лишь на ответ Михаила Членова, в котором, по сути, изложен краткий проект возвращения былой значимости этой области знания:

Простые, хотя и трудоемкие вещи, с которых надо начинать восстанавливать науку:

А. Вводить на специализированных кафедрах курсы по родству.

Б. Начать собирать всемирный, а для начала региональные курсы СТР; мердоковский HRAF никуда не годен.

В. Систематизировать основные понятия: отношение родства, тип родства, класс родства и пр. <...> Добиться признания терминологии можно, только интенсивно внедряя ее в лекционные курсы.

Г. Искать иные пути анализа, кроме как через корреляцию структурных типов СТР и форм социальной организации на микроуровне.

Весьма перспективными кажутся соображения, высказанные Дэвидом Кроненфельдом (о соотношении личного опыта родства с его осмыслением), Анастасией Калютой (изучение родства в контексте развития понятия «личности»), Юлией Артемовой (проблема квазиродства и проецирование родственных отношений на неродственные) и другими участниками обсуждения.

Как видим, задач много. Вызывает ли такой оптимистический и вместе с тем вполне рабочий настрой надежду на то, что эта область исследований снова станет привлекательной для антропологов и представителей смежных дисциплин? Теоретически такое может произойти, но только в том случае, если специалисты, во-первых, обратятся к изучению современных отношений родства и, во-вторых, пересмотрят многие устоявшиеся взгляды и подходы. Хотелось бы, чтобы состоявшаяся дискуссия оказалась шагом в этом направлении.

Альберт Байбурин